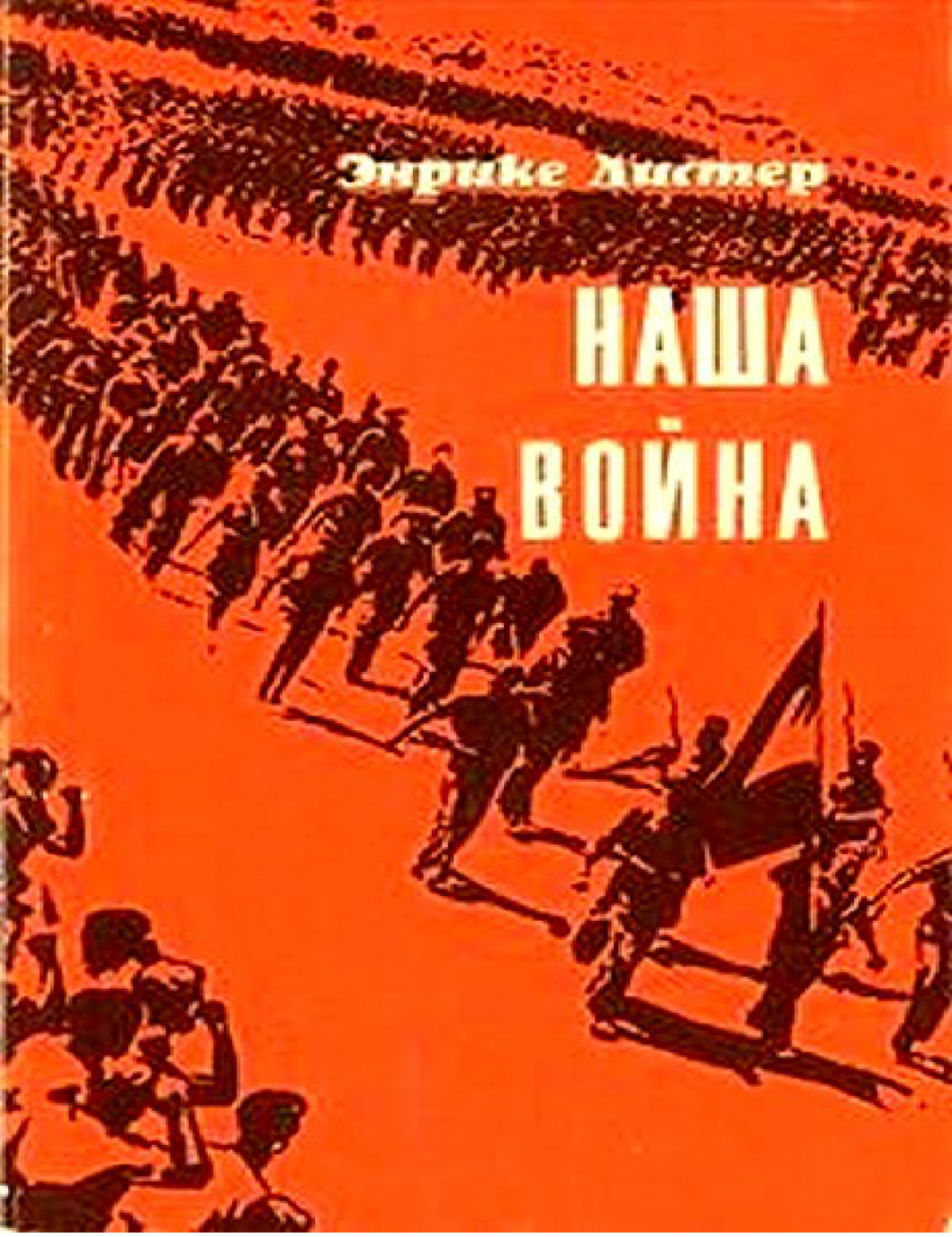
Энрике Листер

НАША ВОЙНА



SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Энрике Листер — один из видных деятелей Коммунистической партии Испании, прославленный военачальник республиканской армии. Книга "Наша война" — это и биография автора, и хроника тех сражений, в которых он принимал участие как командир легендарного 5-го полка, а затем — дивизии и корпуса, и историческое исследование о национально-революционной войне испанского народа 1936–1939 годов. Мятеж франкистов и интервенция фашистских держав, создание народной армии, героическая оборона Мадрида, бои у Гвадалахары, под Теруэлем, на реке Эбро — обо всех этих событиях автор рассказывает интересно и волнующе. Большое место в мемуарах уделено бойцам-интернационалистам. Особенно сердечно Листер пишет о советских добровольцах — летчиках, танкистах, военных советниках, показавших замечательные образцы доблести и революционного долга в защите Испанской республики.

Made for library
LIBRUSEC

- Энрике Листер
  - Немного об этой книге и ее авторе
  - Вместо введения
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - Глава десятая
  - Глава одиннадцатая
  - Глава двенадцатая
  - Глава тринадцатая
  - Глава четырнадцатая
- notes

- ○ 1
- ○ 2
- ○ 3
- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44

- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54

Энрике Листер
Наша война

1 апреля 1939 года закончилась Испанская война — первая битва Второй Мировой войны.

Спустя пять месяцев фашизм развязал мировую войну.

Народы не забудут этого урока.

Немного об этой книге и ее авторе

Недавно мне довелось предпринять небольшое путешествие по Испании. Признаюсь, отправлялся я в него со смущенной душой. Ведь за последние 30 лет советские люди там почти не бывали. Казалось, трудно будет гостить в стране, где нет ни родного посольства, ни консульства, ни даже торгового представительства. Да еще к тому же я не знаю испанского языка.

Однако путешествие обернулось самым неожиданным для нас образом. Мои соотечественники, сражавшиеся добровольцами за республиканскую Испанию более 30 лет назад, оставили здесь в сердцах людей такую добрую память, что слово «руссо» (русские) оказывалось сильнее страха перед жандармами в лакированных касках, и мы — два советских человека — чувствовали на себе как бы отсвет славы нашей Родины, какую-то особую приязнь со стороны самых различных людей.

…В огромном туристском автобусе мы ехали из Мадрида в Малагу. Путь лежал через рыжие земли провинции Ла-Манча, так сказать, по дорогам Дон Кихота. И где-то на середине пути автобус наш остановился у ресторана, стилизованного под средневековую корчму. Он так и назывался, этот ресторан, «У гидальго». За ним вращала крыльями старая мельница. В прихожей — бутафорские доспехи «рыцаря печального образа», уздечка ослика Санчо Панса. В остальном же это обычный американизированный мотель, блещущий стеклом и никелем.

Иностранные туристы — неотъемлемая часть быта этой страны. К ним привыкли, не обращают на них внимания. Но слово «руссо», «руссо» сразу зашелестело за нашей спиной.

Когда мы, отделившись от разноплеменной толпы спутников, отправились мыть руки и ненадолго очутились наедине с хромым стариком-уборщиком, шаркавшим шваброй по полу, он подошел к нам и поднял, сжав кулак, правую руку, приветствуя нас этим салютом республиканской Испании. «Пасионария! — сказал он. — Листер, Энрике Листер!.. Сесенья… Мадрид… Эль Пардо…» И снова: «Энрике Листер… Харама», — и постучал по искалеченной ноге.

Хотя мы не знаем испанского языка, мы поняли: нас приветствует ветеран гражданской войны, сражавшийся под командованием Листера, участвовавший в знаменитых сражениях и раненный в боях на реке Харама, о которых так много писала тогда мировая и наша, советская печать.

…Автобус нес нас дальше, к побережью Средиземного моря. Мелькали городки и города с историческими, звучными

названиями, а я все думал об этом старике, о его красноречивом приветствии и о том, с каким уважением и любовью повторял он теперь, 30 лет спустя, имя своего командира: Листер… Энрике Листер…

Я знаю Энрике Листера — одного из самых замечательных революционеров, каких мне только доводилось встречать. Да и кто из людей моего поколения, следивших за героической борьбой испанских республиканцев, за этой первой яростной схваткой сил мира и прогресса с объединенными силами фашизма, не помнит имен полководцев республиканской Испании — Листер, Модесто, Сиснерос. И особенно, конечно, имя Энрике Листера, на долю которого выпали самые трудные бои и самые нелегкие победы республиканской армии. Он командовал сначала знаменитым 5-м полком, созданным по инициативе Коммунистической партии Испании, затем 1-й бригадой, 11-й дивизией и наконец V армейским корпусом, являвшимися как бы гвардией республиканской армии, ее самыми надежными, самыми верными и стойкими частями.

Мы — советские люди — понимали: там, в Испании, фашизм пробует свои зубы и когти, там репетирует он свои будущие атаки на миролюбивые государства, там испытывает он свое оружие. И мы следили за неравной, героической борьбой молодой, необстрелянной республиканской армии в далекой Испании с такими чувствами, будто борьба эта происходила рядом с границами нашей страны.

Бои под Мадридом и у Сесеньи, разгром итальянского экспедиционного корпуса под Гвадалахарой, битва на реке Эбро — все это вошло в наше сознание и запомнилось с тех давних лет. И хотя потом была величайшая из войн, в которой Советская Армия разгромила силы фашизма, сплоченные Гитлером под его разбойничьими знаменами, хотя после этого советские солдаты водрузили свое знамя над цитаделью фашизма — берлинским рейхстагом, эти испанские названия не выветрились из нашей памяти. И во всех этих операциях принимал главное участие со своими соединениями Энрике Листер, человек легендарной славы, о котором в свое время буржуазная пресса сочинила столько легенд. Говорилось о его аристократическом происхождении, о том, будто образование он получил во французской военной академии… Многое болтала в те дни буржуазная печать, стараясь объяснить непонятные ей полководческие дарования этого неаттестованного республиканского военачальника, о котором точно знали лишь одно: что он коммунист.

Герой Сталинграда генерал А. И. Родимцев, в юные свои годы

сражавшийся за Испанскую республику под именем Паблито, с уважением говорил мне о Листере.

— Это испанский Чапаев… Простой рабочий парень. Но посмотрели бы вы, как он командовал офицерами своего штаба!

С «испанским Чапаевым» я познакомился на конгрессе сторонников мира в Париже, в дни, когда зарождалось движение сторонников мира. Плечистый человек с красивым, энергичным лицом, с будто углем нарисованными бровями и ироническим взглядом живых черных глаз, он выделялся в разноплеменной толпе интеллигентов, теснившихся в президиуме.

— Кто это? — спросил я Илью Эренбурга, который с ним поздоровался.

— Энрике Листер.

— Как, тот?.. — несколько нелепо воскликнул я.

— Другого я не знаю, — иронически улыбнулся Илья Григорьевич. — Заинтересуйтесь. Тоже настоящий! — И он нас познакомил…

С тех пор я не раз встречал этого полководца испанских борцов за свободу, который в битве народов за мир так же инициативен, дальновиден и мудр, как на полях сражений в Испании.

И вот в ваших руках, читатель, его книга — интереснейшие мемуары, в которых необыкновенный этот человек рассказывает правду о времени и о себе. Он не претендует на роль историка гражданской войны в Испании. Он пишет лишь о событиях, в которых сам принимал активное участие, о людях, с которыми дружил или боролся, о фактах, которые наблюдал. Читая мемуары Энрике Листера, ярко представляешь себе эту войну, ее героический ход и ее трагический для испанского народа конец. И хотя автор, говоря о битвах, которые давно уже отшумели, не стесняется рассказывать жестокую правду, вскрывая причины поражения, она, эта правда, укрепляет нашу веру в моральную победу республиканцев, в их правоту. И книга Листера, написанная спустя 30 лет после свершения описанного, — боевая книга, призывающая людей к бдительности и сегодня…

И еще. Читая эту книгу, я понял, почему до сих пор во франкистской Испании простой уборщик в придорожной корчме с таким уважением произносил: «Листер… Энрике Листер…»

Б. Полевой

Вместо введения

Обо мне злословят, будто я не испанец. В действительности я родился в 1907 году в Кало, в провинции Ла Корунья.

Моего отца звали Мигель; родом он из Писо в Понтеведра. По профессии — каменотес. Умер в эмиграции в Гаване.

Мать родилась и прожила всю жизнь в Кало, звали ее Хосефа. Она неоднократно подвергалась репрессиям со стороны франкистской диктатуры, умерла в 1954 году.

Мои друзья много раз настойчиво советовали мне написать мемуары. Считая, что еще не наступило время, я сопротивлялся этому. Я и сейчас придерживаюсь того же взгляда, но, поскольку о войне в Испании так много писали и продолжают писать,

зачастую искажая факты, я решил высказать в мемуарах свое мнение, главным образом о событиях, в которых принимал непосредственное участие.

Несомненно, ряд высказываний в этой книге могут показаться некоторым читателям слишком критичными. Тем не менее хочу подчеркнуть, что сказано не все. Поскольку Франко еще находится у власти и борьба против диктатуры продолжается, по моему мнению, следует подождать с оценкой ряда событий и людей, как тех, о которых я пишу в этой книге, так и тех, о которых я даже не упоминаю.

Я считаю также необходимым, поскольку неоднократно распространялись различные версии о моем происхождении, национальности и т. д., являвшиеся плодом досужей фантазии, а иногда и злого умысла, прежде чем начать свои воспоминания о войне, сказать несколько слов о своем происхождении и о том, чем я занимался до войны.

Совершенно очевидно, что главные причины нашего поражения — поддержка мятежников вооруженными силами Германии и Италии; участие правителей Англии, Франции и США вместе с гитлеровской Германией и фашистской Италией в удушении Испанской республики; продолжительная негативная деятельность Лондонского комитета по невмешательству в испанские дела; закрытие французской границы и ряд других международных актов, направленных против испанского народа.

Однако все это не должно служить дымовой завесой для того, чтобы скрыть совершенные нашей стороной в ходе войны военные и политические ошибки, способствовавшие нашему поражению. Некоторых из них я также коснусь.

С моей стороны, однако, было бы чистейшим самохвальством утверждать, будто все ошибки и неудачи, о которых я говорю в книге, были мне понятны уже в тот период и я осознавал их так же ясно, как сегодня. Правда и то, что некоторые ошибки я видел и тогда, критиковал их и старался на ходу, по мере возможности, исправлять; другие стали мне понятны спустя годы, в результате изучения уроков войны, обмена мнениями и накопленного впоследствии опыта.

Я знаю, что многое из сказанного в этой книге заденет не одного человека, но, взявшись за перо, я думал о тех, кто погиб, храбро сражаясь, и о тех, кто после поражения сумел остаться достойным павших. Я писал, думая о тех, кто не участвовал в этой войне: о наших детях, о детях тех, кто воевал по эту и по ту сторону окопов, и о детях остальных испанцев, все решительнее объединяющих свои усилия, чтобы ликвидировать последствия войны 1936–1939 годов и открыть Испании дорогу к свободе.

Если написанная мною книга чем-либо поможет им, я буду рассматривать ее как выигранную у общего врага битву.

Глава первая

Рождение. — Поездка на Кубу. — Жизнь на Кубе. — Возвращение в Испанию. — Столкновение с кузнецами и жандармерией. — Отъезд на Кубу и поездка в Нью-Йорк. — Прибытие в Испанию и арест. — Вступление в Коммунистическую партию Испании. — Я — председатель профсоюза. — Районный съезд. — Борьба. — Столкновение с хозяевами. — Поездка в Советский Союз. — Возвращение в Испанию. — Я отвечаю за антимилитаристскую работу в партии.

Я родился 21 апреля 1907 года в селе Аменейро, насчитывавшем примерно тридцать жителей, в приходе Кало, в семи километрах от Сантьяго де Компостела, в провинции Ла Корунья.

Моя мать была крестьянкой, отец — рабочим-каменотесом. Из нас — семерых детей — пять братьев стали каменотесами, как и отец, а две сестры — крестьянками, как мать. Начиная с 1930 года, все мы, братья, постепенно вступали в коммунистическую партию. Когда вспыхнул мятеж, фашисты арестовали в Кало и убили старшего брата Константе, советника муниципалитета Тэо; схватили и по приговору трибунала расстреляли Фаустино — он был моложе меня и являлся председателем профсоюза. Двум другим братьям — Эдуардо (постарше) и Мануэлю (помоложе меня) — удалось оружием проложить себе дорогу в горы. Там они скрывались несколько лет. Мать и обе сестры постоянно подвергались преследованиям и издевательствам фашистов. Отец в это время находился на Кубе. Там он и умер в 1941 году.

Итак, я был третьим ребенком в семье и, как многие дети в Галисии, начал работать, едва научившись ходить. Школу я не посещал и, когда мне исполнилось одиннадцать лет, уехал с отцом на Кубу, где уже находились два моих старших брата.

В первые месяцы пребывания на Кубе я очень скучал, вспоминая мать, братьев, друзей, село, окрестные поля, сосновые рощи и соседские сады. На эти сады я часто совершал набеги и лучше хозяев знал, какие деревья приносят самые вкусные плоды. Если бы от Галисии меня отделяла земля, а не море, думаю, я отправился бы туда пешком. Но в таком настроении я пребывал недолго.

С момента приезда на Кубу, за исключением времени, проведенного в Матансасе, я жил в квартале Белен в Гаване. Вместе с ребятами этого квартала я вел жизнь, свойственную

детям моего возраста. Мы ходили купаться на Малекон и совершали поступки, после которых родственники не раз вынуждены были забирать нас из полицейского участка и платить штраф. За стойкость и силу, проявленные в уличных драках, мне дали прозвище «Инкогнито». Так называли на Кубе популярного в то время борца.

Кубинцы гостеприимны, щедры, искренни и серьезны в отношении к людям. У тех, кто поверхностно судит о людях и народах, может сложиться иное впечатление при виде того веселья, с каким кубинцы делают все свои дела. Я же думаю, что радость и оптимизм кубинцев — одни из лучших качеств этого народа. Среди кубинцев невозможно чувствовать себя иностранцем, и через несколько месяцев я стал настоящим патриотом квартала Белен. В 1981 году вновь оказавшись на Кубе после более чем тридцатилетнего отсутствия, я прежде всего посетил этот квартал, прошелся по его улицам, побывал в домах, в которых когда-то жил. Я старался представить себе, что стало с моими друзьями детства.

Какую радость испытывал я, вновь вступив на кубинскую землю, ту самую знакомую мне землю, но находившуюся теперь в других руках! Единственным хозяином и господином этой земли стал народ.

Но вернемся к моему повествованию. Чтобы избавить от тяжелого труда каменотеса, отец решил сделать из меня продавца в бакалейной лавке. В одиннадцать лет, еще не умея читать и писать, я стал учиться на бодегеро[1] в лавке Хосе Альбариньо на углу улиц Соль и Сан Игнасио в Гаване. Обучение состояло в том, что я ежедневно поднимался по десяткам лестниц, нагруженный товарами, заказанными по телефону. Выполнял и другие работы: мыл полы, грузил ящики и мешки. Для этого не требовалось уметь читать и писать, достаточно было иметь крепкие ноги, сильные плечи и легкие, а всем этим природа не обидела меня. Прожив несколько лет в галисийском селе, я имел прекрасное здоровье. Работа, продолжавшаяся с шести часов утра до одиннадцати вечера, была тяжелой. Но не это тяготило меня, ибо я привык к тяжелой работе у себя на родине. Меня по нескольку раз в день избивал шурин хозяина, Селестино. По любому поводу я получал пинки и удары кулаком, пока в один прекрасный день не разбил о его голову бутылку с коньяком. Селестино отправили в госпиталь, а я, перескочив через прилавок, укрылся в доме старшего брата.

Несмотря на то что первый опыт закончился так неудачно, отец все еще не хотел верить, что у меня не лежит душа к торговле, и устроил в лавку другого своего знакомого, Хосе Лопес

де Оренсе, на улице Салуд, 231.

В новой лавке круг моих обязанностей оставался прежним. Разница заключалась лишь в том, что меня не били. И это было уже немало!

Здесь я также быстро подружился с местными ребятами, дарил им сладости, шоколадные конфеты и другие вкусные вещи, которые мне удавалось вынести из лавки. В один прекрасный день хозяин пришел к выводу, что торговца из меня не получится, и сказал об этом отцу. Отцовская мечта сделать из меня лавочника, избавить от зубила, резца и молота каменотеса рухнула. Но это вовсе не означало, что мне удалось добиться своего — стать каменотесом.

Некоторое время я работал на фабрике деревянной тары. Затем, примерно год, мы жили в Матансасе. И только когда мы вновь вернулись в Гавану, я начал учиться профессии каменотеса. Одновременно поступил в вечернюю школу Галисийского центра, которую посещал после работы. Мне было в то время четырнадцать лет.

В 1924 году, когда я работал на строительстве Астурийского центра, каменотесы организовали свой профсоюз и меня назначили представителем на стройке. Это было моим боевым профсоюзным крещением.

К тому времени я полностью приспособился к кубинскому образу жизни, «аплатанадо», как говорили там, и все реже думал о возвращении в Галисию. Но 25 января 1925 года произошло событие, изменившее спокойное течение моей жизни. В тот день работавший вместе со мной земляк рассказал о письме, полученном им из Галисии. Ему сообщали, что наш сосед-кузнец и один из его сыновей избили мою мать, поранив ей лицо. Я горячо любил мать. Расстояние, разделявшее нас, еще больше усилило это чувство. Как только я узнал о случившемся, меня охватило одно-единственное желание: на первом же пароходе отправиться в Галисию. Я пошел к управляющему, заявил о своем намерении оставить работу и попросил рассчитать. У меня было несколько сот песо, сбереженных на черный день, — у каменотесов такие дни бывают часто. Получив в консульстве свой паспорт и заплатив соответствующий штраф за все годы, что не показывался там, я купил билет на пароход, отправлявшийся 28 января в пять часов вечера, и запасся пистолетом девятого калибра с коробкой патронов.

В полдень 28 января я появился в трактире, где обычно обедали отец и два брата, рассказал им о письме из Галисии и сообщил, что через три часа отправляюсь на пароходе в Испанию. Они были возмущены поступком кузнеца, но в не меньшей

степени моим решением, так как считали, что у них больше прав отправиться за океан и встать на защиту матери. Но поскольку ни у кого из них не было оформленного для выезда паспорта и билета на пароход, им ничего не оставалось, как проводить меня до пристани.

11 февраля я прибыл в Виго, а 13-го был уже дома. Первое, что бросилось мне в глаза, это шрам на лице матери, рассекавший бровь до самого глаза. Кузнец ударил мать рукояткой пистолета, а его сын в это время держал ее.

Мать сделала все возможное, чтобы замять случившееся. Я успокоил ее, но с первого же дня стал искать случая отомстить обидчикам.

Однако кузнецы словно исчезли: отец и сын перестали бывать в таверне, куда обычно ходили, а поскольку работали они у себя дома, встретить их было невозможно.

Так прошел февраль. Однажды, в середине марта, ранним утром у нас в доме появились четыре жандарма. Они произвели обыск и забрали у меня пистолет. Кузнецы по-прежнему не показывались, но время от времени давали о себе знать. Наконец 30 апреля мы встретились перед их домом. Произошла драка. Сын кузнеца получил ранение в легкое. Отец, видя, что сын падает, трусливо бросил его и заперся в своем доме. Я был ранен в голову.

История с кузнецом требует некоторого пояснения для того, чтобы стало понятно, какой след она оставила в моей душе и как в последующем развивались взаимоотношения между нашими семьями.

Кузнец и мой отец в молодости были друзьями. В один из приездов отца с Кубы — он совершил восемь вояжей на Кубу и обратно — кузнец нанял его строить дом. Отец взялся за работу, не заключив письменного контракта, что было в порядке вещей между знакомыми и друзьями. В ходе работ отец неоднократно обращался к кузнецу за деньгами; но последний всегда находил причину не платить ему. Когда строительство было завершено, кузнец заявил отцу, что ничего ему не должен.

Отцу пришлось продать корову, свинью, взять деньги в долг и отдать все до последней копейки, чтобы расплатиться с рабочими и за строительные материалы, после чего он вновь уехал на Кубу.

Кузнец был типичным галисийским сельским гангстером. Начав на пустом месте, он, постепенно отбирая землю у соседей, стал богачом.

С помощью сыновей, а их у него было шестеро, он третировал всех, кто оказывал ему сопротивление, а некоторых, вовлекая в тяжбы, разорял. Он пользовался поддержкой касиков[2],

жандармов, судьи и членов провинциального суда. Всем им он делал подарки за счет награбленного у крестьян — своих соседей.

Вскоре после описываемых событий кузнец в драке смертельно ранил Ламаса, одного из самых безответных крестьян округи. Уже лежа на земле, умирая, тот выстрелил в кузнеца и убил наповал.

После этого семья его стала распадаться. Сын, с которым я дрался, вступил в профсоюз. Участие в профсоюзной борьбе, а затем пролитая в совместной битве против фашистов кровь стерли ненависть между нашими семьями.

Вот что сообщает о нашей семье и о событиях 1936 года в Галисии галисийский писатель Мануэль Д. Бенавидес в книге «Группой командуют капралы», опубликованной вскоре после окончания войны и написанной на основе свидетельств их участников и очевидцев.

«Братья Листер.

В местечке Аменейро муниципалитета Тэо, судебного округа Падрон каменотесы Константе, Эдуардо, Фаустино и Мануэль Листер вместе со своими товарищами из профсоюза рабочих разных ремесел читали сообщения постоянной комиссии Конгресса республики о восстании. Мануэль был самым молодым из пяти братьев Листер. Третий — Хесус обосновался в Мадриде и называл себя Энрике Листер. Братья жили с матерью и двумя сестрами. Отец находился на Кубе. Все пять братьев были настоящими мужчинами: крепкими, закаленными и твердыми, как кирки, которыми они обтесывали камни. 18 июля профсоюз мобилизовал людей…»

«…В профсоюзе Тэо стало известно, что из Виго в Сантьяго отправляется поезд с боеприпасами. Нападение на поезд решили организовать на станции Осэбэ. Рабочие, вооруженные несколькими дюжинами ружей, расположились около станции. Они предполагали, что поезд будут охранять, как обычно в таких случаях, две пары жандармов. Однако им пришлось столкнуться с двенадцатью жандармами и двадцатью молодчиками из фаланги и рекете. Бой длился недолго. Двое из нападающих были ранены. Пришлось отступить в лес. Рабочие прошли несколько километров, неся на себе раненых. Жандармы не преследовали их. Остановились в сосновой роще…

Все здесь?

Не хватало «о феррейро»[3].

— Я поищу его, — предложил Фаустино Листер.

Фаустино нашел «о феррейро». Тот был ранен в грудь и истекал кровью. Каменотес взвалил его на плечи.

— Эу морро![4] — воскликнул раненый.

Листер почувствовал на своей шее его хриплое дыхание, положил на землю и нагнулся над ним… Но в это время за его спиной звякнули затворы жандармских маузеров. Фаустино закрыл лицо «о феррейро» платком и протянул жандармам руки для наручников. Его отвели в тюрьму в Сантьяго.

Для матери начались дни скорбного паломничества. Это была худая, истощенная, но державшаяся прямо старушка. Она всю жизнь отдала детям и столько сделала для них, что братья Листер выглядели великолепно. Она гордилась крепким потомством, которое произвела на свет и вырастила, потомством, платившим ей огромной любовью.

…И вот Фаустино грозит гибель, а остальные братья вынуждены скрываться в лесах. Мать отправляется в Сантьяго. Она стучится во все двери.

…— Мы освободим его, если явятся братья, — пообещали мятежники. Мать пошла в горы, рассказала об этом Эдуардо, Константе и Мануэлю и просила укрыться так, чтобы их не могли найти. Но Константе решил по-другому. Он был женат, имел несколько детей. Он думал всю ночь, а наутро сообщил мятежникам, что готов сдаться, если освободят брата. Мысли Константе были безыскусными, чистыми, наивными мыслями каменотеса. Камень ведь тоже такой. Мысли фалангистов были мерзкими, грязными и страшными, как гнилое дерево гроба. Константе пообещали освободить брата, и он сдался.

Военный трибунал приговорил Фаустино к смертной казни. Его расстреляли на кладбище Бойсака. Вместе с ним с поднятыми кулаками упали несколько рабочих из Падрона и журналист Хуан Хесус Гонсалес. Взводом командовал капитан Сааведра из кадрового состава армии.

Еще больше постаревшая, похудевшая, истощенная мать продолжала паломничество. Каждую ночь фалангисты уводили из тюрьмы арестованных.

Однажды вызвали Константе Листера.

Фалангисты увидели идущего на них со сжатыми кулаками, сверкающими глазами Константе… Двоих он сбил с ног… Третьего ударил… С криками ужаса палачи выпалили в него из пистолетов…

— «Ай, меус фильос»![5]

Эдуардо и Мануэль включились в партизанскую борьбу».

Да, моя мать была настоящей женщиной из народа. Она верила в бога, ходила к обедне, но священнику, когда он говорил, что мы, коммунисты, плохие люди, не верила. Она ничего не знала о коммунизме, но знала своих детей, знала, что мы не способны сделать ничего дурного и, если мы стали

коммунистами, значит, в коммунизме не могло быть ничего плохого…

Отец — очень трудолюбивый человек — прекрасно владел ремеслом каменотеса. Он был хозяином своего слова и то, что обещал, обязательно выполнял. Его отличали храбрость и щедрость и необычайная лояльность по отношению к своим друзьям. Мать он глубоко уважал, а сыновей крепко любил. Но это была любовь без особых эмоций. Я не помню, чтобы он когда-либо целовал меня или сажал к себе на колени. Столь же сдержан отец был и с моими братьями.

Самый старший из нас — Константе владел профессией каменотеса так же хорошо, как и отец. Его благородство граничило с наивностью. Этим и объясняется, что он поверил фашистам и сдался им, пытаясь спасти Фаустино.

Мы все были очень привязаны друг к другу, и я уверен, что жандармы, с которыми я не раз вступал в потасовки, потому, в частности, не осмеливались убить меня, что понимали — братья своими руками свершат правосудие.

Я, пожалуй, слишком увлекся семейными делами, особенно историей с кузнецом. Но именно эта история о несправедливости и обмане, свидетелем которой я был в пору своего детства, оставила во мне глубокий след и помогла выбрать жизненный путь. Борьба с несправедливостью привела меня к коммунистам.

Моя ненависть к жандармерии и частые, по разным поводам столкновения с ней на протяжении 1925–1930 годов хорошо были известны в округе. Истоки этой нелюбви требуют пояснения. Ненависть к жандармам возникла у меня еще в восьмилетнем возрасте. И причиной ее появления был все тот же кузнец. История с постройкой дома была еще свежа в памяти, когда отец перед поездкой на Кубу сидел со своими друзьями за чаркой вина в расположенной вблизи нашего дома таверне. Тут же в отдельной комнате кузнец угощал обедом троих жандармов. Вдруг жандармы вошли в общий зал и потребовали, чтобы отец покинул таверну. Кузнец ухмылялся, стоя за их спинами. Я был свидетелем этой сцены, видел, как отец сопротивлялся, но в конце концов вынужден был подчиниться. Эта сцена, особенно имея в виду то восхищение, любовь и уважение, которые я испытывал к отцу, произвела на меня гнетущее впечатление. С того момента во мне стало расти чувство ненависти к жандармам, ненависти, которая усиливалась по мере того, как я все более ясно осознавал их роль, роль сторожевых псов касиков и эксплуататоров. Достаточно было касику приказать убрать кого-либо, и этого человека избивали так, что спустя несколько недель или месяцев он умирал.

Столкновения с жандармами возникали у меня по различным поводам, но причинами всегда были провокации с их стороны, злоупотребления, несправедливость, а также обоюдная ненависть.

В те годы я не умел танцевать, научился только во время войны, да и то лишь одному танцу — пасадобле. Утверждения анархистов, будто танцы — «преддверие проституции» и тому подобная чушь засели в моей голове. Поэтому я не только не стремился научиться танцевать, но часто спорил с братьями — любителями танцев.

Тем не менее я пользовался любыми праздниками и ярмарками, чтобы встречаться с товарищами. То было время военной диктатуры, но люди из разных приходов, соседних муниципалитетов и даже более отдаленных мест, беседующие под деревьями или вокруг столов, не вызывали подозрений.

Несмотря на мое отношение к танцам, мне не раз приходилось выступать в защиту танцоров. Расскажу лишь об одном случае. Как-то я находился в приходе Бугальидо с группой товарищей из Амеса и Бриона. В разгар веселья к нам подошли несколько дюжих молодых людей и сообщили, что сержант приказал прекратить танцы. Было еще светло, но жандармам, видимо, хотелось пораньше освободиться.

Их поведение возмутило меня, и я сказал дирижеру оркестра, чтобы он продолжал играть. Одновременно посоветовал молодым людям последить за порядком. Танцы продолжались. Наше неповиновение, а также обилие выпитого вина вызвали у сержанта нервный припадок. Пришлось прибегнуть к помощи врача. На этот раз инцидент был исчерпан.

Но не все подобные стычки заканчивались столь безобидно. Так, в середине мая 1929 года я с товарищем возвращался с собрания группы рабочих-лесопильщиков, которое мы проводили в ночь с субботы на воскресенье в сосняке прихода Качейрас. Около деревни Рахо мы увидели пересекающий шоссе крестный ход и остановились примерно в двухстах шагах, пропуская его, а затем продолжили свой путь. Вдруг один из священников сделал нам знак обнажить головы. Мы не обратили на него внимания. Тогда он поднял крик. Подойдя к нему, я сказал, что здесь не церковь, к тому же мы уже проявили достаточно уважения к церковным обрядам, остановившись на почтительном расстоянии, хотя имели право продолжать свой путь.

В этот момент появились находившиеся поблизости в таверне три жандарма, которые попытались задержать меня. Это были старшина Рэй, жандарм Санмигель и еще один, имени которого я не помню. Рэй стал справа от меня, Санмигель слева, а третий пристроился сзади. После этого они приказали мне следовать за

ними в таверну.

Несправедливость ареста, торжествующая улыбка священника и других свидетелей этой сцены так взбудоражили мою кровь, что одним ударом я свалил Санмигеля на землю, а затем, не дав старшине выхватить пистолет, ударил и его. В этот же момент жандарм, стоявший сзади, прикладом разбил мне голову. Но я продолжал держать старшину, и жандарм не решался выстрелить в меня. Думается, что ему и не очень хотелось это делать. Он бегал вокруг как сумасшедший. Тут в дело вмешалось несколько сомatenес (нечто вроде деревенской полиции, комплектовавшейся из волонтеров, в большинстве случаев реакционеров). С их помощью жандармам удалось втащить меня в таверну, принадлежавшую одному из сомatenес.

Воспользовавшись суматохой, мой товарищ сбежал, и жандармы решили, что он отправился предупредить моих братьев. Так оно и оказалось. Тогда они сообщили о случившемся командиру роты капитану Хосе Бланко Ново в Сантьяго и попросили у него подкрепления. Во второй половине дня в таверне появился сам капитан с пятью жандармами. Он приказал всем покинуть зал и, когда мы остались одни, сказал, что сюда направляются мои братья и друзья и я буду нести ответственность за трагедию, которая может произойти. После этого я позволил увести себя. Спустя несколько минут мы выехали в Сантьяго, где меня заключили в тюрьму.

На следующий день в тюрьме появился пехотный майор Карнеро, назначенный для ведения следствия. Его сопровождал в качестве секретаря сержант Ривас. Первые же слова майора удивили меня. Он стал ругать жандармерию и вел допрос в благоприятном для меня направлении. В конце он сказал, что понимает мое стремление как можно скорее выйти на свободу и поэтому на следующий же день пришлет мне на подпись прошение на имя военного судьи, которое затем направит ему вместе с делом. Спустя восемнадцать дней я был отпущен на поруки. Что касается капитана жандармерии Бланко Ново, то в 1947 году, будучи уже подполковником, он зверски убил нашего товарища — Касто Гарсиа Росаса, руководителя коммунистов и партизан в Астурии.

9 ноября того же 1929 года на местной ярмарке появились пять жандармов. Один из них подошел ко мне и грубо схватил за лацкан пиджака. Ударом кулака я повалил жандарма на землю, затем поставил на ноги и, сорвав с него ремни, отхлестал по лицу. Вмешались другие жандармы. Тут же были и два моих брата с товарищами. Это обстоятельство охладило жандармов, в глубине души радовавшихся уроку, который я дал их приятелю-

провокатору. Этим дело и ограничилось.

Жандарма звали «Эл Каталан»[6]. Он был незаконнорожденным сыном Риверо де Агилар, в доме которого его мать работала прислугой. В 1936 году один из Риверо де Агилар выступал в качестве прокурора на военном суде, приговорившем моего брата Фаустино к смертной казни. В годы диктатуры Франко он стал миллионером.

Однако я основательно забежал вперед, поэтому возвращаюсь к своему повествованию.

1925 и 1926 годы я провел в Галисии, пытаясь возродить деятельность профсоюза разных ремесел в Тэо — Амесе и округе, запрещенного в 1923 году. Задача была трудной. Последние легальные лидеры профсоюза оставили все печати у себя. Несмотря на это, мы создали несколько групп, установили необходимые контакты, организовали ряд выступлений и актов солидарности.

После очередного столкновения с жандармерией, опасаясь ареста, я в начале 1927 года вновь уехал на Кубу. Устроившись на строительство гаванского Капитолия, я тотчас же установил контакт с профсоюзом через одного из его руководителей, также работавшего на стройке. Он приехал на Кубу с Канарских островов. После нескольких недель знакомства он начал рассказывать мне о Советском Союзе, о социализме и предложил вступить в группу друзей СССР. Я согласился и таким образом встал в ряды коммунистов. Это было время свирепой диктатуры Мачадо. В середине 1927 года арестовали одного из членов нашей группы, и я был вынужден оставить работу. Спустя несколько дней товарищи посадили меня на пароход, шедший в Испанию с остановкой в Нью-Йорке. Там я должен был выйти. Мне дали адрес, сказав, что сообщат о моем приезде.

Пароход стоял в нью-йоркском порту два дня, однако я не смог незаметно покинуть корабль, и мне пришлось плыть в Испанию.

Сойдя на берег в Ла Коруньи, я связался со своей семьей. Но спустя несколько дней был задержан. В тюрьме меня продержали год. В 1928 году, выйдя на свободу, я вновь занялся профсоюзной работой. Однако вскоре опять был арестован. Выпустили меня в мае 1929 года, но после очередного столкновения с жандармерией я вновь угодил в тюрьму. В начале 1930 года через несколько недель после освобождения я снова был арестован и пробыл в заключении до 4 мая 1931 года, то есть до момента провозглашения Республики.

В тюрьме я вступил в Коммунистическую партию Испании, а выйдя на свободу, оформил это официально, получив билет в

организации Сантьяго. Когда я прибыл в свой район, профсоюз уже действовал; прежние лидеры вернулись на свои места, словно ничего не произошло. Пользуясь одним из пунктов устава, мы, примерно сто членов профсоюза, потребовали провести общую чрезвычайную конференцию. В результате старое руководство было смещено. Новый руководящий состав избрал меня председателем.

Профсоюз начал борьбу. Его влияние росло. Он вступил в профсоюзный альянс в Сан-Себастьяне. В январе 1932 года провел забастовку, длившуюся одиннадцать дней и закончившуюся победой трудящихся. В феврале в помещении профсоюза состоялась областная конференция Коммунистической партии, на которой меня избрали делегатом на IV съезд партии. Съезд должен был проходить в Севилье. Однако присутствовать на нем я не смог, так как подвергался преследованиям.

Первоначально конференцию намечалось созвать в Виго, где находился областной комитет партии, но губернатор запретил проводить ее. Мы попытались сделать это в каком-либо другом большом городе, но ни один из губернаторов не дал разрешения. Тогда мы решили созвать конференцию в Сантьяго де Компостела. По мере того как прибывали делегаты, их направляли в Кало, расположенный в семи километрах от Сантьяго, где профсоюз имел свое помещение. На конференции от руководства Компартии присутствовал член Политбюро Хуан Астигаррабиа.

Губернатор не осмелился послать туда жандармов и даже не решился запретить завершившего конференцию митинга.

Район превратился в крепость Коммунистической партии. Мы взяли в свои руки не только руководство профсоюзом. Партийная организация, насчитывавшая более шестидесяти членов, пользовалась большим влиянием и среди крестьян. Хозяева и касики, возглавляемые губернатором, вознамерились расколоть профсоюз. Они задумали создать профсоюзные организации в каждом муниципалитете и даже в каждом приходе. На одно из собраний хозяев и касиков, проходившее 12 марта 1932 года в доме касика в Амесе, пришла делегация профсоюза. Нас встретили выстрелами, я ответил тем же. Из трех товарищей, пришедших на собрание, только я имел при себе пистолет. Один из присутствовавших был убит, пятеро ранено. В погоню за мной бросили дюжину жандармов, которым был дан приказ не брать меня живым. Задержали Отэро и моего брата Фаустино. Спустя год они вышли из тюрьмы. Их освободили после суда, ибо все знали, что стрелял я.

Партия направила меня в Мадрид, а спустя два месяца в

Париж, где я пробыл июль и август, а в сентябре уехал в Берлин. Пробыв там пятнадцать дней, я выехал в Советский Союз и прожил там три года: с сентября 1932-го по сентябрь 1935-го, а затем вновь возвратился в Мадрид.

Три года, проведенные в Москве, были равномерно распределены между учебой в Ленинской школе, работой бурильщиком на строительстве первой очереди метро и учебой в военной школе.

В октябре и ноябре 1932 года я принимал участие в дискуссии в Исполкоме Коммунистического Интернационала, посвященной обсуждению линии нашей партии. Дискуссия закончилась исключением из КПИ сектантской группы в руководстве партии. Тем самым был открыт путь к превращению партии в массовую организацию. Дискуссия произвела на меня большое впечатление.

Впервые о положении в руководстве КПИ я узнал в Берлине, в доме Фелипе Фернандеса Арместо — моего односельчанина, друга и товарища по партии в ту пору. Ныне под именем Аугусто Дассия он пишет антикоммунистические пасквили во франкистской прессе. У Арместо я встретился с тогдашним секретарем партии Бульехосом и членами Политбюро Адаме и Бега, которые останавливались у него проездом в Москву. Вначале меня удивило, что они говорили при нас о серьезном положении в руководстве партии, о разногласиях с Коммунистическим Интернационалом, но вскоре я понял, что Арместо в курсе всех дел. Он был связным между ними и Трилья — представителем испанской компартии в Коммунистическом Интернационале в тот период.

За три года пребывания в Советском Союзе я прошел замечательную школу. Особенно памятен год, который я провел на строительстве метро, работая и живя вместе с советскими рабочими и ежедневно являясь свидетелем их огромного героизма и беззаветного личного и коллективного самопожертвования.

Поехать в Советский Союз, жить и работать с советскими людьми давно было моим горячим желанием. Наконец это желание осуществилось.

В течение года учебы в Ленинской школе я поддерживал контакты с советскими людьми, но эти контакты, учитывая специфику школы, носили ограниченный и в основном организованный характер: посещение заводов, колхозов и т. п.

Когда же я стал работать на строительстве метро, то почувствовал себя таким же гражданином, как остальные, моя жизнь ничем не отличалась от их жизни. В первый же месяц я

завоевал звание ударника, выполнив норму на 132 процента. Ниже этой нормы я никогда не давал, а в последующие месяцы даже превысил ее.

Бригада, в которой я работал, состояла примерно из 25 молодых рабочих — 15 юношей и 10 девушек, все моложе двадцати лет. Наш девятнадцатилетний бригадир в прошлом был металлургом.

Товарищи встретили меня сердечно, и за год, проведенный с ними, я много раз имел возможность убедиться в их дружбе и добром отношении. Меня сразу же окрестили «дедушкой», мне было тогда 24 года.

Работа была трудной. Мы строили первую линию метро, техника была еще примитивной. Правда, с такого рода работой я был знаком, так как в 1928–1930 годах в промежутках между пребыванием в тюрьме работал бурильщиком на строительстве туннелей при прокладке дороги из Сантьяго в Ла Корунью.

Инженером на нашем участке была женщина 24 лет. Сердечная, веселая, она, однако, проявляла необычайную строгость в вопросах техники безопасности, чем выводила нас из себя. По мере того как буровые работы продвигались вперед, необходимо было устанавливать крепления, то есть сооружать нечто вроде внутреннего деревянного туннеля, дабы избежать обвалов. Но поскольку норма выработки исчислялась метрами проходки, мы старались как можно меньше времени тратить на установку креплений, и они не всегда отвечали требованиям техники безопасности. С некоторыми инженерами после непродолжительного спора удавалось прийти к обоюдному соглашению, несколько подправив крепления. С инженером-женщиной ничего нельзя было поделать! Если она требовала разобрать и сделать крепление заново, не помогали ни улыбки, ни крепкие слова, ни обещания выполнить эту работу лучше в следующий раз.

Строительство первой очереди московского метро почти целиком было делом рук молодежи: москвичей и представителей других районов страны. Здесь работали люди разных профессий. Они пришли с заводов, из колхозов, школ, университетов. Никогда прежде им не приходилось выполнять такого рода работу, и было трогательно видеть, как они старались быстрее освоить ее. Посещая впоследствии строительство других линий московского метро и наблюдая за работой новейшей техники, я мыслями возвращался к тем временам, когда при прокладке туннеля вода лилась нам за воротник и стекала по ногам на землю, а цемент клали руками. Сколько энтузиазма, сколько трудового героизма, какой замечательный дух

самопожертвования был у этой молодежи!

В августе 1935 года, после того как мне довелось в качестве гостя присутствовать на нескольких заседаниях VII конгресса Коминтерна, я нелегально выехал в Испанию и прибыл туда в первых числах сентября. Со мной ехал еще один товарищ. Меня снабдили португальским паспортом, в котором значилось, что я инженер по строительству дорог и мостов, совершающий ознакомительную поездку по странам Европы. Все это никак не соответствовало второму классу, в котором я путешествовал, и скромному содержимому моего чемодана. Поэтому не случайно при переезде через французскую границу дежурный полицейский на безупречном испанском языке спросил меня, как проходит конгресс Коминтерна. С самым невинным видом я ответил на галисийском наречии, что не понимаю, о чем он говорит. Полицейский улыбнулся и ушел, считая, что я и мой товарищ птицы невысокого полета и нет необходимости обращать на нас серьезное внимание.

Перейдя границу в Сан Хуан де Лус, мы остановились в доме Кристобаля Эррандонеа вблизи Ируна. Когда я прибыл в Мадрид, товарищи Викторио Кодовилья, делегат КПИ на VII конгрессе Коммунистического Интернационала, и Висенте Урибе сообщили мне, что Политбюро решило назначить меня руководителем антимилитаристской работы (так называлась в то время деятельность партии в армии). Еще в 1932 году я в течение двух месяцев работал в Мадриде в казармах Викальваро.

С 1932 года партия стала уделять все больше внимания работе в вооруженных силах. Вспыхнувший 10 августа военный мятеж генерала Санхурхо ясно показал намерение реакционеров использовать армию для разгрома Республики.

После октябрьских событий 1934 года[7]' Политбюро приняло решение расширить работу в вооруженных силах до национальных масштабов, выделив для этой цели значительные средства. В 1935–1936 годах коммунисты развернули активную деятельность во многих гарнизонах. В результате усилий партийных организаций для руководства этой работой были выдвинуты опытные кадры.

До меня ответственным за этот участок был товарищ Мариано Кальво из Мадрида, которого называли «Хорхе» и «Эль Рубио». Это был молодой, способный, полный энтузиазма человек. Он погиб под Талаверой в сентябре 1936 года.

С ним работала группа мужчин и женщин. Среди них Клара Флорес, Алисия Эрраис, студент Анхел Уэрга, погибший в концлагере в Германии, Криспин, Баутиста и другие. Работа была очень опасной. Она заключалась в обеспечении контактов с

казармами, передаче материалов и директив комитетам и отдельным товарищам, в сборе информации о положении в воинских частях и гарнизонах. Все это оказало немалое влияние на развитие событий в Мадридском гарнизоне, когда вспыхнул мятеж.

В частности, большую роль сыграло собрание делегатов казарм Мадридского гарнизона, организованное в период, когда военным министром был Хиль Роблес, а начальником Генерального штаба — Франко. Около сорока человек — капралов, солдат и несколько коммунистов — собрались в нежилом, подлежащем сносу доме на Пасео де лас Делисиас, ключи от которого достал один сотрудничавший с нами товарищ. Собрание было тщательно подготовлено. Для солдат и капралов подобрана штатская одежда, накануне завезена еда. Мы обсудили положение дел и наметили новые задачи.

Собрание оказало значительное влияние на дальнейшее развертывание организационной и пропагандистской работы не только в Мадридском гарнизоне, но и в общенациональном масштабе.

Сразу же после собрания Хорхе отправился знакомиться с положением дел в гарнизонах Андалусии; еще несколько товарищей выехали в другие воинские части.

В феврале 1936 года после победы Народного фронта правительство объявило амнистию. Однако характер работы вынуждал меня оставаться на нелегальном положении. В марте я выехал в гарнизоны, расположенные в Сеговии, Медине дель Кампо, Вальядолиде, Паленсии, Леоне, Асторге, Галисии, а на обратном пути посетил гарнизоны Саморы, Саламанки и Авилы. Поездка продолжалась два месяца. Во всех воинских частях была проведена организационная работа, подобраны руководители, налажена связь.

С конца 1935 года начала выходить ежемесячная газета «Красный солдат», которую рассылали и в провинции. Довольно часто выпускались листовки, информирующие о событиях в различных казармах, разоблачающие происки фашистов, злоупотребления и произвол офицеров. Ни один подобный факт не оставался незамеченным и непрокомментированным в листовках или на страницах нашей солдатской газеты.

С 1935 года мы перешли к более совершенным формам работы: солдаты и капралы — члены партии были объединены в партийные ячейки, одновременно были созданы группы солдат и капралов — антифашистов. Унтер-офицеры-коммунисты организовали свои партийные ячейки, не связанные с партийными группами солдат и капралов. С офицерами и

командирами подразделений и частей — коммунистами поддерживалась индивидуальная связь.

Через низовые парторганизации и отдельных коммунистов партия поддерживала контакты с сотнями солдат, капралов, сержантов и офицеров, объединяя их в комитеты, боровшиеся в защиту прав солдат, против произвола реакционного и фашистского командования.

Организации партии существовали во всех казармах Мадрида, главным образом среди солдат, капралов и унтер-офицеров. В провинции же партийные организации в армии были значительно слабее. В некоторых гарнизонах их вообще не было, ибо у нас туда не доходили руки.

Больших успехов добились мы в создании партийных организаций в военно-морском флоте и авиации. Особенно сильной была партийная организация авиационных механиков в Мадриде. Когда вспыхнул мятеж, наша деятельность в вооруженных силах была в самом разгаре.

Среди командного состава армии существовало две организации. Одна из них — УМЭ (Военный испанский союз) объединяла реакционных командиров и офицеров. Именно УМЭ и стала организационным центром заговора. Душой этой секретной военной организации и самого восстания был генерал Мола. Остальные: Кейпо де Льяно, Санхурхо, Годед — были скорее исполнителями, чем организаторами. Франко же действовал крайне осторожно до тех пор, пока не увидел возможности одержать победу. Только в июне он принял окончательное решение и тайно перебрался с Канарских островов в Марокко. В это время Санхурхо, направляясь из Португалии в Испанию, погиб в авиационной катастрофе. Все сказанное не означает, конечно, что Франко не участвовал в организации заговора против Республики.

В 1945 году господин Портела Вальядарес, бывший глава правительства[8], рассказал мне, что в феврале 1936 года за несколько дней до выборов в кортесы его посетил Франко и просил оказать поддержку мятежникам. Портела отказался. В день выборов, когда победа Народного фронта стала очевидной, Франко вторично посетил его, потребовав не передавать власть левым силам. Остальное, заявил он, военные возьмут на себя. Портела вновь отказался. Я не сомневаюсь, что Портела использовал все средства, имевшиеся в его распоряжении, — власть и государственные деньги, чтобы на выборах депутаты центра получили такое количество мест, которое позволило бы им быть в кортесах арбитрами между правыми и левыми. Не добившись своей цели, он наотрез отказался покровительствовать

мятежникам.

В противовес УМЭ в Мелилье в 1934 году возник УМА (Военный антифашистский союз), который объединял офицеров-республиканцев. Позже УМА принял более четкий антифашистский, республиканский характер и был переименован в УМРА (Антифашистский республиканский военный союз).

В то время, о котором идет речь, я вел работу в армии, опираясь на Антифашистскую рабоче-крестьянскую милицию (АРКМ).

Франкистская пропаганда изображает довоенную народную милицию как многочисленную организацию, хорошо вооруженную, имевшую серьезную военную подготовку. Как бы мы хотели, чтобы так было на самом деле!

Группы милисиас начали создаваться социалистической и коммунистической молодежью после 1934 года для защиты манифестаций, митингов и т. п. от нападений наемников-фалангистов. Инструкторами этих групп зачастую были офицеры и унтер-офицеры. Милисиас дефилировали по улицам на глазах у сил Общественного порядка. После победы Народного фронта отряды народной милиции поддерживали правительство. Таким образом это была абсолютно легальная организация, созданная для защиты демократии. На вооружении она имела небольшое количество пистолетов.

Глава вторая
Восстание

Канун восстания. — Капитулянтское поведение правительства. — Восстание в Мадриде. — Гвадаррама. — Первые стальные роты. — Что же происходило в других районах Испании? — Кто восстал?

Канун восстания

По мере приближения намеченной фашистами даты начала мятежа агрессивность реакционных сил возрастала. Убийство Кальво Сотело[9], к которому мы, коммунисты, не имели абсолютно никакого отношения, фашистские главари использовали как предлог, чтобы поднять уже подготовленный мятеж.

Провокации и покушения, угрозы, содержавшиеся в статьях правой прессы и в произносимых в парламенте речах участвовавших в заговоре лидеров партий, преследовали цель создать в стране обстановку террора и беззакония. Коммунистическая партия настойчиво разъясняла в казармах, что ответственность за эти беспорядки несет правительство.

Сведения, поступавшие ко мне из различных гарнизонов страны и прежде всего из казарм Мадридского гарнизона, становились все тревожнее. Офицеры-фашисты развернули в армии активную деятельность, пытаясь вызвать недоверие к Республике. Однако большинство военных-республиканцев не только не поддавалось на эту пропаганду, но оказывало активное противодействие заговорщикам.

Правительство Республики, возглавляемое Касаресом Кирога, получало обширную информацию от различных верных Республике партий, рабочих организаций, военных и моряков и было в курсе происходивших в стране событий. Ежедневно в Политбюро КПИ я передавал сообщения, полученные непосредственно из казарм от членов наших организаций, связных и других источников. Основываясь на этой информации, руководство Компартии не раз обращало внимание правительства и Касареса Кирога при личных встречах с ним, а также в выступлениях в парламенте и в печати на деятельность офицеров-фашистов и требовало положить ей конец.

Однако Касарес Кирога скептически относился к этим

сообщениям и, оставив заговорщикам свободу действий, не принимал никаких мер для того, чтобы сорвать планы реакции. Одновременно он выступал с воинственными заявлениями, которых никто не принимал всерьез. Надо было действовать, а Касарес Кирога и другие руководители занимались тем, что произносили грозные речи, которые производили на заговорщиков такое же впечатление, как бандерильи[10] на быка, побуждая их лишь ускорить подготовку восстания.

Опыт 1931–1932 годов ничему не научил республиканцев. Не извлекли они уроков и из военной политики. После победы Народного фронта 16 февраля 1936 года правительство не сумело или не захотело провести необходимую реорганизацию вооруженных сил и поставить на командные посты людей, преданных новому режиму.

Одной из проблем, требовавших самого срочного разрешения, была проблема сокращения командного состава армии, раздутого в связи с ведением колониальных войн и особенно последней войны в Марокко.

Однако Асанья[11] издал лишь распоряжение, которым предоставил командирам и офицерам право добровольного ухода в отставку. Ни один полковник, ни один генерал не воспользовался этой возможностью, а именно среди них были самые рьяные противники Республики. Высшие командные посты по-прежнему занимали реакционные генералы и полковники, пользовавшиеся своим положением для преследования командиров-республиканцев. Последние-то как раз и уходили в отставку. В результате армия Республики фактически оказалась в руках ее заклятых врагов.

Действия правительства привели к деморализации его сторонников в рядах вооруженных сил. Назначая нередко своими советниками абсолютно бездарных людей, заставив принять в армию всех, кто был изгнан из нее военными трибуналами чести, в том числе и тех офицеров, которые обвинялись в гомосексуализме и воровстве, социалистические руководители Республики подорвали доверие здоровой части армии к правительству.

В период с апреля 1931 по апрель 1936 года, каждый раз когда республиканцы и социалисты находились у власти, они без конца втыкали военным бандерильи, не принимая в то же время никаких практических мер для того, чтобы очистить армию от фашистских и реакционных командиров.

В 1936 году после февральских выборов в кортесы фашисты к реакционеры всех мастей уже не скрывали своих намерений свергнуть республиканский режим. Их выступления в печати, в

парламенте, на митингах приобретали все более провокационный характер. В казармах открыто готовили заговор. Однако самыми строгими мерами, применявшимися к заговорщикам, были перемещения из одной воинской части в другую.

На все предупреждения о готовящемся заговоре у руководителей правительства был один ответ: не надо давать военным повода для выступления с применением силы.

Правительство, и особенно Касарес Кирога, продолжало повторять старые ошибки: много говорило, используя радикальную фразеологию, выступало с предупреждениями и угрозами по адресу реакционеров. Оно критиковало их, не затрагивая глубины проблемы, а иногда оскорбляло армию в целом.

Такая политика не только не могла обезвредить врагов Республики, но способствовала появлению новых.

Правительство имело все возможности выгнать из армии фашистских генералов и офицеров. Этой мерой оно привлекло бы на свою сторону остальной командный состав. Оно могло также провести дальнейшее сокращение офицерского корпуса, но так, чтобы это выглядело не как наказание, а лишь как необходимость. Для этого демобилизованным военным следовало предоставить возможность трудиться на другом поприще, чтобы они чувствовали себя нужными стране.

Сколько крови и страданий мог бы избежать испанский народ, если бы сразу же, как только стало известно о заговоре, были смещены со своих постов несколько сотен военных командиров и если бы часть из них арестовали, а полдюжины расстреляли!

В отличие от правительства народ, призванный своими наиболее сознательными профсоюзными и политическими руководителями, и в первую очередь коммунистами, к бдительности перед лицом нависшей над Испанией опасности, был начеку.

Для народных масс Испании период с 1930 по 1936 год явился замечательной революционной школой. За этот короткий срок испанский народ пережил неудавшееся восстание демократически настроенных офицеров армии в декабре 1930 года, ликвидацию мирным путем военной диктатуры, свержение монархии и установление Республики в апреле 1931 года, мятеж реакционных военных в августе 1932 года, народное восстание в октябре 1934 года, победу Народного фронта в феврале 1936 года. Сопровождавшие эти события крупные забастовки рабочих и крестьян, а также другие виды борьбы способствовали воспитанию сотен тысяч борцов, укреплению их духа, осознанию

рабочими своей силы, которую они и продемонстрировали, когда начался мятеж.

Узнав о восстании в Марокко, глубоко возмущенные трудящиеся Испании не ограничились тем, что потребовали дать оружие для защиты Республики, они сами взяли его.

Декрет о выдаче народу оружия, изданный правительством 20 июля, лишь юридически оформил свершившийся факт. Трудящиеся в одних случаях по договоренности с верными республике военными, в других самовольно захватили его.

Даже когда мятеж распространился на полуостров, правительство продолжало выступать с успокаивающими заявлениями, а гражданские губернаторы провинций отказывались вооружить массы.

Но это не все. В тот момент, когда требовались полная мобилизация и использование всех средств для подавления начавшегося мятежа, президент Республики поручил сформировать правительство Мартинесу Баррио[12], рассчитывая, что он сумеет договориться с восставшими.

Народ Мадрида разгадал этот капитулянтский маневр. Под его давлением было создано правительство во главе с Хосе Хиралем[13], которое больше отвечало требованиям момента. Пост военного министра занял генерал Кастельо. 6 августа он был заменен генералом Эрнандесом Сарабиа, известным своими республиканскими убеждениями.

Восстание в Мадриде

Решительный отпор трудящихся Мадрида, разногласия среди офицеров некоторых частей или энергичная, как это имело место в шестом пехотном и бронетанковом полках, оппозиция к мятежу сорвали 19 июня планы мятежников — использовать наступательную тактику, рассчитанную на поддержку со стороны реакционных и фашистских элементов столицы, которые непрерывной стрельбой с балконов, чердаков, крыш и колоколен церквей должны были посеять панику среди населения.

Часть Мадридского гарнизона дислоцировалась в казармах Леганэс, Хетафе, Кампаменто, Викальваро и Эль Пардо, расположенных вокруг города, другая — в четырех казармах: Ла Монтанья, Сабойа, Мария Кристина и Каррос де Комбате, Парки и электротехнический центр — внутри него. Все вместе они составляли настоящий защитный пояс столицы.

Во всех казармах мы имели своих людей. В одних действовали солдатские партийные организации, как, например,

в шестом пехотном и танковом полках, в казармах Викальваро, Кампаменто и Хетафе, в других — отдельные члены партии: офицеры и солдаты. Партийные организации и отдельные коммунисты сыграли важную, а в некоторых случаях решающую роль в предотвращении и подавлении мятежа в воинских частях.

В шестом пехотном полку более двухсот солдат и капралов являлись членами антифашистского Комитета, которым руководил солдат первого класса Франсиско Абад. Партийная ячейка этого полка состояла из четырех сержантов и возглавлявшего ее старшины Алонсо Морено. Ему суждено было погибнуть при обороне Мадрида. В то время он служил уже в чине капитана в штабе 11-й дивизии. Коммунисты и Комитет пользовались в полку настолько прочным влиянием, что фашисты даже не пытались поднять его против Республики.

В танковом полку не было антифашистского Комитета, но там действовала партийная ячейка во главе со старшиной Виктором Гомесом; он закончил войну командиром танковой бригады. Под его руководством верные республике офицеры в первые же минуты мятежа овладели положением в казарме.

Среди командиров частей и подразделений, расположенных в окрестностях Мадрида, партийных организаций тогда еще не было, но отдельные офицеры находились под нашим влиянием и сыграли важную роль в борьбе с мятежниками.

Например, лейтенант Гонсалес из полка легкой артиллерии и лейтенант, фамилии его я не помню, из железнодорожного полка, который первым отправился во главе роты на Гвадаррамский фронт, чтобы остановить двигавшегося на Мадрид врага.

Крепкая партийная организация была в полку связи, расположенном в Прадо. Однако его командир, полковник Карраскоса, сумел обойти нас. Узнав, что дела мятежников в Мадриде плохи, он под предлогом проведения учений отправил свой полк в Сьерру, а оттуда в Сеговию, захваченную мятежниками.

Крупные партийные организации имели мы в авиационных частях на аэродромах в Хетафе и Куатро Виентос. Они состояли главным образом из младших командиров и механиков. Именно благодаря им авиация в основном осталась верной Республике.

Из всех казарм, расположенных внутри столицы, восстала лишь Ла Монтанья. В этой казарме были крепкие партийные организации и среди них ячейка из шести старшин и сержантов. Почему же в таком случае она оказалась в руках мятежников? Следует иметь в виду: если наши товарищи знали всех реакционно настроенных командиров, то и те, в свою очередь, знали всех республиканцев и даже коммунистов. Поэтому

командование Ла Монтаньи, получив перед началом мятежа от своих руководителей приказ закрепиться в казарме, предоставило всем командирам, известным своими республиканскими взглядами, отпуск. Так же оно поступило и с рядовыми.

Надо сказать, что когда вспыхнуло восстание, из числившихся в армии 145 тысяч человек на местах оказалось не более 60 тысяч. Только 16 июля правительство отменило военным отпуска и не разрешило им покидать свои части.

Командование Ла Монтаньи, отправив в отпуск часть капралов и солдат — членов партии и тех, кто находился под их влиянием, а также четырех из шести коммунистов — членов парторганизации сержантов и старшин, естественно, укрепило позиции фашистских элементов в полку.

Как только начался мятеж, всех, известных своими республиканскими и антифашистскими убеждениями, восставшие заперли в подвалах, а оказавших сопротивление убили. Замечательно проявили себя руководитель партийной организации сержантов и старшин — старшина инженерных войск Гонсалес Лагарес и возглавлявший партработу среди солдат и капралов капрал Ниэто. До военной службы Ниэто руководил организацией коммунистической молодежи в городе Оренсе. Он погиб во время войны, уже будучи офицером инженерного корпуса.

Таким образом, в результате действий реакционного командования Ла Монтаньи перевес в казарме оказался на стороне фашистских сил. В ней обосновались глава восставших в Мадриде генерал Фанхул, несколько десятков офицеров запаса из других гарнизонов, которых мятеж застал в столице, примерно 800 фалангистов и других реакционеров, одетых в форму солдат и жандармов. Всего в казарме Ла Монтанья засело примерно 3500 человек. Их сопротивление было сломлено за 24 часа отрядами народной милиции, силами Общественного порядка и верными Республике воинскими частями. Атаку поддерживали три орудия, три бронеавтомобиля и один самолет, сбросивший на казарму несколько бомб.

Поднять восстание удалось также командованию артиллерийского полка в Хетафе. Но колонна в составе летчиков, отрядов народной милиции, гвардиа сивиль и гвардиа асальто (гражданской и штурмовой гвардии) после короткой борьбы заставила мятежников сдаться.

18 июля в Кампаменто пробрался генерал Гарсиа де ла Эрранс и с помощью группы военных овладел положением. 19 июля республиканцы атаковали казармы Кампаменто и захватили их. Генерал Гарсиа де ла Эрранс был убит своими же

подчиненными, не желавшими продолжать борьбу.

Попытка поднять восстание в Вакальваро была быстро ликвидирована нашей партийной организацией, пользовавшейся прочным влиянием в этой казарме.

Неясным оставалось положение в первом пехотном полку Уад-Рас. Там действовали казарменный антифашистский комитет и партийная ячейка из пяти сержантов и старшин во главе с сержантом Гэрра, племянником капитана Бенито.

Большинство командиров этого полка во главе с полковником были сторонниками мятежа, но они не решались выступить, так как не были уверены в позиции солдат и младших командиров.

Утром 23 июля товарищ Криспин, который вел работу в этой казарме, проинформировал меня о неблагоприятном для нас развитии событий: часть офицеров развернула подрывную деятельность среди рядового состава, стремясь привлечь его на свою сторону. А это грозило нам неприятностями. Я немедленно отправился в казарму.

В одном зале расположилось примерно 20 офицеров и унтер-офицеров, в другом — полковник с большей частью командного состава. Солдаты бродили по казарме, предоставленные сами себе. Вместе с членами комитета мы разработали план действий, дабы положить конец анархии. Товарища Криспина я отправил проинформировать Политбюро партии о состоянии дел и попросить кого-либо из видных руководителей, желательно Долорес Ибаррури, приехать в казарму. Другого товарища я послал в Пуэнте де Валекас за подкреплением. Спустя два часа прибыла Долорес Ибаррури. Мы собрали в столовой рядовой состав и часть командиров. Перед ними выступила Долорес. Солдаты не раз прерывали ее, задавали вопросы. Долорес подробно отвечала и сумела убедить дезориентированных людей не только в том, что они не должны выступать против Республики, но обязаны немедленно, с оружием в руках, встать на ее защиту.

Пока Долорес выступала перед солдатами, я с группой командиров и солдат отправился в зал, где расположились сторонники мятежа. Им было предложено сделать выбор. Часть из них согласилась присоединиться к нам, остальных мы арестовали.

Тем временем из Пуэнте де Валекас прибыло 100 человек. Мы разместили их в казарме и вооружили.

В связи с тревожными сообщениями, поступавшими из Гвадаррамы, было решено создать для отправки на фронт смешанную колонну из военных и штатских. Мы располагали людьми и оружием, но у нас не хватало транспорта. Недалеко от казармы находился гараж агентства «Фиат». Мы реквизировали

все имевшиеся в нем и поблизости легковые и грузовые автомашины, и, таким образом, вопрос с транспортом был разрешен. Оставалось подыскать начальника колонны. Нам повезло. Капитан Бенито Санчес, узнав о неблагополучном положении в казарме, прибыл проведать своего племянника. Ему мы и поручили командование колонной.

Мятежники в столице были полностью разгромлены. Из гарнизонов и воинских частей, расположенных недалеко от Мадрида, также поступали хорошие вести. Алькала де Энарес была взята республиканцами 21 июля, Гвадалахара — 22-го, одним словом, повсюду, за исключением Алькасара, события развивались для нас благоприятно. Помочь более отдаленным гарнизонам у нас не было возможности.

Наиболее серьезная опасность грозила столице со стороны Сьерры. Я попросил руководство партии направить меня на этот фронт, а мои обязанности в Мадриде передать Хорхе. Просьба была удовлетворена.

Меня назначили политическим руководителем колонны. Таким образом, моей первой военной должностью был пост политического комиссара. В тот же день, 23 июля, вместе с товарищем Долорес колонна отправилась в Гвадарраму и прибыла туда под вечер.

Гвадаррама

Положение на Гвадаррамском фронте складывалось следующим образом.

На рассвете 20 июля мятежники отправили из Вальядолида моторизованную колонну с целью захватить Альто дель Леон. В нее входили: батальон пехотного полка Сан Кинтин, эскадрон кавалерии 2-го уланского полка Фарнесио, группа 14-го полка легкой артиллерии в составе двух батарей, интендантские, медицинские службы и службы связи, а также центурия, состоявшая более чем из ста фалангистов во главе с Хосе Антонио Хироном. Колонной командовал полковник Серрадор.

Усиленная присоединившимися к ней по дороге силами мятежников из Авилы и Сеговии, она прибыла в Эль Эспинар — примерно в 10 километрах от Альто дель Леон — в три часа утра 22 июля. В это же время в деревню Гвадаррама — также примерно в 10 километрах от Альто дель Леон — вступила республиканская колонна, состоявшая из двух рот железнодорожного полка, отрядов штурмовой гвардии и народной милиции. Ею руководил полковник Кастильо, командир железнодорожного полка.

Между прибывшими колоннами завязался ожесточенный бой. 22 июля позиции по нескольку раз переходили из рук в руки. Обе стороны несли большие потери. У республиканцев погиб полковник Кастильо и его сын капитан Энрике.

Ночью командование принял полковник артиллерии Моралес Карраско. На рассвете 23 июля в бой вступили свежие части, прибывшие из Мадрида, а днем подошли отряды под командованием подполковника в отставке Хосе Пуч Гарсиа. Ожесточенное сражение продолжалось, потери с обеих сторон все возрастали.

К вечеру 23 июля наша колонна прибыла в Гвадарраму. Товарищ Долорес, капитан Бенито и я представились командующему сектором полковнику Моралесу Карраско. Небрежным тоном тот приказал нам временно, до следующего дня, расположиться в деревне и ждать дальнейших указаний. Товарищ Долорес возмутилась, а капитан Бенито и я заявили полковнику, что с военной точки зрения его приказ нелеп, ибо разумнее, чтобы войска передвигались к линии фронта ночью. Это избавило бы их от вражеского огня и позволило на рассвете атаковать врага. После долгого спора, в который вмешался алькальд деревни, пообещавший дать проводников до Альто дель Леон, Моралес Карраско согласился с нами.

Ведомая проводниками, наша колонна во главе с капитаном Бенито и мной прошла лесом, левее шоссе, по гребню горы и на рассвете 24 июля лицом к лицу столкнулась с ротой фалангистов. Бой продолжался не более 15 минут. На поле брани остались трупы пятидесяти фалангистов. Пленные сообщили, что их ротой командовал капитан кавалерии Гонсалес Ортис и начальник милисиас Хосе Антонио Хирон (оба бежали). Ей было поручено вместе с двумя стрелковыми и одной пулеметной ротой полка Сан Кинтин под командованием майора Ласаро Гонсалеса обойти Альто дель Леон с левого фланга.

Мы продолжили свой путь, разделившись на две колонны: одну возглавил капитан Бенито, другую я. Вдруг раздались выстрелы со стороны противника и почти одновременно начали стрелять за нашей спиной. Как выяснилось позднее, это стреляли по врагу те, кто шел за нами. Однако солдаты и милисианос решили, что их атакуют с тыла, и бросились бежать.

Когда к вечеру мы добрались до Гвадаррамы, я заметил на себе удивленные взгляды. Оказывается, те, кто прибыл раньше, сообщили, что видели меня убитым. Это известие уже передали в Мадрид руководству партии. У нас был тяжело ранен Криспин.

В Гвадарраме капитану Бенито пришлось вновь заняться формированием нашей колонны, ибо с его отрядом произошло то

же, что и с моим. В секторе Альто дель Леон в течение 24 июля продолжались напряженные бои, в которых подполковник Пуч, капитан Хил, майор Эскудеро (двое последних в тот день были убиты) и многие другие показали образцы беспримерного героизма.

Проведя реорганизацию в связи с прибытием новых бойцов гвардиа сивиль и гвардиа асальто и накормив людей горячей пищей, мы вновь направились к Альто дель Леон, но на этот раз не лесом, а по шоссе. В ту же ночь в Альто дель Леон прибыл генерал Рикельме, который возглавил военные действия в этом секторе. Моралес Карраско стал начальником артиллерии.

Утром 25 июля наши части атаковали противника вблизи Альто дель Леона. В этом бою капитан Бенито был убит, и я взял командование на себя.

Противник располагал хорошими огневыми позициями, поэтому было решено продолжить атаку ночью — с 26-го на 27-е. В ней участвовало примерно 500 человек: милисианос, солдаты и бойцы гвардиа асальто. Незамеченные, мы подобрались к вражеским позициям, а наш авангард вплотную приблизился к артиллерийским орудиям и другим огневым точкам противника. Враг был застигнут врасплох. Но после первых минут паники пришел в себя, и завязался ожесточенный бой, часто переходивший в рукопашные схватки. Кровопролитное сражение длилось всю ночь. Обе стороны, неся огромные потери, вводили в бой подкрепления. В этом сражении я был легко ранен в запястье руки.

В последующие дни ожесточенные бои продолжались почти беспрерывно. Вечерами многие солдаты и милисианос уходили ночевать в Гвадарраму, а утром возвращались на позиции. Были и такие, которые уезжали в Мадрид, их мы больше не видели. Одновременно каждый день прибывали новые группы бойцов. Некоторые из них уходили на ночь, другие оставались. Не было единой дисциплины, каждый поступал так, как ему заблагорассудится.

Примерно 28–29 июля на фронт прибыли товарищи Хосе Диас, Долорес Ибаррури, Педро Чека, Викторио Кодовилья и другие. Около дома дорожного мастера мы занялись организацией боевых партийных групп. Было создано примерно 30 групп по 10 бойцов в каждой во главе с командиром. В их состав входили бойцы из гвардиа сивиль, гвардиа асальто и милисианос.

Мне поручили командование отрядом в 300 человек. Этот своего рода батальон существовал всего лишь два дня. Большинство его бойцов было убито или ранено, некоторые

отправились прогуляться в Мадрид, часть смешалась с другими отрядами, действовавшими в этом районе. 30 июля я узнал, что в военной комендатуре в Колладо Медиано есть организованные и обученные войска. Я отправился туда разведать обстановку.

Войсками комендатуры руководили врач Анхел Мартин, Рафаэль Гарсиа Соуса и тореадор-новильеро[14] «Паломино». В их распоряжении находилось около 300 человек. Некоторые из них прибыли из Мадрида, часть — из других районов, остальные уже воевали в Альто дель Леоне. Мы провели собрание, на котором к бойцам обратились двое руководителей комендатуры и я, затем выступило несколько солдат. В заключение меня выбрали командиром и присвоили звание лейтенанта. Это было мое первое воинское звание. Спустя несколько часов мы уже сражались в Альто дель Леоне.

Вскоре в Гвадарраму прибыла 1-я Стальная рота под командованием Мануэля Маркеса — кадрового военного, служившего в батальоне охраны президента. С первого дня мятежа он стал на сторону народа. Войну Мануэль Маркес закончил командиром армейского корпуса.

Прибытие 1-й Стальной роты, проявившей замечательные боевые качества в борьбе с противником, позволило генералу Рикельме отвести с передовых позиций остатки моего отряда. Мы вернулись в Колладо Медиано. Оттуда я выехал в Мадрид, чтобы раздобыть обмундирование и вооружение для своих людей. Явившись к руководству партии, я проинформировал его о положении на фронте и о причинах моего приезда. Мне предложили обратиться в штаб 5-го полка, расположенный на улице Франкос Родригес. Узнав, где находится кабинет начальника штаба, я открыл дверь и вошел. В комнате находилось около десятка незнакомых мне людей. Один из них, очень хорошо одетый, маленький и почти круглый, грубо спросил, кто разрешил мне войти. Я повернулся и вышел, хлопнув дверью. В коридоре меня окликнули: Это был один из тех, кто находился в кабинете. Представившись комиссаром 5-го полка Карлосом, он пригласил меня пройти в другую комнату, а затем спросил, кто я такой и чего хочу. Я назвал себя и рассказал о цели своего визита. Тогда он сообщил, что у них во дворе стоят 4-я и 6-я Стальные роты, готовые отправиться на фронт, но у них нет командиров и именно этот вопрос обсуждался, когда я вошел. Он объяснил мне также, что столь нелюбезно встретивший меня человек — командир 5-го полка, Энрике Кастро, остальные — члены полкового штаба. Затем рассказал, что знает обо мне из сообщений, поступивших с гвадаррамского фронта, и предложил мне командование этими двумя ротами. Мы вернулись в кабинет,

где заседал штаб полка. Карлос представил меня, а затем повторил свое предложение, добавив, что мне необходимо присвоить звание капитана. Предложение было принято, и спустя два часа я направился в Гвадарраму во главе двух Стальных рот. Мы захватили с собой оружие и обмундирование для моих оставшихся в Колладо Медиано бойцов, которые затем влились в 4-ю и 6-ю роты.

Что касается Кастро, то позднее, имея возможность ближе наблюдать его, я убедился в его трусости — она бросалась в глаза. Его никогда не видели на передней линии огня, с подчиненными он держался высокомерно и проявлял полное пренебрежение к жизни бойцов. Смешно было смотреть, как он воображал себя великим стратегом и принимал напыщенные наполеоновские позы. Не раз я задавался вопросом: как такого человека могли назначить командиром полка?

Однажды, уже командуя 5-м полком, я спросил об этом товарища Даниэля Ортега. Он рассказал, что полк был сформирован по инициативе АРКМ и Северного райкома Компартии Мадрида. Провинциальный Мадридский комитет партии направил Кастро ознакомиться на месте с ходом дел. Воспользовавшись положением члена провинциального Комитета партии и обстановкой того времени, Кастро добился, чтобы его назначили командиром полка, поставив провинциальный Комитет перед свершившимся фактом.

Прибыв в Гвадарраму, мы сменили 1-ю Стальную роту и другие воинские части, занимавшие позицию Фонтан, названную так в память погибшего здесь капитана гвардиа асальто Фонтана.

Через несколько дней мы перешли в наступление. Высота, которую нам предстояло взять, доминировала над окружающей местностью, и мятежники, установив там два пулемета, обстреливали не только наши позиции, но и широкую зону в нашем тылу вплоть до окраин Гвадаррамы.

Ночью, неожиданно для врага, мы атаковали ее. 30 человек были взяты нами в плен, остальные уничтожены. Среди убитых мятежников оказались капитан, лейтенант, два сержанта и священник, одетый в комбинезон и перепоясанный патронташем. Мы захватили два пулемета, несколько десятков винтовок и много патронов. Это было второе ночное сражение, в котором я принимал участие.

За эту операцию, а также за деятельность с начала войны правительство произвело меня в майоры. 20 августа полковник Асенсио вручил мне восьмиконечную звезду.

Спустя четыре дня, 24 августа, нас сменила рота «Хуанита Рико». Она состояла исключительно из коммунистов и

социалистов деревни Йекла провинции Мурсия. Это были замечательные люди. Многие из них стали позднее командирами и комиссарами. Руководил ротой Франсиско Варела, отважный человек, провоевавший всю войну. Он погиб в Каталонии, будучи командиром 14-й бригады. На базе «Хуанита Рико» позднее был создан батальон «Виктория», который доблестно сражался на протяжении всей войны.

В Сьерре остались могилы тысячи героев: милисианос, солдат, бойцов гвардиа сивиль и гвардиа асальто. В Гвадарраме в первые же дни войны отдали свою жизнь за Республику многие командиры, офицеры и унтер-офицеры полка Уад-Рас, пулеметной группы железнодорожного полка, кавалерийского полка Аранхуэс, а также гвардиа асальто и других родов войск. Среди них капитаны: Бенито Санчес, Фонтан, Кастильо, Хил; лейтенанты: Гутиеррес, Кампильо; майор Эскудеро; подполковник Пуч; полковник Кастильо и многие другие.

Кровопролитные бои развернулись и в других секторах Сьерры: в Навасераде, Сомосьерре, Навальперале, Пегериносе. В районе Сьерры в течение июля и августа милисианос и верные Республике войска уничтожили наиболее боеспособные силы мятежников на полуострове и разгромили посланные им на помощь марокканские части, преградив таким образом путь к Мадриду.

Сьерра для рождавшихся вооруженных сил Республики явилась неоценимой школой героизма и опыта. В частности, стало ясно: для победы одной доблести мало. Необходимы военная организация и дисциплина. Те, кто после боев на Сьерре остались в живых, понимали: многие погибли именно из-за отсутствия организованности. Уроки Сьерры сыграли важную роль в создании Народной армии.

Что же происходило в других районах Испании?

Вернувшись в Мадрид, я смог представить себе на основе бесед с Хорхе, с товарищами из руководства партии, с людьми, бежавшими из захваченных фашистами районов, а также других данных, ставших известными мне позднее, как развивались события в первую неделю мятежа. В общих чертах картина была такова:

После того как 17 июля мятежникам удалось привлечь на свою сторону большую часть войск, находившихся в Марокко, 18, 19 и 20 июля восстала часть гарнизонов на полуострове и островах. При поддержке гражданских фашистских организаций и

всякого рода реакционных элементов они во многих местах взяли верх. В одних случаях мятежники достигли успеха, не встретив серьезного сопротивления, в других — овладели положением после нескольких дней кровавых боев.

Так, в Севилье большинство гарнизона во главе с командующим военным округом генералом Вилья-Абрилье, военным губернатором генералом Лопесом Виота и полковником Алланеги, командиром Гранадского 6-го пехотного полка отказалось поддержать мятежников. Одновременно тысячи севильцев вышли на улицу, чтобы преградить им путь. Но и те и другие допустили крупные ошибки. Верные Республике военные заняли пассивную позицию и дали себя арестовать. Оба генерала, полковник, их адъютанты, а также подполковник Пэрсоса, майоры Идальго, Гутиеррес Перес и другие командиры, офицеры, а вместе с ними унтер-офицеры и солдаты — республиканцы были расстреляны.

Народные массы проявили подлинный героизм, но не сумели в достаточной степени следовать основному принципу повстанческой борьбы — всегда наступать и быстро овладевать стратегическими пунктами. Вместо этого трудящиеся Севильи забаррикадировались в рабочих кварталах, а гражданский губернатор и городские власти не приняли никаких мер для энергичного выступления против мятежников. А ведь в их распоряжении имелись силы Общественного порядка. Действуя решительно, они могли бы раздавить мятежников в течение нескольких часов. Используя эти ошибки, генерал Кейпо де Льяно с горсткой предателей захватил казармы, арестовал верных Республике командиров и офицеров, разоружил и запер отказавшиеся присоединиться к мятежу войска. С небольшой группой военных и несколькими сотнями фашистских молодчиков он занял ключевые позиции в городе, а затем обманным путем захватил аэродром.

Командир аэродрома майор Мартинес Эстевес и многие его подчиненные были расстреляны. На этом же аэродроме были убиты майор Бургете и весь личный состав его бомбардировочной эскадрильи, перелетевшей из Западной Африки. Сбросив бомбы на аэродром в Тетуане, они совершили посадку в Севилье, полагая, что город находится в руках республиканцев. Позднее Кейпо расстрелял и двух братьев Бургете, капитанов армии.

Выиграв первый раунд, Кейпо де Льяно временно перешел к обороне, ожидая подкреплений из Марокко. Авангард подкрепления в составе 5-й бандеры[15] Иностранного легиона и 2-го табора[16] регулярных туземных войск стал прибывать на аэродром Севильи на следующий день, 19 июля, и Кейпо опять

перешел в наступление. Он занял здание гражданского губернаторства, арестовал губернатора и представителей других властей, находившихся там под защитой 200 человек из гвардиа асальто, героически защищавших центральную телефонную станцию и гражданское губернаторство. По приказу губернатора они капитулировали и сдали оружие. Орудийным огнем мятежники разрушили баррикады и вступили в рабочие кварталы, уничтожив несколько тысяч защитников Республики.

Зверскую расправу фашисты учинили в квартале Триана, занятом 20 июля, а затем в кварталах Сан Хулиан, Сан Хиль и Сан Маркос, захваченных 23 июля. В эти же дни 300 вооруженных Кейпо де Льяно фалангистских молодчиков под командованием торреро «Альгабеньо» разъезжали по улицам в легковых автомобилях, паля из оружия.

В Кадисе восстала только часть гарнизона, возглавляемая генералами Пинто и Варела. Другая его часть, силы Общественного порядка и народные массы, руководимые гражданским губернатором майором Сапико, в течение двух дней вели против мятежников кровавые бои. Только 19 июля, когда прибыли пароходы «Чуррука» и «Сиудад де Алхесирас» с марокканцами и легионерами, восставшим удалось захватить город. В это же время в 10 километрах от Кадиса ожесточенное сопротивление мятежникам оказывали поддержанные трудящимися матросы и часть командиров военно-морской базы Сан Фернандо. Однако борьба закончилась поражением патриотов, после чего мятежники развязали жестокий террор против населения и преданных Республике военных. Сотни людей были расстреляны. Среди них начальник радиосвязи базы Сан Фернандо Вирхилио Перес, майор Сапико, капитан 3-го ранга Бионди, капитан 2-го ранга Томас Аскарате.

В Гранаде против мятежников выступили военный комендант города генерал Кампинс и другие командиры. И только прибытие на самолетах из Тетуана 6-й бандеры Иностранного легиона решило дело в пользу фашистов. Кампинс, а также другие командиры и патриоты были расстреляны.

В Кордове против восставших военных выступило население города.

На Канарских островах 16 июля выстрелом из пистолета был убит заместитель начальника военной комендатуры генерал Амадео Бальмес.

После кровавых боев мятежникам удалось захватить Балеарские острова, за исключением острова Менорка, где преданные Республике силы подавили начавшийся мятеж.

Большие надежды возлагала реакция на гарнизон Валенсии.

Но бдительность народных масс и энергичные действия командующего военным округом генерала Мартинеса Монхе сорвали планы фашистов.

В Памплоне восстанием руководил генерал Мола. Подавив сопротивление военных и сил Общественного порядка, преданных Республике, он устроил зверскую расправу над республиканцами. Жертвами репрессий стали майор гвардиа сивиль Родригес Мендель и многие его подчиненные.

Борьба шла и в Вальядолиде, где мятежники расстреляли командующего округом генерал-капитана Молеро, его адъютанта, майора Леаль Травьесо, и других офицеров-республиканцев.

В Ла Коруньи кровавые бои продолжались до 22 июля. Против мятежников выступили гражданское население, в том числе женщины, часть гвардиа асальто и другие воинские части. За верность Республике мятежники расстреляли военного губернатора округа генерала Энрике Салседо, начальника гарнизона Ла Коруньи и других офицеров, организовали массовый террор против гражданского населения. Тысячи мужчин и женщин были замучены и убиты.

В Эль Ферроле военные моряки захватили корабли и арсенал. Три дня длились жестокие бои, и только после того как жандармерия присоединилась к мятежникам и патриоты оказались между двух огней, фашисты овладели военно-морской базой и городом. Республиканцы подверглись жестоким репрессиям. Руководимые вице-адмиралом Индалесио Нуньесом и Сальвадором Морено фашисты приговорили к смертной казни и расстреляли начальника арсенала контр-адмирала Арасола, отказавшегося выступить против защитников Республики.

В остальных гарнизонах Галисии мятежники не встретили серьезного сопротивления со стороны военных, хотя в отдельных случаях сержанты, унтер-офицеры и некоторые офицеры отказывались присоединиться к мятежу. Зато упорное сопротивление оказал им народ Галисии. В окрестностях Виго, например, бои продолжались несколько дней.

В Леоне летчики-республиканцы два дня героически обороняли аэродром, в то же время группы патриотов вели бои в городе. Но защитники Республики были разбиты.

В Бургосе мятежники овладели положением, убив начальника военного округа генерала Батета, генерала Мена и других верных Республике военных. То же произошло и в Паленсии, где восставшие расстреляли начальника гарнизона полковника Гонсалеса Камо. В Сарагосе они убили генерала Нуньеса де Прадо и других офицеров-республиканцев.

В Барселоне часть офицеров в отставке с несколькими

сотнями фашистов, одетых в солдатскую форму, проникли в казармы и привлекли на свою сторону ряд воинских частей. Но решительные действия народных масс и сил гвардиа асальто, а также части военных во главе с генералами Льяно де ла Экомиенда и Арангурен, полковниками Эскобар и Бротонс и подполковником Сандино сорвали попытку поднять восстание. Солдаты, выведенные на улицы обманным путем, вступали в контакт с народом и переходили на сторону республиканских сил. В Каталонии попытки поднять мятеж были предприняты также в гарнизонах Лериде и Хероне. Фашистские элементы старались втянуть в него рядовой состав, но солдаты не поддержали их.

В Овьедо полковник Аранда, вербуя сторонников, выдавал себя за республиканца. Он сформировал колонну из наиболее боевых рабочих и направил ее в Мадрид. Затем во главе сотни солдат и 850 фашистов, вооруженных и одетых им в солдатскую форму, предательски захватил казарму гвардиа асальто и после тяжелых боев овладел городом. Зато в Хихоне укрывшиеся в казарме Симанкас мятежники в конце концов были разбиты.

Мятежи были подавлены в Гвадалахаре, Альбасете, Малаге и Сан-Себастьяне. В Альмерии, Хаене, Уэльве, Куэнке, Аликанте, Мурсии, Таррагоне, Сиудад Реале, Кастельоне, Бильбао, Сантандере, Бадахосе и других менее значительных гарнизонах попыток мятежа не было.

Даже в Марокко восстание не обошлось без сопротивления со стороны трудящихся и верных Республике военных. В Ларache бойцы гвардиа асальто при поддержке трудящихся оказали энергичное сопротивление мятежным войскам, и только после жестоких сражений те одержали верх.

С большим трудом мятежники захватили аэродром города Тетуан. Прежде чем сдаться, его защитники уничтожили все находившиеся там самолеты. Они были убиты вместе со своим командиром Пуэнте Баамонде, двоюродным братом Франко. Фашисты расстреляли также верховного комиссара Испании в Марокко Альвареса Буилья, главнокомандующего войсками в Марокко генерала Гомеса Морато, военного губернатора Мелильи Мануэля Ромералеса, его адъютантов и секретарей, среди которых были майоры Искьердо, Секо, Хуан Вильясаньал и капитан Рохер, а также командующего авиацией в Мелилье майора Бермудеса Рейна, начальника базы гидросамолетов Аталайон капитана Лерета и других командиров, офицеров, солдат и гражданских лиц, оказавших сопротивление мятежникам и не пожелавших присоединиться к ним.

На военном флоте выступления реакционеров не имели

успеха. 46 боевых кораблей и среди них два линкора, четыре крейсера, семнадцать эсминцев, шесть миноносцев и девять подводных лодок заявили о своей верности Республике. Мятежникам удалось захватить только семь кораблей.

В авиации из 300 имевшихся в то время самолетов различных типов примерно 200 остались в руках республиканцев.

Военный мятеж не был восстанием всей армии, как сегодня пишут франкистские «историки» и учат в испанских военных академиях.

Командование восьми дивизий, находившихся на полуострове, за исключением 5-й дивизии, оставалось верным Республике, но занимало пассивную позицию. Это сыграло на руку врагу и позволило ему одержать победу на значительной территории. Соотношение сил на полуострове в первые дни восстания было вполне благоприятным для Республики. Мятежники не располагали необходимой социальной, политической, экономической и военной базой, чтобы рассчитывать на захват всей страны.

Тогда в игру были брошены главные карты, на которые реакция делала ставку: армия в Марокко, незамедлительная германо-итало-португальская помощь и разнузданнейший террор против гражданского населения, сил Общественного порядка и своих коллег по армии. Не надо забывать, что число военных, в том числе и генералов, расстрелянных или просто убитых мятежниками в первые дни восстания за отказ принять в нем участие, было несоизмеримо больше, чем расстрелянных Республикой за мятеж против нее. Все это, а также разного рода ошибки, допущенные в республиканском лагере, дали возможность фашистам в течение двух недель изменить соотношение сил в свою пользу.

Кто восстал?

Среди множества обвинений, предъявляемых диктатуре, следует особо выделить те, которые направлены против фальсификации франкистами причин мятежа.

Сегодняшней молодежи и людям, не участвовавшим в войне по молодости лет, диктатор и те, кто еще поддерживают его, до хрипоты в голосе пытаются доказать, что мятеж был необходим. Говоря о его причинах, они стремятся внушить, будто мятеж имел «национальный», патриотический, «крестоносный» характер, что он явился взрывом негодования почти всей нации, который возглавили вооруженные силы. Такой дымовой завесой

франкисты пытаются скрыть фашистский характер мятежа и узаконить режим, возникший на его почве.

Историческая правда, материалы данной книги достаточно убедительно свидетельствуют о том, что в мятеже, который был поддержан германо-итало-португальским фашизмом, приняло участие меньшинство населения, а именно — коалиция реакционных сил, главная роль в которой принадлежала военщине. Реакционной и фашистской части командования вооруженных сил удалось втянуть в мятеж большинство гарнизонов полуострова, гарнизоны на островах, за исключением Менорки, и главное — в Африке. Это с первых же дней придало ему характер военного восстания; власть на захваченной мятежниками территории сконцентрировалась в руках военных. Итак, мятеж носил характер военного восстания. Его организационным центром, как было сказано раньше, являлся УМЭ, а наиболее активными членами — военные, сделавшие карьеру в Марокко и являвшиеся наиболее реакционной частью командного состава армии. Речь идет о так называемых «африканистах», образовавших нечто вроде особой «военной касты».

Фундамент сегодняшней франкистской «военной касты» был заложен в Африке помещичье-капиталистической реакцией. «Африканисты», среди которых были и дворяне, как, например, Франко, военные авантюристы, командиры Иностранного легиона и марокканских частей, всегда были баловнями испанских реакционных кругов, возносивших людей из этой группы на самые высокие военные посты. На них как из рога изобилия сыпались повышения, почести и ордена.

Одним из шагов испанского империализма к укреплению военной касты явилось установление профашистской диктатуры генерала Примо де Ривера, которую Франко квалифицировал как вклад в 18 июля, то есть в военно-фашистский мятеж 1936 года.

Но диктатура Примо де Ривера потерпела неудачу. Была провозглашена Республика, и военная каста потеряла свою власть. Многие офицеры искренне считали себя связанными с Республикой и народом и готовы были идти с ним, служить ему во имя прогресса. Они поддерживали прогрессивные элементы в армии, требовавшие изгнания из нее реакционных офицеров-монархистов.

Известно, что просчеты и ошибки руководителей Республики в период 1931–1932 годов дали возможность враждебно настроенным против нее офицерам вновь консолидировать свои силы. Воспользовавшись военными реформами Асаньи, которые довели до исступления антиреспубликански настроенную часть

офицерства, реакция открыто и нагло развернула в армии фашистскую пропаганду и сумела сплотить вокруг наиболее реакционных командиров значительное число военных. Финансово-помещичья олигархия и ее военная каста при поддержке Гитлера и Муссолини в течение нескольких лет готовила фашистский мятеж и в 1936 году осуществила его. Франкистская пропаганда, стремясь оправдать свои действия, сочинила сказку об угрозе «коммунистической революции», которая якобы подготавливалась выборами 16 февраля и должна была произойти 1 августа 1936 года. Этой выдумкой она пытается, кроме того, представить победу Народного фронта на выборах в кортесы как исходный момент подготовки мятежа.

Однако сегодня из опубликованных документов, книг и других изданий, в том числе франкистских, широко известно, что заключенные между главарями мятежа и фашистскими правителями Германии и Италии договоры датированы мартом 1934 года и июнем 1935 года, то есть подписаны значительно раньше февраля 1936 года.

Глава третья

Мадрид — главная цель врага. — Вражеское наступление с юга. — Бадахос. — Талавера. — Толедо.

Как известно, Мадрид фигурировал в планах мятежников в качестве главной цели. Когда же мятеж в столице потерпел крах и попытка захватить ее со стороны Сьерры испанскими частями с помощью наемников из Марокко провалилась, фашистские главари решили направить на Мадрид почти исключительно наемные войска, используя людей и вооружение, предоставленные Германией и Италией.

Находясь в Гвадарраме, мы получили известие, что, несмотря на героическое сопротивление 16-го пехотного полка и отрядов милисианос, 14 августа мятежники овладели Бадахосом. Захват Эстремадуры не только дал им возможность соединить силы Севера и Юга, установить прямую связь между северными и южными областями, захваченными ими ранее, но и обеспечил очень удобный плацдарм для операций против Мадрида. Сконцентрировав силы в зоне Касерес, Мерида, Бадахос, Франко начал наступление на Мадрид.

Талавера

В последние десять дней августа мятежники разгромили небольшие силы милисиас около Навальмораль-де-ла-Мата и Оропеса. В конце месяца они подошли к Талавере, которую защищали остатки частей, отступившие из Эстремадуры, и два батальона, присланные для подкрепления из Мадрида. Потеснив их, мятежники овладели Талаверой.

Путь к Мадриду оказался открыт.

На следующий день разразился правительственный кризис. Уходивший в отставку военный министр не пожелал принимать каких-либо мер для отправки войск в зону Талаверы. Новый военный министр еще не был назначен, ибо лишь ночью 4 сентября Ларго Кабальеро[17] получил полномочия для сформирования правительства. Не существовало и Генерального штаба. Армия осталась без руководства.

Тогда командование 5-го полка сняло с фронта Сьерры несколько своих подразделений: две роты из батальона «Тельмана» под командованием Модесто, две роты батальона «Аида Лафуэнте» во главе с Трифоном Медрано и вместе с

отрядами, сформированными в Мадриде, направило эти части в Талаверу. В последующие дни к ним присоединились батальоны «УНР» и «Крестьянская молодежь» Союза объединенной социалистической молодежи, батальоны «Виктория» и «Галисийские милисианос», а также несколько рот гвардиа асальто.

С 24 августа по 2 сентября я занимался реорганизацией 4-й и 6-й Стальных рот и формированием 9-й роты, после чего вместе с ними отправился на талаверский фронт. 3 сентября мы вступили в бой с противником вблизи Талаверы, и лишь тогда республиканское командование узнало, что мятежники приостановили наступление и все еще находятся в городе. В тот же день к нам прибыл подполковник Бурильо. Ларго Кабальеро назначил его командующим этим сектором. В новом правительстве Ларго Кабальеро кроме поста председателя совета министров занимал пост, военного министра. Военно-морским министром и министром авиации стал Приэто[18].

5 сентября мы атаковали противника в направлении Талаверы, 6-го наши части перешли к обороне на реке Альберче. Спустя два дня мятежники возобновили наступление. Бои развернулись в районе от Талаверы до Санта Олалья. По ожесточенности им не было равных за все время войны.

Пока мы сдерживали врага, шла работа по созданию оборонительной линии между реками Альберче и Тахо, примерно в 15 километрах от Талаверы.

Вскоре две роты Медрано и три мои получили приказ занять позицию от большой шоссейной дороги возле деревни Касалегас до реки Альберче. 11 сентября противник атаковал нас, но был отбит. Ночью он вновь попытался наступать, однако не только не продвинулся вперед, но понес большие потери. Среди захваченных нами пленных оказался раненый сержант Иностранного легиона.

На следующее утро противник опять атаковал нас и снова был отброшен. Около полудня, когда Медрано и я находились на церковной колокольне, где мы расположили наблюдательный пункт и установили пулемет, на левом фланге, сзади нашей оборонительной линии, показалась колонна численностью примерно в одну роту. Это могли быть посланные нам подкрепления, либо вражеские части, пытающиеся окружить деревню. Я решил сам разузнать, в чем дело.

Не успел я выйти из деревни, как стало известно, что это противник. Потеснив наших соседей слева, он решил окружить нас. Сдерживая натиск фашистов имевшимися в моем распоряжении средствами, я сообщил Медрано о положении дел

и приказал покинуть деревню, становившуюся для нас ловушкой. Мятежники усилили атаки, но окружить нас не смогли.

В тот день я обнаружил в Трифоне Медрано качества, которых не замечал раньше. Я знал его как политического руководителя. Он был генеральным секретарем Союза коммунистической молодежи и вместе с Сантьяго Карильо, генеральным секретарем Союза социалистической молодежи, содействовал объединению этих двух организаций. В Касалегас он проявил беззаветную храбрость, умение быстро ориентироваться в обстановке и принимать необходимые решения.

В бою у Касалегас пал Хорхе, мой товарищ по работе в армии. Придя сообщить мне о ходе дел и увидев, какова ситуация, он взял винтовку и героически сражался до последней минуты.

Кто-то назвал бои у Талаверы «героическим бегством».

Мне это выражение кажется довольно метким. Как только становилось известно, что марокканская кавалерия обходит нас с флангов или с тыла, мы отступали, но вскоре возвращались, чтобы отвоевать сданные позиции. При этом наши войска проявляли подлинный героизм.

Бойцы страшились окружения. Наши части состояли в основном из отрядов, прибывших из Мадрида, но были среди бойцов и участники сражений под Бадахосом. Они-то и рассказали мадридцам о зверском избиении пленных республиканцев на арене для боя быков в Бадахосе 30 августа и о кровавых расправах над ними марокканцев и солдат Иностранного легиона. Наши бойцы готовы были отдать жизнь в бою с врагами, но впадали в панику при мысли о возможности попасть в плен и стать жертвой пыток наемников Франко. Говоря об этом периоде и так называемой «армии Тахо», не следует забывать, что это была африканская армия, почти полностью состоявшая из марокканцев и солдат Иностранного легиона. Лишь командные должности в ней занимали испанцы, которые по жестокости обращения с республиканцами превосходили наемников.

Другим фактором, деморализующе действовавшим на наши войска, была авиация. Начиная с 7 сентября наши позиции постоянно подвергались обстрелу крупных соединений «Юнкерсов». Мы не имели ни опыта, ни средств защиты от них. Однако этим не ограничивались трудности, с которыми сталкивались наши войска. По численности республиканские силы не уступали врагу, но им не хватало оружия, дисциплины, а кроме того, они не имели единого командования. Военными операциями руководили люди, на практике осуществлявшие

теорию, смысл которой заключался в том, что испанцы любят открытый бой, лицом к лицу с врагом. Действуя в соответствии с этой теорией, генерал Асенсио Торрадо, доверенное лицо Кабальеро, бездумно бросал на врага прибывавшие батальоны, которые тот методично уничтожал.

Войска противника были гораздо лучше организованы и вооружены. На его стороне сражались ударные силы старой испанской армии, части марокканской пехоты и кавалерии и Иностранного легиона, мощно вооруженные и поддерживаемые итало-германской авиацией. Кроме того, мятежники располагали многочисленными транспортными средствами, что позволяло им быстро передвигаться и атаковать, прежде чем республиканские войска успевали организовать сопротивление на новых рубежах. Все это при допускаемых нами ошибках давало франкистам серьезное превосходство.

Тактика, применявшаяся Асенсио в боях на участке между Талаверой и Толедо, потерпела полный крах. Она заключалась в том, что Асенсио выставлял против хорошо организованного в военном отношении противника отдельные батальоны и роты милисианос. Коммунистическая партия и 5-й полк настаивали на необходимости формировать части на уровне бригад и создавать резервы, которые могли бы наносить контрудары противнику, двигавшемуся к Мадриду. Асенсио же продолжал придерживаться идеи создания небольших подразделений и их использования по мере организации.

Последним боем, в котором я принимал участие на талаверском фронте, была атака 19 сентября на Эль-Касал-де-Эскалона, вблизи Санта-Олалья, занятого мятежниками 17 сентября. В ту же ночь по указанию Политбюро партии я выехал в Мадрид, чтобы принять командование 5-м полком.

Толедо

22 сентября враг захватил Македа и, вопреки ожиданиям, двинулся не на Мадрид, а на Толедо. Ввиду явного намерения врага разорвать кольцо окружения Алькасара[19] и освободить фашистов, находившихся там, руководство партии приняло решение о том, чтобы генеральный секретарь Хосе Диас и я, как командир 5-го полка, посетили Ларго Кабальеро, главу правительства, и попросили его вручить мне командование фронтом в Толедо, заявив, что берем на себя его оборону и захват Алькасара.

Несколько раз командование 5-го полка просило у

республиканского правительства разрешения вытеснить мятежников из Алькасара, но каждый раз получало отказ. Возникало искушение сделать это без разрешения, но наше самовольство повлекло бы резкое столкновение с НКТ[20], Кабальеро, социалистами и другими лицами.

Наконец, Кабальеро сообщил Хосе Диасу и мне о том, что он заменил подполковника Торреса, командовавшего войсками в Толедо, подполковником Бурильо и отдал приказ атаковать Алькасар. После часового спора я получил разрешение вместе с одним батальоном участвовать в этой операции и поехал вперед, чтобы войти в курс дел.

Поднимаясь на второй этаж здания, где размещался республиканский штаб в Толедо, я услышал крики и угрозы. С лестничной площадки я увидел Бурильо в окружении нескольких человек с направленными на него пистолетами и с черно-красными платками на шее[21]. В Толедо меня сопровождала рота мотоциклистов, но я оставил их на окраине города. Приказав своему адъютанту капитану Чичарро, руководителю Союза объединенной социалистической молодежи Мадрида, привести роту к штабу, я с пистолетом в руке вошел в комнату и, став спиной к стене, спросил, что происходит. Оказалось, анархисты, хозяйничавшие в Толедо, не желали замены Торреса, который был их человеком. Мой план заключался в том, чтобы выиграть несколько минут до прибытия мотоциклистов. Практически их боевая мощь была невысока (позднее они стали связистами в моем батальоне и замечательно проявили себя), но шум мотоциклов мог произвести впечатление. Расчет оказался правильным. Не успел я сказать: «Сеньоры, это прибыли мои моторизованные части», как анархисты опустили пистолеты.

На следующий день, 23 сентября, по приказу Кабальеро наши отряды атаковали Алькасар. Кроме новых потерь это ничего нам не дало. Мой адъютант получил пулевое ранение в руку, а я был легко ранен в пах несколькими шрапнельными осколками. 26 сентября пушечные выстрелы оповестили о приближении врага и послужили сигналом для поспешного бегства из города черно-красных платков.

Ранним утром 27 сентября, после короткой артиллерийской подготовки и взрыва мины, заложенной нами в подземной галерее, республиканские части еще раз попытались штурмовать Алькасар. Безуспешная атака продолжалась все утро. В полдень из Толедо был уже виден авангард вражеских колонн, двигавшихся из Баргас. Вскоре их артиллерия открыла огонь по Пласа де Торес. Незадолго до полудня город покинул Бурильо. Я собрал оставшихся в Толедо республиканцев, принял на себя

командование и организовал двойную оборону: против засевшего в Алькасаре противника, чтобы не дать ему возможности уйти, и наступавших на город мятежников.

Весь день на окраине города шли ожесточенные бои. Арена для боя быков, кладбище, гимнастическая школа и другие здания по нескольку раз переходили из рук в руки. Бои велись за каждый дом, каждую лестницу, каждую комнату. Использовались в основном ручные гранаты. Во второй половине дня десять вражеских самолетов начали бомбить различные пункты города. Под вечер батальону вражеских войск удалось прорвать нашу оборону и проникнуть в Алькасар, после чего кольцо вокруг него вновь замкнулось. В то же время атаки главных сил противника, пытавшихся войти в город, были отражены. Вечером и ночью, сдерживая врага у городских стен и продолжая осаду Алькасара, мы готовились к предстоящим на следующий день боям. Каждое небольшое подразделение или группа получили конкретное задание. Была организована эвакуация раненых и оружия, брошенного частями, расквартированными на лето в Толедо и бежавшими, как я уже говорил, при первых орудийных выстрелах приближавшейся к городу вражеской колонны. Одновременно приходилось вести борьбу с укрывавшимися в городе фашистами, которые начали вылезать из своих убежищ и стреляли нам в спину.

В полночь, когда я осматривал позиции вокруг Алькасара, мне сообщили о стычке на мосту Сан-Мартин между посланным туда мною отрядом и пытавшимися покинуть город группами милисианос и гвардиа асальто. Я срочно отправился на место происшествия и застал такую картину: толпа людей стремилась перейти мост, а отряд наших бойцов, вооруженный двумя пулеметами, сдерживал ее. Громче всех протестовал капитан гвардиа асальто, который спешил как можно скорее покинуть Толедо. Я подозвал его, чтобы указать на недостойное поведение, но тут за моей спиной раздался выстрел. Быстро обернувшись, я увидел падающего на меня сержанта гвардиа асальто. Оказывается, мой адъютант выстрелил ему в голову в тот момент, когда тот собирался пустить мне пулю в спину.

Чичарро (через некоторое время ему было суждено погибнуть под Мадридом) спас мне жизнь. И не только мне, ибо моя смерть способствовала бы усилению паники. Этот инцидент положил конец спорам: готовые сражаться вернулись в город, остальные были разоружены, а те, кто имел звание, разжалованы.

28 сентября, примерно в 6 часов утра, враг начал штурм города сразу в нескольких местах. Одновременно нас контратаковали мятежники, засевшие в Алькасаре.

Республиканские войска сражались до позднего утра, но, оказавшись между двух огней, были вынуждены начать отход к мосту Сан-Мартин под прикрытием нескольких артиллерийских орудий и пулеметов, установленных на мосту и на высотах вблизи него. В этих боях замечательно проявила себя рота во главе с Грегорио Рубио, который позднее стал отличным командиром бригады.

Несколько групп наших бойцов, которые с помощью членов партии эвакуировали раненых и предупреждали жителей о предстоящем уходе наших войск из города, попали в окружение. Оказав героическое сопротивление захватившим город фашистам, они были убиты вместе с ранеными. Один из госпиталей мятежники забросали гранатами.

Асенсио, чтобы снять с себя ответственность за постыдную сдачу Толедо, решил свалить всю вину на Бурильо и отдать его под суд.

Через несколько дней после падения Толедо меня вызвали в качестве свидетеля к полковнику, назначенному штабом для ведения следствия по делу Бурильо. Я рассказал ему о том, что мне было известно, и заявил, что, поддерживая желание найти виновного за потерю Толедо, считаю постыдным взваливать всю ответственность на Бурильо, ибо его назначили командующим в тот момент, когда враг уже стоял у ворот города. Виновных надо было искать еще в июле, в Министерстве обороны. Ответственность должен нести Асенсио и его друзья-анархисты, о чем я готов заявить публично.

Больше я об этом деле ничего не слышал. Видимо, его положили под сукно. Нельзя, однако, не отметить, что Бурильо, полагаясь на донесения офицеров, покинувших Толедо в ночь с 27 на 28 сентября, совершил большую ошибку, сообщив в Мадрид о потере города. 27 сентября ночью делегация Коммунистической партии посетила Кабальеро и просила его послать в Толедо подкрепления. Но Кабальеро, основываясь на донесении Бурильо, ответил, что Толедо сдан. Делегаты сообщили ему, что я с частью войск остался в городе, но он не поверил. Тогда руководство партии само отправило в Толедо несколько рот 5-го полка. Они сменили нас в предместьях города, на шоссе, ведущем в Полан.

Мне нечего было бы сказать в защиту Бурильо, если бы его решили наказать за отъезд из города, но стремление взвалить на него всю ответственность за потерю Толедо, выгораживая тем самым других, более виновных, я считал нечестным.

Потеря Толедо войдет в историю как самый большой позор республиканцев и самая большая ложь фашистов. Республиканское командование никогда не имело тщательно

разработанного плана захвата Алькасара и не принимало для этого необходимых мер. Более двух месяцев примерно пять тысяч человек, большей частью анархисты, бездействовали, развлекаясь в компании нескольких сот «дам», привезенных из мадридских притонов.

«Великий герой» Москардо[22] — не более чем миф, сочиненный франкистской пропагандой. Он заперся в Алькасаре, имея силы и средства для овладения Толедо. Заперев вместе с собой более пятисот жен и пятьдесят детей своих подчиненных, несколько десятков антифашистов — мужчин и женщин — в качестве заложников, которых позднее убил, он в то же время отправил из Алькасара свою жену и детей: сына Луиса 24 лет и Кармело— 16 лет. Оба, кстати, могли бы воевать.

Этот «герой» фальсифицирует возраст своего 24-летнего сына, расстрелянного республиканцами, утверждая, будто ему было 16 лет. Этот «герой» подло использовал как щит жен и детей своих подчиненных, отвергая все предложения об их эвакуации, гарантированные дипломатическим корпусом, расстрелял пленных республиканцев — женщин и мужчин, когда франкистские войска вошли в Толедо. Республиканцы же не тронули ни его жену, ни сына Кармело.

Повторяю, осада Алькасара — одна из самых крупных фикций в период войны. Достаточно сказать, что в течение более чем двух месяцев осады франкисты потеряли всего лишь 80 человек убитыми.

После того как Москардо ответил отказом на предложение эвакуировать женщин и детей, сделанное ему майором Висенте Рохо, священником Васкесом Камарасом и чилийским послом Аурелио Нуньесом Моргадо — дуайеном аккредитованного в Мадриде дипломатического корпуса, известного своими симпатиями к Франко, следовало атаковать Алькасар и во что бы то ни стало овладеть им. Для этого имелись все возможности.

Чтобы закончить с этим печальным эпизодом, хочу сказать несколько слов о тех спорах, которые велись по поводу того, совершил ли Франко ошибку, прервав наступление на столицу и повернув к Толедо. Я убежден, что и месяцем раньше Франко потерпел бы неудачу под Мадридом. Но положив конец трагикомедии с осадой Алькасара, он получил двойной выигрыш. Одной из проблем, возникших в период войны в Испании 1936–1939 годов, было преодоление страха перед возможностью попасть в плен. Поэтому уверенность людей в том, что в случае окружения будет сделано все для их спасения, имела большое значение для сохранения боевого духа армии. С этой точки зрения плоды «победы» в Алькасаре Франко пожинал на

протяжении всей войны. Но еще большую роль сыграла эта «победа» в борьбе Франко за военную и политическую власть.

Не следует забывать, что в созданную мятежниками 24 июля 1936 года в Бургосе Хунту национальной обороны Франко не входил. Возглавлял Хунту генерал Кабанельяс, а ее членами были генералы Саликет, Понте, Мола и Давила, а также полковники Монтанер Канет и Морено Кальдерон. Хунта назначила Франко командующим марокканской армией. В состав Хунты он вошел только 3 августа, одновременно с Кейпо де Льяно и Оргасом. С этого момента Франко начинает борьбу внутри Хунты за власть. На заседании 12 сентября разгорелся ожесточенный спор вокруг кандидатуры на пост верховного главнокомандующего вооруженными силами и главы правительства. Однако вопрос не был решен, ибо сторонники Франко и генерала Мола не смогли договориться между собой. 29 сентября, то есть на следующий день после окончания «операции Алькасар», проведенной наиболее преданными Франко войсками, Хунта собралась вновь. На этом заседании Франко добился, чтобы его назначили верховным главнокомандующим и главой правительства, а через несколько часов он произвел известный переворот и провозгласил себя главой государства.

Таким образом становится понятно, почему Франко и его сторонники были заинтересованы в том, чтобы окружить операцию по овладению Алькасаром героическим ореолом: она сыграла немаловажную роль в их планах захвата власти.

Глава четвертая
Создание народной армии

5-й полк. — Первые шесть смешанных бригад. — Несколько слов о вооружении народной армии.

5-й полк

О 5-м полку много писали и еще будут писать. Один из самых распространенных вопросов: почему он так назван? Чаще всего объяснение сводится к тому, что в Мадриде до его создания уже было расквартировано четыре полка. В действительности дело обстояло иначе.

17 июля мы начали формировать на базе АРКМ, созданной для защиты от фашистских провокаций, пять добровольческих батальонов. Местом их организации стало предместье Куатро Каминос.

Одними из первых и самых активных организаторов 5-го полка были Артуро Арелья (позднее он погиб, уже командуя бригадой) и Мануэль Карнеро (он закончил войну начальником разведки армейского корпуса). 20 июля, когда 5-й батальон вернулся в Куатро Каминос после участия в штурме казармы Ла Монтанья, командование решило разместить его в монастыре Салесианос на улице Франкос Родригес и переименовать в 5-й полк народной милиции.

Энергично разоблачая действия реакции, готовящей мятеж, призывая народные массы быть готовыми к отпору, Коммунистическая партия показывала в этом пример. Поэтому не случайно 5-й полк возник в первые дни фашистского восстания и сразу стал играть важную роль.

5-й полк вырос и окреп очень быстро. В его рядах объединились антифашисты различных политических взглядов. В него вошли батальоны и роты, стихийно возникшие в первые дни борьбы. За первые пять месяцев войны в боях против фашистов участвовало почти 70 тысяч прекрасно обученных бойцов полка.

О его политическом и социальном составе свидетельствуют следующие цифры:

Коммунисты..... 50 %
социалисты..... 25 %
республиканцы..... 15 %

беспартийные..... 10 %
крестьяне..... 50 %
рабочие..... 40 %
служащие..... 10 %

Возглавлял 5-й полк организационный штаб. Военную школу полка окончили тысячи и тысячи рабочих, крестьян и представителей интеллигенции. 5-й полк помог организации партизанской борьбы и военных служб: интендантской, транспортной, связи и медицинской, создал школу медицинских сестер и санитарную службу для населения центральной зоны и прежде всего детей, организовал госпитали, изыскивал медикаменты, шил обмундирование, обувь, кожаное снаряжение, наладил производство вооружения и боеприпасов. Кроме того, он организовал дома отдыха для бойцов народной милиции, прибывавших с фронта на поправку, создал специальную комиссию для посещения раненых, открыл детские дома и дома для сирот… 5-й полк впервые ввел институт военных комиссаров. На протяжении всей войны комиссары проводили в Народной армии политическую работу среди бойцов, содействовали укреплению сознательной дисциплины, помогали бойцам овладевать военной техникой и военным искусством, боролись с неграмотностью, следили за работой солдатских кухонь, транспорта, медицинских подразделений и т. д.

Тысячи комиссаров — воспитанников 5-го полка — служили примером стойкости и героизма, став ядром славного корпуса комиссаров республиканской армии. 5-й полк первым стал вести пропаганду, адресованную вражеским солдатам и офицерам.

Он явился инициатором создания так называемых отрядов «Милисианос де культура»[23], куда вошли сотни учителей и других представителей интеллигенции. Они научили читать и писать десятки тысяч бойцов, занимаясь с ними даже в окопах, на передовой. По примеру 5-го полка занятия с неграмотными и работа по повышению общего культурного уровня проводились и во многих других подразделениях Народной армии.

В связи с этим мы остро ощущали нехватку учителей. Одного учителя на батальон при огромной массе неграмотных было недостаточно. Чтобы разрешить эту трудную проблему, в каждой роте назначался ответственный по культуре. Эти люди не были специалистами-учителями, но, имея определенную подготовку, вели занятия по программам, составленным «Милисианос де культура» соответствующего батальона.

Однако задача ответственных по культуре не ограничивалась борьбой с неграмотностью. Круг их обязанностей был

значительно шире: занятия по повышению общей культуры, занятия с капралами и сержантами, организация курсов усовершенствования для политделегатов, выпуск стенгазет, комплектование библиотек и т. д. Кроме того, ответственные по культуре должны были в зонах, где шли бои, отбирать подвергавшиеся опасности уничтожения ценные произведения искусства, рукописи, старинные книги и т. п. и отправлять их в Министерство народного просвещения.

Многие ответственные по культуре погибли при выполнении порученной им важной миссии. Мне вспоминаются, в частности, Гонсало Перейра, Франсиско Гуардиола Новоа, Рафаэль Руис Карденас, Блас Альберич, Эмилио Альбиол, воевавшие в частях, которыми я командовал.

Принципы политики 5-го полка, которые коммунистическая партия стремилась проводить во всей армии, были просты и ясны: максимальное использование верных Республике кадров старой армии; смелое выдвижение на командные посты молодых офицеров, доказавших свою преданность делу народа и проявивших военные способности, а также кадров народной милиции, формировавшихся в окопах. В 5-м полку железная дисциплина сочеталась с искренним товарищеским отношением между бойцами, а также между бойцами и командирами, что создавало атмосферу взаимного уважения и доверия. Это чувство товарищества бойцы 5-го полка перенесли в части, где они служили позднее. С первых дней организации 5-го полка коммунисты боролись за создание регулярной Народной армии, дисциплинированной, с единым командованием. Поэтому, когда правительство опубликовало декрет о ее создании, командование 5-го полка предоставило в его распоряжение личный состав, командиров, все свои кадры. В Народную армию Республики из рядов 5-го полка влились пехотинцы, танкисты, летчики-истребители и бомбардировщики, артиллеристы, инженеры и т. д. Этот полк дал первых истребителей танков: Корнехо, Карраско, Грау и Молина. Как и матрос Антонио Колль, они успешно уничтожали немецкие и итальянские танки на подступах к Мадриду. Двое были крестьянами, двое — рабочими. Двоим было по 21 году, двоим всего по 16 лет.

5-й полк насчитывал не 1000, как обычно, а 70 тысяч бойцов. Он явился организационным ядром Народной армии и кузницей командных кадров для ее бригад, дивизий и корпусов. В 5-м полку проводилась систематическая работа по политическому воспитанию, что содействовало максимальному укреплению единства бойцов-антифашистов. Кроме того, он выступил инициатором тесной связи фронта и тыла, вел неутомимую

пропаганду за объединение антифашистов всей страны, шефствовал над заводами и организациями; с энтузиазмом помогал проведению в жизнь мероприятий правительства; установил тесную связь со всеми политическими партиями и профсоюзами; активно помогал другим батальонам, полкам и колоннам; поддерживал постоянный контакт с гражданским населением, издавая газеты, плакаты, проводя митинги, организуя выставки, доклады, показ кинофильмов, выступления оркестров, театральных групп и поднимая тем самым боевой дух республиканцев, укрепляя их веру в победу. Все это, а также героизм его бойцов на полях сражений послужили причиной той любви и популярности, которыми он пользовался у народа.

Двери 5-го полка были открыты для всех антифашистов. В его рядах были писатели, журналисты, артисты, поэты, нередко жившие вместе с бойцами в окопах. Я плохо разбираюсь в поэзии, но глубоко благодарен поэтам за их стихи, сыгравшие важную роль в борьбе против фашизма. Я всегда был сторонником коротких речей, доходящих до самого сердца, будоражащих кровь и дающих слушателям повод для раздумья. Поэтому для меня хорошие стихи — сведение многочасовых речей к нескольким минутам. Я неоднократно убеждался, что поэзия способна тронуть сердце солдата и одно хорошее стихотворение стоит больше десяти длинных речей. Помню, как в самые трудные дни обороны Мадрида, а затем на протяжении всей войны на передовую приезжали читать свои стихи поэты Рафаэль Альберти, Мигель Эрнандес, Эррера Петере, Хуан Рехано, Серано Плаха, Педро Гарфиас, Алтолагирре, Эмилио Прадос и другие. Какой это был горючий материал, укреплявший боевой дух и веру в победу! Как вдохновляли они на героические поступки не только отдельных бойцов, но и целые воинские подразделения!

Именно в те дни я по-настоящему понял, какой огромной силой обладает поэзия, пробуждая в человеке самые лучшие качества. Не раз всматривался я в лица бойцов во время выступления поэтов, видел, какое впечатление производит на них услышанное, и безошибочно мог сказать, что в первом же бою многие станут героями. Газеты и журналы воинских частей были полны воспевающих героизм стихов, сочиненных самими бойцами. Позднее стихи появились и в газетах партизанских групп.

Этим объясняется моя любовь и уважение к членам «Батальона талантов», как его ласково называли солдаты и командиры. Это было замечательное боевое подразделение. В него входили поэты, журналисты, художники, скульпторы. Имена Мигеля Эрнандеса, Эррера Петере, Адольфо С. Васкеса, Хуана

Паредес, Хосе Рамона Алонсо, Нако Ганивета, Рамона Гонсалеса, художников-плакатистов Эсперта и Брионеса, фотографа Фаустино Майо и других представителей интеллигенции, выходцев из 5-го полка, всегда будут связаны с боевой историей 1-й бригады 11-й дивизии и 5-м корпусом. Но члены «Батальона талантов» вели работу не только в различных подразделениях нашего полка: Мигель, Петере и их товарищи бывали и на других фронтах, передавая наш опыт и заимствуя все лучшее, что видели там.

Когда требовала обстановка, бойцы «Батальона талантов» сменяли перо на винтовку и гранату. Вот что писал Пако Ганивет в связи со смертью поэта Хосе Рамона Алонсо:

> «Я, товарищ Алонсо по работе в дивизии, составляя несколько дней назад предисловие к его небольшому сборнику стихов, писал: «Хосе Рамон Алонсо, с «яростным пылом», свойственным его натуре истинного баска, участвует в войне с первого же дня. Он воевал в Ируне, Мадриде, на Хараме, в Брунете и на Арагоне. Он сражался железом и динамитом, прекрасно бросая гранаты. «Пусть бомбы падают, как дождь!» — кричал он, когда его руки метали их. Как писатель и художник он боролся и своими стихами, не уступавшими по своему заряду оружию, брошенному в наших смертельных врагов. На его теле остались следы двух сражений. Его могучий, обращенный непосредственно к солдатам или звучавший в написанных им стихах голос, направленный против несправедливости и тирании, приобретал почти сверхъестественную силу, достигая самых отдаленных долин, лесов и гор. Этот изданный 11-й дивизией сборник стихов, написанных во время войны, — предвестник того, что можно ждать от его молодости и замечательной силы духа».

Прошли считанные дни, и надежду, которая звучит в этих строках, уже никогда не сможет воплотить в своих творениях Хосе Рамон Алонсо, человек, расточавший повсюду, где бы он ни появлялся, жизненную энергию и душевную силу, человек, боровшийся и побеждавший во всех сражениях, посланных ему жизнью и войной. Он умер на своем посту, на Арагоне, в рядах своей дивизии, которую так любил».

В 5-м полку служили и журналисты: Искарай, братья Симорра, Наварро Баллестерос, Гарсиа Ортега, кубинец Пабло де ла Ториэнте Брау и другие. Их всех можно было встретить на передовой — под выстрелами, орудийными залпами и

авиационными бомбами. Они писали замечательные статьи о героизме милисианос. Бойцами 5-го полка были также: писатель-католик Хосе Бергамин; архитекторы Мануэль Санчес, Луис Лакаса, Р. Бальбуэна; братья Ферран (архитектор и скульптор), под вражескими бомбами спасавшие произведения искусства; драматург Эдуардо Угарте; художник Тортелано; график Гарай, артисты Альберто Санчес, и Хосе Ренау; выдающийся кубинский художник Вильфредо Лам (последний, отложив кисти, изготовлял взрывчатку). 5-й полк был тесно связан с Союзом интеллигенции. В Доме Союза с большой любовью принимали воинов Рафаэль Альберти и Мария Тереза Леон. Они постоянно поддерживали связь с бойцами и с волнением следили за событиями на фронте.

Любой человек, когда-либо участвовавший в войне, знает, как много значит для солдата музыка, какое глубокое воздействие оказывает она на его душу. Большую роль в укреплении морального духа наших бойцов сыграли во время войны военные оркестры. Замечательным примером может служить оркестр 5-го полка. Его история богата не только музыкальными достижениями, но и большими военными заслугами. Оркестр был создан по инициативе Профсоюза оркестровых педагогов УГТ[24]. Его непосредственным организатором являлся широко известный в Испании композитор Оропеса, бывший дирижер оркестра Провинциального совета Мадрида, автор более пятидесяти популярных произведений, таких, как пасадобле «Чикланера» и ряд других. Вначале оркестр состоял из тридцати трех музыкантов-профессионалов, с первого же дня войны отдавших делу народной борьбы свои способности и молодость. Позже он вырос до шестидесяти человек. Впервые оркестр выступил 25 июля 1936 года. Он прошел по улицам Мадрида, исполняя народные и революционные марши. Мадридцы встретили его с необычайным восторгом. Впоследствии оркестр выступал на фронте в Сьерре в тревожные ноябрьские дни и на передовых линиях огня под Мадридом. Своей игрой он способствовал созданию атмосферы энтузиазма среди мадридцев во время незабываемого ноябрьского парада. Нередко в наиболее критические моменты боя, когда бойцы начинали колебаться, оркестр исполнял один из революционных гимнов, и происходило чудо: дрогнувшие возвращались на свои позиции и оказывали противнику героическое сопротивление.

После самороспуска 5-го полка оркестр вошел в 11-ю дивизию. В ее составе он выступал на фронтах под Гвадалахарой, на Хараме, на юге Тахо, в Брунете, на Арагоне, в Теруэле, а затем в составе 5-го корпуса на Эбро, в Каталонии и в бесчисленном количестве деревень и городов. Благодаря усилиям всего

коллектива оркестра и каждого музыканта, а также опытному руководству, он стал лучшим оркестром наглей армии. Многочисленная публика с удивлением отмечала высокое мастерство исполнения им самых сложных произведений классической и современной музыки.

После поражения республиканцев военный оркестр вместе с остальными бойцами 5-го корпуса перешел границу Франции и был интернирован в концентрационном лагере. Там он продолжал давать концерты, пока не представилась возможность всем составом уехать в Мексику. И здесь оркестр во главе со своим дирижером служил примером верности антифранкистской борьбе.

5-й полк оказывал сердечное гостеприимство также научным работникам и художникам. Он обеспечил эвакуацию в Левант, спасая от фашистских бомбардировок, ученых, художников, научных и культурных ценностей. Вот некоторые свидетельства, опубликованные в печати тех дней:

«Профессора, преподаватели университета, поэты, научные работники, выезжающие в Валенсию благодаря хлопотам и помощи 5-го полка, заявляют следующее:

Никогда мы, академики и профессора, поэты и ученые, имеющие научные звания испанских и иностранных университетов, не чувствовали себя настолько связанными с нашей родиной; никогда мы не чувствовали себя до такой степени испанцами, как сейчас, в момент, когда мадридцы, защищающие свободу Испании, обязали нас покинуть Мадрид, чтобы не прекращалась наша исследовательская работа и мы могли трудиться, не подвергаясь бомбардировкам, от которых страдает гражданское население испанской столицы; никогда мы не чувствовали себя до такой степени испанцами, как теперь, когда увидели, что бойцы народной милиции, рискующие своей жизнью ради блага Испании, стремясь сохранить наши научные и художественные ценности, заботятся о спасении наших библиотек и оборудования наших лабораторий от зажигательных бомб, сбрасываемых иностранными самолетами на научные и культурные учреждения.

Мы хотим перед всем миром, перед всем цивилизованным человечеством выразить свое восхищение поведением бойцов народной милиции и сказать, что мы гордимся ими как люди, ученые и испанцы.

Подписали: Антонио Мачадо — поэт; Пио дель Рио Ортега — директор Онкологического института, профессор гонорис кауза различных иностранных университетов; Энрике Молес Ормелья — профессор Центрального университета, директор

Национального института физики и химии, академик Мадридской академии, академик Пражской и Варшавской академий, Генеральный секретарь общества физики и химии; Исидоро Санчес Ковиса — член Медицинской академии; Антонио Мадинавейтиа Табуго — профессор фармацевтического факультета, заведующий отделением органической химии Института физики и химии; Хосе Мария Сакристан — психиатр, директор психиатрической больницы в Сиемпосуэлос, заведующий отделением умственной гигиены управления здравоохранения; Хосе Морено Вилья — поэт и живописец; Мигель Прадос Суч — научный сотрудник Института Кахаль, психиатр; Артуро Дуперьер Вальеса — профессор геофизики Центрального университета, заведующий отделением специальных исследований Национальной метеорологической службы, президент Испанского общества физиков и химиков, лауреат Нобелевской премии» («Милисиа популяр», 24 ноября 1936 года).

2 декабря та же газета писала:

> «Вторично в расположении 5-го полка встречаются деятели науки и искусства с командирами и бойцами народной милиции, заслужившими своими героическими делами народное признание, чтобы провести вместе несколько часов перед эвакуацией в Валенсию. Это — писатели и ученые, чья деятельность на благо нашей Республики была прервана варварскими налетами фашистов на Мадрид. Одна из волнующих черт этой встречи — искренняя забота о культуре и науке со стороны занимающих ответственные посты военных, таких, как Листер и Карлос. Благодаря присутствию на встрече героев Корнехо и Карраско, последователей славного Антонио Колли, простое прощальное чествование вылилось в демонстрацию подлинного духа нашей борьбы, борьбы за организацию, строительство и спасение трудолюбивой и созидающей Испании.

Среди деятелей науки и искусства, участвовавших в этой встрече и вчера эвакуированных, были: Анхель Льорка, Диас дель Мораль, Карраско, Каландре, Гомес Морено Онтаньон, Хосе Хинер, Кристобаль Руис, Перес Касас, Солана, Викторио Мачо, Лопес Мескита и Артета.

Кроме командиров 5-го полка — Карлоса и Листера, на встрече присутствовали поэты Рафаэль Альберти, Леон Фелине, Эмилио Прадос и Анарисио и писательница Мария Тереза Леон.

Удачной была мысль пригласить двух героев народной

милиции — истребителей фашистских танков: Хулио Карраско и Элеутерио Перес Корнехо.

В конце встречи выступили командир 5-го полка майор Энрике Листер, Корнехо, Карраско, Мария Тереза Леон и майор Карлос.

Далее замечательный поэт Рафаэль Альберти прочитал два стихотворения, написанные им по случаю посещения дворца герцога Альбы: первый раз, когда дворец был еще цел и охранялся коммунистами-милисианос, и второй — после его бомбардировки мятежниками.

В заключение выступил Анхель Льорка. Он подчеркнул важность проблемы воспитания в новом обществе и от имени всех эвакуируемых поблагодарил 5-й полк за проявленную заботу о культурных и научных ценностях».

В газете от 9 декабря говорилось:

> «Выдающиеся ученые и художники, выехавшие из Мадрида 1-го числа этого месяца, прислали нам следующее письмо, вызвавшее у нас гордость и волнение:
>
> «Люди умственного труда вновь с гордостью заявляют, что они являются частью народа, который с таким огромным вниманием относится к вопросам культуры.
>
> Мы, группа художников, профессоров и научных работников, выехали из Мадрида по предложению 5-го полка народной милиции и Хунты обороны. В это же время бойцы народной милиции, прилагая большие усилия, чтобы отбросить от испанской столицы марокканцев и легионеров Франко, заботятся о том, чтобы сохранить памятники культуры и искусства, чтобы мы, работающие в этой области, смогли трудиться вдали от разрывов бомб, сбрасываемых фашистами на гражданское население Мадрида и особенно на его памятники культуры.
>
> Народ, заботящийся о сохранении наиболее значительных ценностей своей родины, в будущем одержит блестящие победы и добьется выдающихся достижений на благо всего человечества.
>
> Мы горды тем, что 5-й полк народной милиции от имени Республики предложил нам переехать в Валенсию. Нас взволновал тот факт, что среди просивших нас об этом были героические «охотники за танками», храбрость и отвага которых поставили их в один ряд с

лучшими сынами Испании.

Цивилизованный мир должен знать, ибо это делает честь нашей стране, что среди эвакуируемых находились художники, химики, профессора и т. д. Невзирая на наши идеологические и политические убеждения, в условиях ужасных бомбардировок нашего города германской и итальянской авиацией народ Мадрида и 5-й полк позаботились о нашей безопасности.

Как и наши коллеги из первой партии, заявляем: мы гордимся, что принадлежим к народу, поступающему таким образом.

Буньол, 2 декабря 1936 года.

Подписали: Анхель Льорка — педагог, основатель школы имени Сервантеса; Хосе Капус — награжден медалью Академии изящных искусств, попечитель Музея современного искусства, лауреат нескольких международных конкурсов; Хосе Г. Солано — художник; Педро Карраско — директор Мадридской астрономической обсерватории, декан факультета наук; Бартоломео Перес Касас — дирижер оркестра Мадридской филармонии; Аурелио Артета — преподаватель Высшей школы изящных искусств, академик; Рикардо Гутиеррес Абаскал (Хуан де ла Энсина) — директор Музея современного искусства; Альберто Чальмета — преподаватель, секретарь фармацевтического факультета; Кристобаль Руис — преподаватель Высшей школы живописи, лауреат различных международных выставок; Рикардо Оруэта — академик, бывший Генеральный директор Академии изящных искусств, искусствовед; Хосе Рамон Сарагоса — награжден золотой медалью 1923 года в Мюнхене, медалью первой степени на Национальной выставке 1915 года, профессор Высшей школы живописи; Хуста Фрейре — директор школы имени Карла Маркса; Хуан Хосе Доменчина — поэт».

Авторитет 5-го полка был настолько велик, что ему часто приходилось заниматься делами, не имеющими никакого отношения к армии. Так, однажды на мой командный пункт в Вильяверде пришло сообщение, в котором мне предлагалось приехать в штаб полка. Прибыв туда, я узнал, что Менендес

Пидал на основании полномочий, предоставленных правительством Командирам бригад и остальному высшему командному составу, пожелал, чтобы я оформил брак его сына. Через два часа все было готово к свадьбе. Вот что писала об этом газета «Милисиа популяр» 15 декабря 1936 года:

«В 5-м полку состоялась свадьба сына дона Рамона Менендеса Пидал.

Вчера нам представился случай вновь убедиться в доверии, испытываемом высокообразованной интеллигенцией к новой Народной армии.

Сын крупного историка и президента Академии языка дона Рамона Менендеса Пидал оформил брак в комендатуре 5-го полка. Свидетельство о бракосочетании подписал командир майор Энрике Листер.

Церемония протекала в обстановке искренней дружбы.

Товарищ Листер задал положенные вопросы, зачитал акт, который затем подписали свидетели: политкомиссар Карлос, доктор Грегорио Мараньон, капитан бригады Листера Франсиско Ганивет и известный архитектор Санчес Аркас. Затем Листер поздравил новобрачных, подчеркнув особое удовлетворение в связи с тем, что принимает у себя столь знаменитого человека, как Менендес Пидал.

Эти отношения между народом и славными представителями испанской интеллигенции отражают начало строительства новой жизни в Испании».

Как-то нам сообщили, что в одном из домов укрылись фашисты. Мы послали наших людей разведать обстановку. Вернувшись, они доложили, что в доме спрятались монахини. Я распорядился выставить возле него охрану и попросил руководство партии, если возможно, прислать для переговоров с монашками Долорес Ибаррури. Вместе с Долорес мы вошли в дом и увидели около 20 полумертвых от страха женщин различного возраста. По мере того как Долорес говорила, монашки успокаивались, вступали в разговор, задавали вопросы. Они охотно откликнулись на предложение Долорес Ибаррури помочь шить обмундирование для солдат 5-го полка. С этого момента они трудились вместе с сотнями женщин, получая паек и зарплату. Мы в свою очередь с уважением относились к их образу жизни.

Деятельность 5-го полка распространялась не только на Мадрид и центральную зону, но и на всю Испанию и даже за ее пределы. Полк имел казармы в Мадриде, Хаене, Гвадалахаре, Куэнке, Альбасете, Валенсии, Мурсии и Аликанте, а также поддерживал связь со многими странами мира.

В первые месяцы борьбы, когда в стране царил хаос, 5-й полк героически и самоотверженно сражался на Мадридском фронте. В тех условиях полк с его сознательной дисциплиной служил маяком, освещавшим путь, по которому следовало идти.

Таков краткий, схематичный рассказ о многогранной деятельности 5-го полка. Ее направляла, помогала советами, военными и политическими кадрами Испанская коммунистическая партия.

Невозможно перечислить имена всех, кто сыграл важную роль в создании 5-го полка. Однако думаю, что ветераны полка согласятся со мной, если я назову Бенигно Родригеса, который был душой комиссии социальных работ (он умер в эмиграции); Даниэля Ортега — организатора различных служб (его предал Касадо, и он был расстрелян франкистами); Витторио Видаля; майора Карлоса — комиссара полка, а ныне итальянского сенатора-коммуниста. Их любили за человечность, трудолюбие, верность и искренность со всеми и во всём.

Первые шесть смешанных бригад

Перед лицом нависшей над Мадридом опасности, усиливавшейся с каждым днем в результате наступления фашистских сил, становилось все более ясно: необходимо, используя опыт 5-го полка, как можно скорее создать регулярную народную армию. 5-й полк заявил, что готов отдать для ее организации всех своих бойцов. Он ратовал за то, чтобы все партии и профсоюзы приняли в этом участие.

И действительно, положение требовало немедленного создания новой армии. Добровольцы сражались с такой же самоотверженностью и отвагой, как и в первые дни фашистского мятежа. Однако одного упорства и героизма было уже недостаточно. Силы мятежников в связи с наглой германо-итальянской интервенцией с каждым днем возрастали. Она явилась решающим фактором, изменившим соотношение сил в пользу наших противников и позволившим им одержать ряд крупных побед.

Уже в течение нескольких месяцев испанский народ вел национально-революционную войну, защищая свою независимость и свободу от агрессии иностранного и национального фашизма. Следуя советам Коммунистической партии, он упорно боролся за создание соответствовавшей характеру войны регулярной народной армии.

Стремление сотен тысяч испанцев создать такую армию не

было чем-то новым, необычным в мировой истории. Четыре века назад Кромвель создал в Англии народную революционную армию, победившую генералов-монархистов и короля. Полтора века назад вожди Французской революции организовали сильную народную армию, успешно сражавшуюся против коалиционных вооруженных сил европейских реакционных государств и эмигрантов-дворян. И менее двадцати лет назад русский народ, руководимый Коммунистической партией, создал всем известную подлинно народную Красную Армию. Она отвечала характеру нового типа государства — социалистического государства. Каждая из совершаемых в различные исторические периоды революций умела создавать оружие, необходимое для достижения победы, армию, соответствовавшую характеру войны, которую народ вынужден был вести против своих врагов.

Народная милиция, партизанские отряды и народная армия не раз возникали и на протяжении испанской истории, начиная с борьбы против Карфагена и Рима и до наших дней. Таким образом, в стремлении испанского народа организовать народную армию не было ничего необычного. За создание такой армии Компартия, выражая желание сотен тысяч испанцев, упорно боролась с первого дня фашистского мятежа.

Наконец 10 октября правительство опубликовало декрет об организации регулярной Народной армии и о назначении командиров первых шести смешанных бригад. Меня назначили командиром 1-й бригады. Местом формирования ее был определен город Алькала де Энарес.

Командирами других пяти бригад назначили: 2-й бригады — Хосе Мартинеса де Арагона, майора старой испанской армии, республиканца, позже погибшего на Мадридском фронте.

3-й бригады — Хосе Мария Галана, капитана карабинеров 5-го полка, закончившего войну командиром армейского корпуса.

4-й бригады — Артуро Арельяно, капитана старой армии, одного из командиров 5-го полка, погибшего в ноябре при обороне Мадрида.

5-й бригады — Фернандо Сабио, майора карабинеров. 6-й бригады — Мигеля Гальво, капитана старой армии, одного из командиров 5-го полка, участника восстания в Хака в 1930 году; расстрелян франкистами после войны.

Эти бригады назывались смешанными, так как имели в своем составе пехоту, кавалерию, артиллерию и службы — связи, медицинскую, интендантскую, транспортную и т. п.

По штату бригаде полагалось иметь 4000 человек. В ее состав входили четыре батальона (каждый из четырех стрелковых и одной пулеметной роты), взвод минометов, дивизион артиллерии

(три батареи по четыре орудия, из них две пушечных и одна гаубичная), эскадрон кавалерии, взвод связи, рота саперов, транспортная рота, медицинский взвод и транспортная колонна с боеприпасами.

В действительности же из-за недостатка средств бригады никогда полностью не были укомплектованы снаряжением.

Каждому батальону полагалось иметь восемь станковых и девять ручных пулеметов, но ни одна бригада не получала полного комплекта. Как правило, она имела от двенадцати до четырнадцати станковых и от пятнадцати до тридцати легких пулеметов.

Четверо из назначенных руководителей бригад были офицерами 5-го полка. Более того, бригады целиком создавались из частей, входивших в 5-й полк. С помощью командования 5-го полка я приступил к выполнению возложенных на меня обязанностей. Четыре батальона практически были уже сформированы. Позже они получили названия: «Листер», «Виктория», «Рассвет» и «Галисийские ополченцы». Начальником штаба бригады был назначен писатель Рамон Х. Сендер.

Несколько слов о вооружении Народной армии

Некоторые господа писали и продолжают писать, будто Советский Союз посылал нам старое и плохое оружие. Подобные утверждения — подлая ложь. Действительно, в Испанию прибывало старое, негодное оружие, но куплено оно было агентами правительства, некоторыми министрами и послами-социалистами у западных стран, в том числе и тех, где главы правительств и министры также являлись социалистами. Правда, советское оружие стало поступать в Испанию только в октябре, то есть спустя три месяца после получения фашистами в огромном количестве оружия из Италии и Германии. Но это вина не Советского Союза, а республиканских правительств, которые обратились к нему с просьбой о продаже оружия лишь после того, как правительство социалиста Леона Блюма и другие «демократические» правительства западных стран отказались выполнить условия договоров, заключенных ими с Испанской Республикой.

Как я уже говорил, незадолго до начала войны в Испании мне довелось учиться в советской военной школе, где я имел возможность ознакомиться с советским оружием. После окончания испанской войны я поступил в превосходную Военную академию в СССР и во время учебы был в курсе успехов в области

производства вооружения, достигнутых за четыре года, истекших с момента моего возвращения в Испанию. Поэтому я имею все основания утверждать, что Советский Союз отправлял в Испанию лучшее свое оружие. С такими же винтовками, пулеметами и артиллерией советские солдаты воевали в начале второй мировой войны. Что касается танков, то они по своим качествам превосходили германские и итальянские и больше всего соответствовали природным условиям Испании. В первые месяцы войны на пути от Севильи до Мадрида итальянские и германские танки не встречали иной преграды, кроме огня винтовок, ручных гранат, бутылок с бензином и самоотверженности республиканской пехоты. Однако в середине октября в республиканскую зону прибыло пятьдесят советских танков вместе с группой инструкторов. Испанские танкисты, обученные советскими товарищами и сопровождаемые в бою своими храбрыми инструкторами, 29 октября у Сесеньи, а затем в оборонительных боях за Мадрид продемонстрировали полное превосходство над врагом и его техникой, нанеся ему тяжелые потери. Там, в боях за Мадрид, родились танковые силы новой армии.

С начала войны день за днем германо-итальянская авиация безнаказанно бомбила Мадрид — у Республики не хватало самолетов, чтобы вести эффективную борьбу с фашистской авиацией.

Однажды в конце октября жители Мадрида с радостью и неописуемым восторгом наблюдали необычное зрелище: неизвестные самолеты сбили в воздухе несколько машин противника, обратив остальных в бегство. Это были первые присланные из Советского Союза и пилотируемые советскими и обученными в СССР испанскими летчиками «И-15» и «И-16», прозванные позднее мадридцами «Чатос» и «Москас»[25]. В тот день они нанесли фашистской авиации первое поражение в небе Испании. Мадрид вздохнул с облегчением и гордостью: авиация противника уже не сможет безнаказанно каждый день убивать десятки и сотни мужчин, женщин и детей, которые гибли под развалинами домов или на улицах города.

Можно смело сказать: на Мадридском фронте родилась новая воздушная армия Республики. «Чатос» и «Москас» были лучшими самолетами-истребителями в то время, они значительно превосходили по своим качествам самолеты противника. Это относится и к легким бомбардировщикам, полученным из Советского Союза. Утверждения, будто вооружение, присланное из СССР, было хуже, чем у противника, повторяю, подлый вымысел.

Вопрос стоял не о качестве, а лишь о количестве. Франкисты получали значительно больше военных материалов. Но это уже не зависело от советских людей. В этом вопросе существенную роль играли географическое положение наших стран и позиция западноевропейских «демократических» правительств и США.

В то время как Италия и Германия беспрепятственно и в огромном количестве доставляли франкистам по морю и через португальскую границу вооружение и людей, а из Соединенных Штатов Америки прибывали все необходимые мятежникам нефтепродукты, из каждых двух тонн вооружения, направляемого в республиканскую зону, одна попадала на дно морское или в руки противника. Мне не известно, сколько советских пароходов было потоплено или захвачено, сколько советских моряков погибло или попало в плен. Я располагаю лишь общими цифрами, опубликованными франкистами, и эти цифры весьма высоки. Адмирал Франсиско Бастаррече на одном совещании в Сарагосе в 1960 году говорил: «Национальный[26] флот во время войны потопил 53 торговых судна общим тоннажем 129 000 тонн; захватил 324 судна тоннажем 484 000 тонн». Сообщалось также еще о 24 захваченных иностранных кораблях. К этому следует добавить около 1000 судов, задержанных в море и затем освобожденных.

Доставке оружия в республиканскую зону препятствовала и политика «демократических» правителей Франции, закрывших в августе 1936 года свою границу. В марте 1938 года они открыли ее, а затем в июне вновь закрыли, блокировав сотни тысяч винтовок, тысячи пулеметов, сотни танков, пушек и самолетов, миллионы патронов и артиллерийских снарядов, авиационных бомб и много другого оружия и снаряжения, отправленного из Советского Союза и выгруженного во французских портах. И это происходило в то время, когда мы почти безоружные сражались на Эбро и в Каталонии против противника, получавшего все необходимые ему военные материалы. Когда же, наконец, французское правительство разрешило пропустить в Каталонию некоторое количество оружия, было уже поздно. У нас оставалось слишком мало территории и людей, чтобы использовать его. Часть оружия попала в руки противника до того, как была распакована.

Глава пятая

Сесенья. — Решающие дни 6–9 ноября. — Наступление противника с северо-запада, январь 1937 года. — Серро де лос Анхелес. — Сражение на Хараме. — Эль Пингаррон. — Гвадалахара. — Республиканское контрнаступление. — Письмо лейтенанта Алькала Кастильо своему отцу.

Сесенья

После взятия Толедо противник, собрав свои лучшие части и вооружение, полученное из Германии и Италии, решил нанести удар по Мадриду. Для подготовки этого наступления ему потребовалось 18 дней. 15 октября «армия Тахо» двинулась на Мадрид. Навалькарнеро оставалось сковывающим направлением — там велись активные действия, на остальных фронтах — Ла Сьерра, Гвадаррама и Гвадалахара — противник ограничивался демонстрациями.

Наши войска, не имея достаточно сил, дважды безуспешно атаковали Толедо. Из-за нерасторопности республиканского командования, не сумевшего использовать 18 дней передышки, начавшие наступление мятежники оттеснили нас к северу. 18 октября их авангардные части заняли Ильекас. Здесь они остановились для перегруппировки своих сил.

20 октября республиканские войска предприняли контратаку с целью вернуть Ильекас, но были отброшены. Вскоре противник возобновил наступление и занял Навалькарнеро и Гриньон.

Республиканское командование приняло решение нанести 29 октября контрудар по правому флангу противника с севера и востока, чтобы вновь попытаться отвоевать Ильекас. Операция преследовала тройную цель: задержать продвижение врага на Мадрид, сузить коридор его наступления и обеспечить исходные позиции для последующих операций. Главный удар предстояло нанести 1-й бригаде совместно с колоннами Буэно и Бурильо. Эта операция была для нее боевым крещением. В задачу бригады входило: атаковать противника со стороны Сесеньи на линии протяженностью в два километра и продолжить наступление на Эскивиас. Впервые с начала войны нас поддерживали танки — 15 машин.

26 октября бригада вышла из Алькала де Энарес, направляясь в Вальдеморо. По пути она постепенно пополнялась людьми.

Вооружение мы получили лишь 27 октября вечером в Серро де лос Анхелес, а медикаменты — 28-го в Вальдеморо. Бригаде выдали советские станковые и ручные английские пулеметы, однако никто, кроме меня, не умел с ними обращаться. Всю ночь на 28 октября я обучал бойцов пользоваться ими, наскоро приспособив для этого дом на стыке Мадридского и Кадисского шоссе.

Итак, 28 октября мы выступили на фронт, оставив штаб бригады, службы и полевой госпиталь в Вальдеморо. Там же остался и начальник штаба, а я с несколькими офицерами и связистами расположился на командном пункте недалеко от Сесеньи. 29 октября во второй половине дня бригада вступила в бой, не имея положенного по штату количества людей, военного снаряжения и других необходимых средств. Наша контратака была отбита. Это объяснялось, во-первых, тем, что враг знал о наших планах — военный министр словно позаботился предупредить его, отдав приказ передать по радио и сбросить с самолетов на вражеские позиции свое воззвание, в котором тоном бахвальства заявлял, что пришло время перейти в наступление и что мы тоже имеем танки и самолеты. Во-вторых, у нас не было твердо разработанного плана операции и тесного взаимодействия пехоты с танками; Бойцы 1-й бригады впервые увидели танки лишь в тот момент, когда они, обогнав нас, вышли на исходный для атаки рубеж.

Артиллерийская подготовка была слишком непродолжительной и велась орудиями мелкого калибра; других у нас в то время не было. Небольшая дальнобойность наших пушек не позволяла уничтожить огневые точки франкистов, к тому же мы почти не имели снарядов.

Учитывая это, я перед наступлением договорился с командиром танковой роты о том, что танкисты подавят пулеметные гнезда противника, то есть выполнят роль артиллерии, облегчив тем самым наступление пехоты. Но они этого не сделали. Прорвав вражескую оборонительную линию, танки, уничтожая на своем пути технику и людские силы противника, вызывая панику, проникли глубоко в тыл и достигли Эскивиаса и Борохи. Однако к тому времени, когда наша пехота подошла к первой линии вражеских окопов, враг успел перестроиться, ликвидировал проделанные танками бреши и открыл по ней огонь из автоматического оружия.

Мы потеряли три танка. Танкисты поняли свою ошибку и в последующих боях прежде всего уничтожали огневые точки противника и не удалялись от пехоты более чем на 300–400 метров, а если пехота останавливалась, они или тоже

останавливались, или возвращались, чтобы продолжать атаку вместе. Постепенно выковалось прочное взаимодействие пехоты и танков, продолжавшееся затем на протяжении всей войны.

Третья причина неудачи нашей контратаки: отсутствие разведки и связи между боевыми колоннами. К концу боя дело дошло до того, что мы не знали, где свои, а где враги. Цели операции не были достигнуты, однако она приостановила продвижение противника к Мадриду и вынудила его в течение двух дней заниматься перегруппировкой сил.

31 октября и 1 ноября на всем фронте шли кровавые бои. В разгар жестокого сражения, когда вражеская авиация бомбила и обстреливала наши позиции с малой высоты, на передовую прибыли Хосе Диас, Долорес Ибаррури, Педро Чека, Антонио Михе, Франсиско Антон, Кодовилья и другие товарищи. Их присутствие, беседы с бойцами заметно укрепили боевой дух республиканцев. Однако у меня пребывание руководителей партии на передовой линии огня вызывало сильное беспокойство, ибо они подвергались реальной опасности быть убитыми или попасть в окружение.

Противник, имевший значительное превосходство в людях и технике, начал обходный маневр вокруг Вальдеморо, и деревня была почти окружена. В рукопашном бою штыками и ручными гранатами нам удалось прорвать вражеское кольцо. Вечером 1 ноября враг захватил Вальдеморо. В тот день я лишился своего начальника штаба Сендера, «отступившего» во второй половине дня к Мадриду. Сендера назначили на эту должность, рассчитывая на его знания офицера запаса. Вскоре, однако, мы убедились, что Сендер не подходит для нее. Уже в период формирования бригады он проявил полное невежество в организационных вопросах. Кроме того, у него абсолютно отсутствовали такт, гуманное, товарищеское отношение к бойцам. Это особенно проявилось в бою. Нервы его не выдерживали выстрелов и разрывов бомб. Решив, что мы не сможем выйти из окружения, он «отступил» к Мадриду. Преспокойно отправившись домой и хорошо выспавшись, Сендер наутро явился в комендатуру 5-го полка уже со знаками майора. Там он заявил, что я перед смертью повысил его в чине. Его тут же разжаловали. На этом военная карьера Сендера закончилась. Конечно, наказание было слишком мягким. Когда и воздух Мадрида показался ему опасным для здоровья, Сендер совершил еще один «отход»: на сей раз к Барселоне. А спустя две недели третий — в Париж, где отсиживался до конца войны и даже издал книгу «Контрнаступление», в которой описал операцию в Вальдеморо, совершенно исказив факты и выставив себя в самом

выгодном свете.

Сендер, например, писал о «нервозности» советского военного советника Батова[27]. Однако этот «нервозный» советник, в то время как Сендер «хладнокровно отступал» к Мадриду, стреляя с расстояния 300 метров из пушки по вражеским танкам, обеспечил эвакуацию последних, еще не отправленных нами раненых. Батов был тяжело ранен в Испании. Впоследствии он прославился на родине в боях с фашистами, получил высокое воинское звание генерала армии и дважды Героя Советского Союза.

Противник продолжал наступление. 3 ноября республиканское командование, стремясь остановить вражеское продвижение к Мадриду, предприняло еще одну контратаку на правом фланге франкистской дивизии генерала Варела. В этот день три наших батальона вместе с 30 танками прорвались между деревнями Сесеньей и Вальдеморо, находившимися в руках противника, и, отражая яростные атаки вражеских сил, захватили Торехон де Веласко. В ночь на 4 ноября наша штурмовая группа, потеряв четыре танка и около двухсот человек ранеными и убитыми, оставила Торехон и вернулась на исходные позиции.

После боя в Пинто 1-я бригада получила приказ занять оборонительную позицию: шоссе Мадрид-Кадис (у Серро де лос Анхелес) — Пералес дель Рио — река Мансанарес.

4 ноября враг занял Хетафе. 5 и 6 ноября франкисты вышли на линию Карабанчель — Вильяверде. Это вынудило меня растянуть свой правый фланг из-за опасности быть отрезанным от Мадрида. Чтобы поддержать свой правый фланг на участке Вальдеморо — Мадрид, противник вел непрерывные боевые действия вначале на реке Харама, а затем на реке Мансанарес. Однако добиться успеха ему не удалось. 6 ноября франкисты захватили Карабанчель. 1-я бригада продолжала удерживать Серро де лос Анхелес, сражаясь против вражеских частей, атаковавших ее на линии от Хетафе до Вильяверде.

Решающие дни 6–9 ноября

6 ноября я доложил генералу Посасу о положении бригады и опасности окружения. От него я узнал, что правительство выехало из Мадрида, а генерал Асенсио приказал войскам покинуть столицу, дал указание отвести воинские части из района Сьерры и установить по возможности непрерывную линию обороны на некотором расстоянии от Мадрида. Моей бригаде с приданными ей частями предлагалось отступить в Таранкон и ждать

дальнейших распоряжений.

Я выразил удивление, сожаление и несогласие с таким решением; народ верит в нас, а мы собираемся бросить его на милость франкистов и фашистских интервентов. На это Посас ответил, что на войне, принимая решение, необходимо учитывать наличие оружия и бойцов, а у нас, чтобы защитить Мадрид, нет в достаточном количестве ни того, ни другого. А затем добавил: «Если будем мешкать, то весьма вероятно, завтра к этому времени многих из нас расстреляют, и мы окажемся в числе первых…» Еще раз заявив о своем несогласии с принятым решением, я отправился на улицу Серрако, 6, где находилось Политбюро Коммунистической партии, и проинформировал товарищей о положении своих войск и разговоре с Посасом. Хосе Диас успокоил меня, что приказ об отходе войск с Сьерры Гвадаррамы никто не собирается выполнять. Мое же предложение об отводе 1-й бригады с занимаемых позиций, но не в Таранкон, а в направлении Мадрида Политбюро одобряет.

Возвращаясь на свой командный пункт, я проезжал через Вильяверде. Противник уже начал обстреливать деревню, поэтому вывести через нее всех бойцов бригады, почти отрезанной от Мадрида, было чрезвычайно трудно. Учитывая это, я отдал приказ нескольким подразделениям отойти к окраине Вильяверде, а остальным, понесшим наибольшие потери, перейти реку вблизи Пералеса и сосредоточиться в районе Васиамадрид — Арганда. К рассвету 7 ноября все подразделения находились в указанных им местах, не имея потерь ни в людях, ни в технике. Таким образом, путь к Мадриду через Вильяверде — Энтревиас — Пуэнте де Вальекас оказался для противника закрыт.

Утром 7 ноября я явился к подполковнику Висенте Рохо, начальнику штаба обороны Мадрида, созданного накануне вечером, и объяснил положение. Рохо одобрил мои действия и в свою очередь проинформировал меня о сложившейся обстановке и дополнительных мерах, принимаемых для защиты столицы. В приказе, полученном мною несколько позже, назначались начальники секторов обороны Мадрида: полковник Буэно в секторе Вальекас, майор Листер — Вильяверде, подполковник Прада — Пуэнте де ла Принсеса; майор Ровира — Карабанчель, полковник Эскобар — шоссе Эстремадура — (вскоре он был ранен и его заменил полковник Арсэ), полковники Мэна и Клайрас — Пуэнте де Толедо; полковник Альварес Коке, подполковник Галан и майоры Энсисо и Ромеро — Каса де Кампо; Хосе Мария Галан — Умеро — Посуэло, полковник Барсело — Боадилья дель Монте. Начальником артиллерии был назначен майор Самарро. Руководство работами по созданию укреплений поручалось

полковнику Ардису и Федерико Молеро, санитарная часть — доктору Планельес.

В период с 9 по 15 ноября на мадридский фронт прибыло подкрепление в составе: 2-й бригады — под командованием Мартинеса де Арагона, 4-й — Арельяно, 5-й — Сабио, 11-й и 12-й Интернациональных бригад, а также колонн Ортега, Дуррути, Переа и Кавада.

Из штаба Рохо я отправился в 5-й полк, которым по-прежнему командовал. Карлос вместе с товарищами Ортега и Бенигно работали с большим напряжением. Они проинформировали меня об обстановке в различных секторах Мадрида, Сьерры и на отдельных участках фронта. Сообща мы обсудили положение и решили принять ряд мер. Как и в горячие дни июля, в 5-м полку кипела работа: к нам приходили люди узнать о положении дел, а также предложить свои услуги.

7 ноября во второй половине дня мои части, отошедшие к Васиамадрид, прибыли в Энтревиас и под вечер вступили в бой с целью отвоевать Вильяверде. Защитникам свободы, решившим умереть, но не отступить ни шагу назад, противостояли наемные войска Франко, опьяненные одержанными на пути от Севильи до Мадрида победами. 1-я бригада решительно остановила врага и контратаковала его. Последовал ряд яростных сражений. Главным нашим оружием были ручная граната и штык. Дрались за каждую улицу, каждый дом, каждую комнату. Иногда отвоеванные несколько метров через короткое время вновь переходили к врагу. Эти бои не имели какого-либо решающего стратегического значения, но они укрепляли боеспособность наших войск, ослабляли противника, задерживали его продвижение к столице.

7 ноября франкисты вели местные бои, явившиеся подготовкой большого наступления, начатого ими на следующий день. Утром 8 ноября многочисленные колонны противника двинулись на наши позиции, но натолкнулись на хорошо организованное сопротивление.

Четыре дня — с 6 по 9 ноября — были решающими для судьбы Мадрида. И не только потому, что шли кровопролитные бои. Главное — нам удалось остановить продвижение противника, и это изменило ход мыслей сотен тысяч жителей столицы. У бойцов возродилась вера в победу над врагом, а у гражданского населения крепла уверенность в республиканские войска, сражавшиеся на передовой. После трех месяцев отступлений, кривотолков и клеветы народ Мадрида храбро противостоял трагической действительности.

Франкисты не рассчитали свои силы. Они разработали план наступления, основываясь не на действительном положении

вещей, а на собственных иллюзиях, поэтому он был авантюристическим и потерпел крах. Они рассчитывали на деморализацию милисианос и жителей Мадрида, на общую панику, но встретили небывалые дотоле боевой дух и боеспособность республиканцев, опрокинувшие построенные на песке расчеты франкистов.

Создание Хунты обороны Мадрида сгладило отрицательное впечатление, вызванное отъездом правительства из столицы. Более того, участие в ней известных коммунистов, таких, как Михе и руководители молодежи Каррильо и Касорла, подняло боевой дух бойцов, укрепило их веру в победу. Михе был одним из активных организаторов и политических руководителей 5-го полка. Приобретенный в полку военный опыт, а также опыт революционера и коммуниста позволили ему сыграть выдающуюся роль в организации деятельности Хунты, а позднее — в создании народной армии, в которой он занимал пост заместителя генерального комиссара. Мы не обманули доверия народа и бойцов. Порядок в столице и дисциплина укреплялись изо дня в день, и в первую очередь благодаря упорному труду Каррильо и Касорла.

Враг дошел до Мадрида, но войти в него он не мог. Мавры, легионеры, итальянцы, немцы, фалангисты яростно наступали на столицу с разных сторон. Мадрид во всем своем великолепии стоял, подвергаемый опасности, но мадридцы твердо заявили: «Но пасаран!» («Они не пройдут!»). Водители трамваев, сталкиваясь лицом к лицу с противником, превращали вагоны в баррикады, брали винтовки у раненых или убитых солдат, а часто просто кирки или лопаты — любое орудие, которым можно было убивать фашистов. То же самое делали парикмахеры, официанты, служащие. Все!

Гражданское население Мадрида проявило невиданный героизм. Женщины, захватив кофе, коньяк и другие продукты, отправлялись на передовую, чтобы подкрепить ополченцев. Они говорили бойцам самые нежные и самые жестокие слова. Они обнимали храбрых и насмехались над теми, кто колебался. Мадридцы — женщины, мужчины, дети, старики — выламывали камни из мостовых и воздвигали баррикады, строили укрепления. Каждый квартал города возводил свои оборонительные сооружения. Заранее готовили ведра и дрова, чтобы встретить врага кипятком. Многие дома, превращенные в крепости, становились могилой для фашистов. Бои велись в подъездах, на лестницах, а комнатах. Случалось, на окраинные улицы города с грохотом врывались вражеские танки, и тогда из глубин народа, преграждая им путь, вставали истребители танков, такие, как

моряк Колль, крестьянин Корнехо. Обвешанные гранатами, они выскакивали из окопов и бросались наперерез стальным машинам. Подорванные танки переворачивались гусеницами кверху, превращаясь в могилы для их экипажей.

Однако в этот критический момент нас подстерегала опасность не только со стороны атаковывавшего Мадрид врага. Не менее серьезную опасность представляла «пятая колонна». Этот термин ввел генерал Мола, с тех пор во всем мире так называют предателей и шпионов, притаившихся и ожидающих момента, чтобы напасть из-за угла. Когда журналисты спросили Мола, какой из четырех направляемых на Мадрид колонн — из Гвадалахары, Сомосьерры, Гвадаррамы или Тахо — думает он завладеть столицей, тот ответил — пятой, которая находится в Мадриде.

Фанфаронство генерала послужило для нас сигналом тревоги и дорого обошлось фашистам. Командование франкистских войск ожидало, что «пятая колонна» выйдет на улицу, нанесет республиканцам удар в спину, создаст панику среди населения. Однако нам удалось в значительной степени обезвредить ее. Предатели и шпионы нашли себе убежище в некоторых посольствах, консульствах и домах, над которыми развевались флаги иностранных государств. Так, в доме, принадлежащем консулу Финляндии, мы обнаружили батальон в 400 человек, вооруженных пулеметами, винтовками и ручными гранатами. Разразился огромный скандал. Консул пытался уверить, будто ему ничего не известно об этом доме и фашисты незаконно использовали флаг его государства. Кстати, они делали это не раз.

Немалую опасность представляли и пораженческие настроения Асенсио и компании. Они уверяли в невозможности защитить Мадрид, в необходимости временного отступления и сокращения количества фронтов. Но мадридцев не могли убедить цифры, которыми жонглировали сторонники «отступления». Для республиканцев Мадрид был не просто городом, имеющим важное стратегическое значение. В самой Испании и за ее пределами Мадрид рассматривался прежде всего как политический центр страны. Конечно, потеря столицы еще не означает поражения в войне. И в данном случае, даже если бы это случилось, мы не считали бы борьбу законченной. Однако приходилось учитывать сложившуюся конкретную обстановку. Во-первых, Народная армия только начала организовываться. Фактически она существовала лишь в Мадриде, а в остальных районах нашей зоны продолжали действовать разрозненные колонны милисианос, не способные вести серьезные военные

действия. Не было ни главного штаба, ни единого командования. Во-вторых, взоры наших друзей за границей были обращены к Мадриду, а враги только и ждали, когда Франко овладеет столицей, чтобы признать его правительство. В этих условиях потеря Мадрида могла стать смертельным ударом для Республики.

Всю вторую половину ноября продолжались ожесточенные бои в южных пригородах Мадрида — Каса де Кампо и в Университетском городке, куда фашисты проникли 15 ноября. Фронт мятежников имел форму мешка примерно в 12 километров шириной. Военные действия приобрели характер продолжительной позиционной войны.

19 ноября умер от смертельной раны Буэнавентура Дуррути. Он приехал в Мадрид примерно 15 ноября с трехтысячным отрядом анархистов. Весьма самоуверенно они заявили, что прибыли спасти Мадрид. Анархисты рассчитывали сделать это быстро и вернуться в Арагон. Дуррути просил направить его отряд на мой участок фронта, где противник глубже всего проник в Мадрид. Ему отвели сектор в Каса де Кампо.

С Дуррути я познакомился 18 или 19 ноября, то есть накануне его гибели. Мы встретились в штабе генерала Миахи на совещании командиров воинских частей и секторов Мадридского фронта, на котором Дуррути заявил, что его отряд требует замены, так как хочет возвратиться в Арагон. Некоторые командиры, и среди них я, выразили сожаление по этому поводу, ибо его отряд пробыл на передовой всего три дня. Подавляющее большинство бойцов Мадридского фронта участвовало в боях с первых дней войны, не имея ни одного дня отдыха, но ни один из них не просил об этом. Наше общее мнение свелось к тому, чтобы отпустить анархистов. Мы будем сражаться за Мадрид без них, как делали это раньше. Дуррути пытался объяснить нам особенности своего отряда, привычки его людей, их представления о дисциплине, о принципах командования и т. п. Слушая его, я понимал внутреннюю трагедию этого человека — сильного, доброго, отважного бойца, который стал жертвой собственных идей. Дуррути обещал постараться убедить своих людей в необходимости остаться и защищать Мадрид. Мы вышли из штаба вместе, дружески распрощались и каждый направился на свой, доверенный ему, участок фронта.

На следующий день распространились слухи, что Дуррути, пытаясь остановить колонну, в панике бежавшую с фронта, был убит одним из своих бойцов. Вскоре это трагическое известие подтвердилось. Мы понесли тяжелую утрату, потеряв в его лице смелого командира и хорошего человека. Анархисты же не только

не выбили врага с порученного им участка, но были оттеснены с занимаемых позиций. После смерти Дуррути анархистскую колонну пришлось срочно заменить, ибо оставлять ее на Мадридском фронте было опасно. На Мадридском фронте храбро сражалась другая колонна, под командованием полковника Лопеса Тьенда и комиссара Вирхилио Льяноса, организованная в Барселоне Объединенной Социалистической партией.

Декабрь 1936 года прошел относительно спокойно. Франкисты лихорадочно создавали новые части, обучали их, оснащали новой боевой техникой. Они создали школы для офицеров и унтер-офицеров, организовали краткие подготовительные курсы и сборы, на которых под руководством немецких инструкторов изучали оружие, доставляемое из-за границы. В начале января 1937 года Франко располагал уже армией в полмиллиона человек. Мятежники стремились, воспользовавшись численным и качественным превосходством своих войск и вооружения, как можно быстрее захватить Мадрид.

Мы тоже использовали передышку между боевыми операциями для реорганизации своих сил и усовершенствования обороны Мадрида. Колонны были преобразованы в бригады, сведены в дивизии. Весь гарнизон Мадрида от Вальдеморильо до Вильяверде составил особый армейский корпус. Был наведен порядок в тылу Центрального фронта, на шоссе и дорогах, создан резерв автомобильного транспорта. Приняты меры по ликвидации нескольких крупных гнезд «пятой колонны».

Осуществлялась огромная работа по нормализации жизни в столице и подготовке ее к обороне. Усовершенствовались старые баррикады и воздвигались новые. На случай необходимости подготавливались к взрыву мосты, дома, а иногда и целые улицы на наиболее важных направлениях. В проведении этих работ решающую роль сыграли строительные рабочие, мобилизованные профсоюзами и 5-м полком. Из них были сформированы «подземные» батальоны минеров, подготовившие для взрыва галереи и канализационную систему. Таким образом, возникшие во время обороны Мадрида отряды строителей-взрывников послужили базой для создания инженерных частей новой армии Республики. Очень много для этого сделал Федерико Молеро.

У нас появилась современная бомбардировочная и истребительная авиация. По качеству она превосходила самолеты противника, но уступала по количеству. Тогда же в Мадриде впервые были установлены четыре батареи противовоздушной артиллерии. Однако к концу 1936 — началу 1937 года на всей республиканской территории под ружьем находилось не более 250 тысяч человек.

Надо признать, что мятежникам удалось сделать значительно больше, чем нам. Непонимание обстановки военным министром, сопротивление противников создания регулярной Народной армии отрицательно отразились на организации и обучении вооруженных сил.

В течение ноября 1-я бригада постепенно пополнялась новыми батальонами: «Тельман», «Крус», «Эредия» и «Хосе Диас». Когда в середине января 1-я бригада вошла в состав формируемой 4-й дивизии, она имела уже восемь батальонов. Вскоре из четырех названных выше батальонов была образована 9-я бригада, а 9 февраля из 1-й и 9-й бригад создана 11-я дивизия.

Здесь я хочу привести пример того, каким образом фашистским элементам удавалось иногда проникнуть на важные командные посты в армии. Во главе батальона «Эредия», названного так в честь замечательного товарища, погибшего при обороне Мадрида, назначили двух майоров. С первого же дня мы стали замечать недовольство ими бойцов и большинства командного состава. Вскоре удалось установить, что в большой вилле вблизи Куатро Каминос они устроили настоящий гарем и в ее складах хранили баснословное количество съестных припасов, вин, ликеров, а также одежды и самых различных товаров. Их арестовали. Один оказался дегенератом, не имевшим никаких политических убеждений, а другой — уполномоченным ударной фалангистской группы, еще до войны занимавшейся в Мадриде убийствами прогрессивных деятелей. Чтобы замаскировать свое истинное лицо, он храбро вел себя в боях и, так как был человеком неглупым и способным, добился назначения на должность командира батальона. Первого отправили в Народный трибунал, и он был вскоре освобожден. Второго, фалангиста, мы предали Военному трибуналу, который приговорил его к расстрелу. Перед казнью он выразил желание переговорить со мной. Я согласился. Фалангист обещал служить делу Республики, если ему будет дарована жизнь. В подтверждение этого он привел два аргумента: храбрость, проявленную им в боях, и откровенный рассказ о том, что ему известно о деятельности фаланги в Мадриде, а также сообщение имен своих товарищей. Выслушав его, я сказал, что первый довод, несомненно, говорит в его пользу. Что же касается второго, то на предателя, к какому бы лагерю он ни принадлежал, полагаться нельзя. Кроме того, он должен ответить за преступления, совершенные в тот период, когда был наемным фашистским убийцей — пистолеро.

Надо сказать, что умер он с достоинством.

В дни обороны Мадрида к нам прибыли друзья из разных

стран, чтобы выразить солидарность и поддержку своих народов. Среди них я хочу назвать лидера шведских социалистов Георга Брантинга. 19 декабря 1936 года, побывав в окопах в Вильяверде, занимаемых 1-й бригадой, он сделал следующее заявление:

> «Я был в окопах первой линии Мадридского фронта. Аванпосты Мадрида — это аванпосты мирового пролетариата. Трудности, переживаемые вами сейчас, будут компенсированы в ожидающем вас счастливом будущем. Я считаю себя другом Народного фронта Испании. Вместе с симпатизирующими вам массами мы будем разоблачать перед совестью цивилизованного мира преступные бомбардировки фашистской авиации гражданского населения Мадрида».

До самой смерти, он умер в 1965 году, Георг Брантинг оставался верен своему обещанию, данному в Мадриде. Он всегда был настоящим другом республиканцев. В 1961 году я приехал в Швецию, чтобы заручиться его поддержкой в нашей борьбе за амнистию. Друзья сообщили, что он болен и увидеться с ним будет трудно. Об этом мне сказали в 10 часов утра, а в 12 я узнал, что он придет ко мне в отель. В течение трех часов мы разговаривали об испанских делах. Он остался таким же энтузиастом нашего дела, каким был двадцать пять лет назад.

Почти всю войну провела в наших окопах французская писательница Симона Тери, часто бывал у нас корреспондент газеты «Правда» Михаил Кольцов. Смело, невзирая на огонь противника, чем порой ставил нас в затруднительное положение, снимал боевые действия советский кинооператор Роман Кармен. Бойцы любили Кармена, восхищались его храбростью и жизнерадостностью. Вместе с нами был выдающийся чилийский поэт Пабло Неруда.

В конце декабря 1936 года в окопы у Вильяверде приехал Карлос, чтобы вручить 1-й бригаде знамя 5-го полка. В прошлом оно развевалось над антифашистскими баррикадами Рима и Милана. В течение долгих лет в нелегальных условиях хранили его итальянские коммунисты, а затем передали 5-му полку. Испанские бойцы оправдали оказанную им честь.

Наступление противника с северо-запада, январь 1937 года

Убедившись после ноябрьских боев, что преодолеть республиканскую оборону на подступах к Мадриду крайне трудно, Франко выбрал для прорыва фронта сектор к югу от

Посуэло, в районе от Аларкона до Вальдеморильо, вблизи склонов Гвадаррамы. 14 декабря мятежники начали наступление с целью овладеть Боадилья дель Монте, рассчитывая использовать ее как базу для последующего развертывания военных действий. После трехдневных ожесточенных боев франкисты овладели этим пунктом. Далее противник решил выйти на шоссе Мадрид — Эскориал с тем, чтобы перерезать связь между Мадридским и Гвадаррамским фронтами, обогнуть мадридские укрепления, а затем ворваться в столицу с северо-запада. При этом он предполагал, что фронт на Гвадарраме падет сам собой.

Таким образом, фашисты придавали январской операции 1937 года решающее значение: захватить Мадрид, разбить наши войска на Гвадарраме и положить конец войне.

Для осуществления этой военной акции противник выделил в первую ударную группу около 15 тысяч человек, 100–120 артиллерийских орудий и 50 танков. Командовал ею генерал Оргас. В десятикилометровом секторе вражеского наступления находилось восемь республиканских батальонов общей численностью около 3000 бойцов и три артиллерийские батареи.

Утром 3 января мятежники начали атаку, прорвали оборону республиканцев и оттеснили наши войска на 2–3 километра к северу. Фронт на протяжении 8 километров — от Вильянуэва дель Пардильо до Лас Росаса — оказался не прикрытым, ибо наши батальоны отошли в разных направлениях — к Торрелодонесу и Эль Пардо. Создалось крайне неблагоприятное для нас положение. Фашисты наступали, а мы не имели никаких резервов. В этих условиях противник мог сразу же овладеть Эль Пардо с северо-запада, но двухдневные бои и энергичное сопротивление наших частей настолько измотали его, что он был вынужден приостановить дальнейшее продвижение. 5 января мятежники занимались перегруппировкой своих войск и подтягиванием новых резервов.

6 января враг снова перешел в наступление, овладел Аравакой и двинулся по шоссе на Ла Корунью к мосту Сан-Фернандо. В ночь на 9 января я получил приказ срочно выйти из Вильяверде с тремя батальонами на подкрепление. Когда рано утром мы прибыли в указанное место, оказалось, что противник приближается к возвышенности Куэста де лас Пердисес, а оборонявшие этот сектор отряды анархистов отступают через реку Мансанарес. С ходу один наш батальон остановил продвижение противника, а в это время два других атаковали его левый фланг со стороны Эль Пардо. Весь день 9 января в тавернах на Куэста де лас Пердисес шли жестокие рукопашные бои. Основным нашим оружием были ручные гранаты. Нередко их

разрывы поражали одновременно и наших бойцов. В тот день героически погибли лейтенант Энрике Менедолио и солдат Сальвадор Хуан, уничтожившие два неприятельских танка, а также комиссар Алехандро Гонсалес. 10 января противник перешел к обороне на всем фронте и закрепился в этом секторе до конца войны. План захвата Мадрида с северо-запада провалился.

14 января три моих батальона, участвовавшие в ряде контратак, были заменены другими частями и отведены снова в Вильяверде. Я отправился вслед за ними по шоссе, ведущему от Плая де Мадрид к Фуэнкарралу. Через некоторое время машина с охраной остановилась из-за неполадок в моторе, а мы продолжали путь и проехали еще полтора километра. Вдруг нам преградила дорогу группа из шести вооруженных людей. Ее можно было принять за патруль — тогда на дорогах часто попадались патрули, — они направили винтовки на меня, моего адъютанта и шофера и приказали поднять руки. На мой вопрос, разве они не видят на машине флажок командира бригады, они ответили, что, конечно, видят, знают, кто я такой, и именно поэтому требуют, чтобы мы вышли из машины. Тут же они заявили, что комитет обороны НКТ вынес приговор о моей смертной казни и им поручено привести его в исполнение. Меня решили убить за то, что я пытался остановить беспорядочное бегство анархистских частей с передовой. Дело принимало серьезный оборот. Чтобы выиграть время, я старался затянуть разговор, надеясь, что подойдет машина с охраной или, по крайней мере, воспользуясь какой-либо оплошностью со стороны анархистов, сумею выхватить пистолет. Мне повезло. Через три минуты послышался шум приближающегося автомобиля. В тот момент, когда я стал выходить из машины с поднятыми руками, пять человек из моей охраны выпрыгнули на ходу из подошедшего автомобиля и отвлекли на мгновение внимание анархистов. Воспользовавшись этим, мы тоже выскочили из машины и спустя две минуты с анархистами было покончено… Наша группа продолжила путь на Мадрид.

Провокаторы из ФАИ[28] решили расправиться с некоторыми коммунистами и в том числе со мной. Как-то они обстреляли мою машину, когда мы ехали из Мадрида в Алькала. В другой раз я возвращался с митинга в кинотеатре «Монументаль». На Пасео Кастельяна нашу машину обогнали два автомобиля и, маневрируя перед нами, пытались на большой скорости толкнуть наш автомобиль на дерево. Только благодаря хладнокровию водителя Хосе Мартинеса мы избежали катастрофы. Несколько раньше произошел такой случай. В час ночи я вышел из казармы

5-го полка, направляясь на улицу Авила, которая находилась за кинотеатром «Эуропа», в помещении которого анархисты, противники всякого авторитаризма, устроили полицейский «участок». Я уже собирался свернуть за угол, когда на меня набросились пять человек, сорвали висевший на ремне пистолет и скрутили назад руки. Поскольку они тащили меня в кинотеатр и называли фашистом, я понял, что имею дело с анархистами и чем это мне грозит. Тогда я начал кричать, что я из 5-го полка и коммунист. Они это прекрасно знали, но я кричал, надеясь, что меня услышит кто-либо из жителей и сообщит в казарму 5-го полка.

Канцелярия анархистов находилась на первом этаже кинотеатра, в большом зале. Как только мы подошли к «Эуропа», меня втолкнули в двери и на мгновение отпустили, чем я воспользовался, чтобы вынуть второй пистолет, лежавший у меня в кармане (всю войну я придерживался правила носить два пистолета). Встав спиной к стене, я заявил, что буду стрелять, если кто-либо приблизится ко мне. Вопрос стоял о жизни и смерти. Надо было выиграть как можно больше времени, чтобы товарищи успели прийти раньше, чем анархисты уведут меня в подвал; иначе на следующее утро мой труп, изрешеченный пулями, обнаружили бы в Ла Деэса де ла Вилья. Анархисты не стреляли, видимо, опасались привлечь внимание окрестных жителей. Не прошло и пятнадцати минут с того момента, как я был задержан, когда на улице послышались громкие крики. В комнату вошел охранявший здание часовой и сообщил, что солдаты 5-го полка окружают кинотеатр. Вслед за ним появились Карлос и группа товарищей с пистолетами в руках. Главарь банды принялся извиняться, уверяя, что произошла ошибка и виновные будут наказаны. И на этот раз попытка покончить со мной не удалась, но, как мы уже видели, она не была последней.

Серро де Лос Анхелес

В 13 километрах к югу от Мадрида, недалеко от шоссе Мадрид — Кадис, напротив Хетафе, на вершине холма находится старинная церковь с часовней. Место это называется Серро де лос Анхелес, во время войны его переименовали в Серро Рохо. Эта высота имела важное стратегическое значение. В ноябре 1936 года республиканское командование попыталось отвоевать ее, но безрезультатно: атака предпринималась днем и была отбита. Я разработал план, рассчитанный на неожиданный штурм высоты ночью. Несколько батальонов моей бригады, находясь в этом

районе в течение трех дней до и четырех дней после наступления на Сесенью, прекрасно изучили окрестности вокруг холма. Кроме того, с ноября мы постоянно накапливали информацию о системе обороны противника в этом пункте. Наконец я получил разрешение осуществить намеченную операцию, но командир дивизии обязательно хотел, чтобы атака проводилась по классической схеме: артиллерийская подготовка, наступление танков и бомбардировка позиций противника с воздуха. Я не согласился и настоял на том, чтобы был принят мой план. В ночь на 19 января я стянул батальоны «Виктория», «Аманесер» и «Тельман» к Пералес дель Рио. День ушел на то, чтобы разъяснить суть и конкретные детали операции каждому батальону, роте, взводу, а в отдельных случаях и каждому бойцу.

В 11 часов вечера 19 января батальоны двинулись на выполнение поставленной задачи. К 2 часам ночи они уже прибыли на исходный для атаки рубеж. Специально выделенные группы перерезали в нескольких местах проволочные заграждения, чтобы облегчить наступление первым штурмовым отрядам. На это ушло около получаса. Затем наши отряды перешли в атаку одновременно с нескольких сторон, и в 4 часа утра 20 января Серро Рохо был в наших руках. Мы захватили более 400 пленных, и среди них командира сектора майора Рикардо Белда Лопеса. Операция явилась настолько неожиданной для противника, что его взяли прямо с постели. Когда Белда привели на мой командный пункт и сообщили, кто я такой, он стал по стойке смирно, отчего шинель, которую он придерживал обеими руками, распахнулась, и майор предстал перед присутствовавшими в нижнем белье, от смущения не зная, куда глаза девать. Я приказал увести его и дать возможность одеться и обуться. Позднее майор Белда обратился к своим товарищам по франкистской армии с призывом прекратить борьбу против Республики.

Этот бой закончился для нас почти без потерь, однако на следующий день враг начал стягивать к Серро Рохо войска из Хетафе и Пинто. С утра мы без поддержки артиллерии отражали контратаки противника, и только к вечеру прибыло несколько наших самолетов и танков, а позднее отрядов пехоты. Однако к этому времени враг сумел стянуть сюда столько сил и средств, что они намного превосходили наши. После кровопролитного сражения мы отошли с большими потерями. У нас погибли, в частности, командир батальона «Виктория» Мигель Вальверде, капитан старой армии, с первых дней мятежа ставший на сторону народа, и комиссар 1-й бригады Мануэль Пуэнте, скончавшийся после тяжелого ранения.

Это была моя третья ночная операция. Впоследствии части, которыми я командовал, приобрели значительный опыт ночных боев. Однако сражение за Серро Рохо помогло мне сделать вывод, что и впредь придется сталкиваться с отсутствием обеспечения средствами, необходимыми для успешного осуществления намеченных операций. И еще один вывод: наше высшее командование было удивлено успехом операции, как и противник. Разница была лишь в том, что вражеское командование реагировало на результаты боя значительно быстрее, нежели наше.

Вместо погибшего Мануэля Пуэнте комиссаром бригады был назначен Сантьяго Альварес, комиссар 4-го батальона «Галисийские милисианос». Он родился в деревне, в Галисии и, несмотря на свою молодость, имел большой опыт борьбы. В октябре 1934 года за участие в политической забастовке его посадили в тюрьму. У себя в деревне Альварес был секретарем партийной организации и профсоюза, а после победы Народного фронта — заместителем алькальда в муниципалитете. Мятеж застал Альвареса в Мадриде, куда он приехал на политические курсы, организованные Коммунистической партией, и сразу же включился в борьбу. Альварес пользовался огромным авторитетом в бригаде. Это был храбрый, инициативный, смелый и способный человек. Его любили все — и начальство, и подчиненные.

Всю войну, за исключением короткого времени, когда Альвареса перевели в другую часть, мы провели с ним вместе. Об обстоятельствах этого перевода я расскажу в другой главе.

Сражение на Хараме

В описываемый мною период республиканские войска предприняли еще ряд операций, не имевших большого успеха, но стоивших противнику значительных потерь. Действия фашистов в январе 1937 года убедили нас, что Франко не отказался от мысли достигнуть успеха на Мадридском направлении путем ослабления наших сил на других фронтах.

Одной из операций, служивших этой цели, и было предпринятое мятежниками 5 февраля наступление на Малагу. Оно явилось лишь эпизодом в этой войне, не имевшим большого стратегического значения. Легко одержанная франкистами и итальянцами победа в Малаге была не столько результатом мощи их сил, сколько слабости и ошибок республиканцев. Спустя семь месяцев после начала войны уровень организации

республиканских войск на Малагском фронте оставался тем же, что и в первые дни мятежа: колонны милисианос так и не стали регулярными войсками. Поэтому, когда противник начал наступление вдоль побережья от Марабельи до Малаги и в секторе Антекера — Лоха — Алама, республиканским войскам, несмотря на героическое сопротивление и благоприятные для обороны условия местности, пришлось 8 февраля оставить город. Таким образом, для франкистов эта операция оказалась не более чем военной прогулкой. Возмущение потерей Малаги в республиканском лагере было настолько велико, что министр обороны вынужден был арестовать и отдать под суд некоторых высших командиров Малагского фронта.

Республиканское командование отдавало себе отчет в намерениях противника и, чтобы предупредить его новый удар на Мадрид, подготовило наступление на Вальдеморо из района Харама — Сан Мартин де ла Вега. В этой операции должны были принять участие десять вновь сформированных и обученных бригад, находившихся в резерве, 50 танков и примерно 100 артиллерийских орудий. Первоначально наступление было назначено на 5 февраля, но затем отложено на 12 февраля. Пока республиканское командование теряло время на споры о том, кому поручить командование ударной группировкой, противник, хорошо информированный своими агентами, пробравшимися в некоторые наши штабы, решил опередить наши действия и не дать нам времени сосредоточить силы.

6 февраля враг атаковал республиканские силы, защищавшие предмостное укрепление на западном берегу реки Харамы, и отбросил наши войска.

Так началась февральская битва на Хараме, одна из самых крупных в период войны 1936–1939 годов в Испании по продолжительности, количеству участвовавших в ней сил и упорству боев. Это было первое сражение в открытом поле между двумя армиями. В планах франкистов бои на Хараме были первым этапом операции, преследовавшей цель окружить и захватить Мадрид.

Мятежники намеревались перерезать шоссе на Валенсию, затем прорываться на север в Алькала, встретиться там с итальянцами, которые должны были подойти туда из Сигуэнсы, и вместе с ними с тыла овладеть Мадридом. В то время Франко и итало-германские интервенты были одержимы мыслью дать решающий бой у Мадрида. На Хараме противник сосредоточил свои лучшие силы, состоявшие главным образом из иностранных и наемных войск, в частности, 14 марокканских таборов, 8 бандер Иностранного легиона и 15 эскадронов кавалерии. Эти войска

поддерживали немецкие танковые, артиллерийские и авиационные части.

С нашей стороны в сражении участвовали войска, закаленные в боях на центральном фронте, и вновь сформированные бригады. И тем и другим предстояло доказать преимущество регулярной Народной армии и что усилия, затраченные на ее создание, дают свои плоды.

После того как наши части оправились от первых неожиданных атак противника, нам удалось, преодолев нерешительность генералов Посаса, Миахи и их штабов, организовать серьезное сопротивление наступавшему врагу и, проявив высокую боеспособность, отвоевать многие из захваченных им пунктов.

Медлительность и неразбериху, царившие в течение первой недели в республиканском лагере, кое-кто приписывал отсутствию у нас квалифицированных командных кадров. Но это чистейшая ложь. В действительности неорганизованность и неразбериха царили лишь в штабах Миахи и Посаса, куда проникли агенты врага, такие, как Гариха и Муэдра, которые информировали франкистов о наших планах и сообщали республиканскому командованию дезориентирующие сведения о противнике. Именно благодаря этому франкистам и удалось в первую неделю одержать ряд побед.

Заняв Ла Мараньоса и Сиемпосуэлос, противник к концу 8 февраля практически очистил от республиканских войск западный берег реки Харамы, взял под прицельный огонь пулеметов и винтовок мост через реку у Арганды, отрезав нас от шоссе Мадрид — Валенсия, и получил таким образом возможность для подготовки следующего этапа операции.

11 февраля вражеские части захватили мост Пиндоке, защищаемый франкистско-бельгийским батальоном интернационалистов, который потерял в этом бою более ста человек убитыми. В ночь на 12 февраля противник перешел мост у Сан Мартин де ла Вега и захватил высоту Эль Пингаррон. Концентрация республиканских войск шла медленно. К 11 февраля на фронте протяженностью 42 километра, от Вильяверде до Аранхуэса, мы располагали восьмью бригадами и три бригады держали в резерве. А в это время враг имел на левом берегу реки плацдарм глубиной до 10 километров, два больших моста и три понтонных на Хараме, что обеспечивало ему беспрепятственную переброску и развертывание на восточном берегу значительных сил. Таким образом, противник получил возможность осуществить свое намерение стянуть к Арганде большие силы. Начался самый ожесточенный и трудный для нас этап операции:

развернутое наступление мятежников на восточном берегу Харамы.

13 февраля утром враг начал атаку ударной группой в составе 15 тысяч человек, 80 артиллерийских орудий и 50 танков. Республиканское командование не располагало дополнительными резервами, и только к полудню ожидалось прибытие 1-й и 5-й бригад, переброшенных с правого фланга. Вражеской атаке предшествовала сильная артиллерийская и авиационная подготовка. Противник последовательно переносил массированный огонь вдоль линий нашей обороны на протяжении 10–12 километров из одного сектора в другой, нанеся нам значительный урон. Однако до полудня, несмотря на превосходство сил и неоднократные яростные атаки врага, республиканские бригады, проявив беззаветную стойкость, не уступили ни одной позиции.

К вечеру противник несколько расширил фронт своих действий на восточном берегу Харамы, но не достиг ни одной из намеченных целей. Таким образом, 13 февраля ход сражения изменился: враг был остановлен. А еще через день мы перешли в контратаку и вытеснили противника из нескольких занимаемых им пунктов.

9 февраля была создана 11-я дивизия в составе 1-й и 9-й бригад. В ночь на 13 февраля я получил приказ выступить на Хараму с 1-й бригадой. 9-я оставалась в районе Вальяверде — Эстревиас для участия в операции под Ла Мараньосой. В этот же день мы были в Мората де Тахунья. Вместе с нами прибыл подполковник Бурильо, назначенный командиром сектора. При мне генерал Посас информировал его о положении на фронте.

В Мората де Тахунья с первого дня наступления противника находился советский советник генерал Пабло[29] с группой танков, выделенных для участия в операции. В период с 6 по 13 февраля он был истинным организатором республиканской обороны. Генерал — человек умный, храбрый и находчивый — обладал огромной энергией и пользовался большим авторитетом. Ближайшего сотрудника генерала — его переводчика, адъютанта-секретаря, я не знаю, кем он был еще, — капитана Антонио я знал еще по Ленинской школе, где его звали Пинтосом. Позднее у себя на родине он заслужил высокое звание Героя Советского Союза. Его настоящая фамилия — Кравченко[30].

В отдельные моменты сражения танки сыграли решающую роль. Своими смелыми действиями они много раз разбивали тщательно подготовленные атаки противника.

15 февраля республиканское командование провело реорганизацию своих войск на Харамском фронте. Все воинские

части объединялись в самостоятельную оперативную группировку, состоявшую из трех дивизий: «А», «В» и «С». Одновременно были назначены командиры и созданы штабы этих дивизий. 5, 12 и 14-я бригады и два батальона 33-й составили дивизию «А» под командованием генерала Вальтера[31]; 11, 17 и 24-я — дивизию «В» под командованием Гала; 1, 18, 23 и 66-я, а позднее 9-я и 70-я — дивизию «С», командовать которой поручили мне.

До 18 февраля продолжались ожесточенные бои, в последующие дни нажим противника начал ослабевать.

Эль Пингаррон

Наступил момент, когда мы могли перейти от обороны к контрнаступлению. Однако до овладения высотой Эль Пингаррон, господствующей над всей долиной Харамы (противник захватил ее 12 февраля), об этом нечего было и думать. Она защищала правый фланг Харамской группировки врага и была сильно укреплена.

Для обеспечения исходной базы для основного контрнаступления было решено неожиданно атаковать высоту Эль Пингаррон и захватить ее. Выполнить эту задачу поручили 1-й бригаде. В ночь на 19 февраля в рукопашном бою, используя ручные гранаты, бригада овладела высотой, уничтожив оборонявший ее батальон противника. С этого момента и до конца сражения на Хараме все боевые действия развивались вокруг Эль Пингаррона. Высота несколько раз переходила из рук в руки, а 23 февраля — четыре раза.

Майор Самальоа, командовавший вражескими силами на Эль Пингарроне, был награжден «Индивидуальной Военной Медалью» и орденом «Лауреада»[32], а его часть, почти полностью уничтоженная в этих боях, получила коллективный орден «Лауреада». Вот что рассказывал о событиях тех дней майор Самальоа, ныне генерал-лейтенант армии Франко, в газете «Йа» от 14 июля 1963 года:

«Ранним утром 19 февраля четыре человека, в том числе я и мой адъютант, направились в этот ад. Мне предстояло принять командование сектором. Мы увидели огонек и, соблюдая все предосторожности, направились к нему. Это был медицинский пункт позиции, переполненный убитыми и ранеными». Рассказав об одном из боев, он привел цифры, свидетельствующие о его ожесточенности: «В роте из 126 человек в живых осталось только 30».

Противник был весьма заинтересован в том, чтобы считать сражение законченным. Он сменил войска и хотел сберечь их для наступления в другом месте. Однако инициатива перешла в наши руки, и франкистскому командованию ничего не оставалось, как оказывать сопротивление и жертвовать своими людьми, чтобы сохранить завоеванную территорию.

Наконец 28 февраля мы перешли к обороне. Битва на Хараме практически закончилась. Она явилась одним из самых длительных и упорных сражений, в котором Республика разгромила лучшие силы, имевшиеся в распоряжении Франко в тот период.

Как я уже говорил, противник, осведомленный о наших планах своими агентами, проникшими в высшие штабы республиканской армии, опередил наше наступление на Хараме. Поэтому на первом этапе операции наши войска вынуждены были обороняться. Однако затем они не только остановили врага, преследующего цель захватить Мадрид, окружив столицу с юго-востока, но и разгромили его. Сражение на Хараме было чрезвычайно кровопролитным. В боях участвовало не менее 40 тысяч человек с каждой стороны. Мятежники потеряли примерно 18–20 тысяч убитыми и ранеными. Мы—10–15 тысяч. Среди убитых было много командиров и комиссаров. Из 11-й дивизии погибли командиры батальонов: Сальвадор Крус, рабочий-металлург из Лиссабона, коммунист, преследуемый властями своей страны, который с первых дней мятежа показал себя как смелый и способный командир; Гумерсиндо Кармена (командир Галисийского батальона); Хосе Переа и Анхел В. Гарсиа; лейтенант Фелипе Гарсиа и Антонио Гарсиа Мелчор — член партийного комитета одного из батальонов, его убили в тот момент, когда он вырывал из рук врага ручной пулемет; комиссары Доминго Пасос, Мануэль Перес, Франсиско Санчес, Хосе Роман, Алехандро Гонсалес, Эдуардо Фернандес и Рафаэль Мирагальо. На Хараме погиб Эдуардо Бельмонте, комиссар 8-й дивизии. Он прибыл инспектировать войска. Когда же в жестоком бою был ранен комиссар одной из бригад, он занял его место. Умирая, Бельмонте произнес: «Я первым бросился вперед и последним отступал. Свой долг комиссара я выполнил…» Эти слова стали девизом всех комиссаров.

Хотя с нашей стороны сражение на Хараме было оборонительным, оно создало некоторый поворот в ходе войны. Мятежники потерпели поражения не только у героических стен Мадрида, но и в открытом поле. Это означало, что в Центральной зоне Республика уже имела настоящую современную Народную армию и могла перейти от обороны к наступательным действиям.

Нельзя не отметить замечательное взаимодействие на Хараме нашей авиации с наземными войсками. Ведя бой в условиях численного превосходства авиации противника, наши летчики всегда превосходили его в смелости и ловкости. Они были примером для наземных войск.

В самый разгар сражения на Хараме в мою дивизию прибыл полковник Малино — Родион Малиновский, позже ставший Маршалом Советского Союза и министром обороны СССР. На мой командный пункт, расположенный почти на передовой, дождем падали снаряды, летели пули. Когда мы знакомились, в его полуизумленном и полунасмешливом взгляде я прочел осуждение за то, что держу командный пункт в таком месте.

Об этой встрече Маршал Советского Союза Малиновский рассказал в книге «Под знаменем Испанской Республики», изданной в 1965 году:

«И вот я уже на командном пункте народного героя Испании Энрике Листера, назначенного командиром одной из первых дивизий Народной армии.

Как сейчас вижу эту встречу с ним. Мятежники пристрелялись к его командному пункту, расположившемуся в пастушечьем домике; В домик угодило несколько снарядов — засуетились санитары, забелели бинты. Потом начался пулеметный обстрел… А он стоит передо мной во дворике, подтянутый, в лихо заломленной фуражке, при галстуке, и изучающе посматривает на меня: как, мол, тебе нравится такая музыка? Не начнешь ли кланяться пулям?

Советником к Листеру шел я, надо заметить, с известным опасением. Укрепилась за ним репутация командира храброго, тактически грамотного, но не терпящего постороннего вмешательства и тем более какой бы то ни было опеки. Владея немного русским языком (Листер побывал в Советском Союзе, был бригадиром забойщиков на строительстве Московского метрополитена), он посылал к чертовой матери всех, кто под горячую руку совался к нему с неразумными советами.

— Не сработаешься, Малино, — предупреждал меня кое-кто.

А я решил: «сработаюсь». И теперь видел: Листер устраивает мне своеобразный экзамен.

Над головами, над чахлыми безлистыми кустиками посвистывают пули. Мы прохаживаемся с Листером от домика до дворовой изгороди, от изгороди до домика. У генерала вид человека, совершающего послеобеденный моцион, я тоже показываю, что пули беспокоят меня не более, чем мухи. Перебрасываемся короткими деловыми фразами… От домика до изгороди, от изгороди до домика… Начинает смеркаться. Будто

невзначай рассматриваю на рукаве рваный след от пули.

— Полковник Малино! — с улыбкой восклицает Листер. — Мы еще не отметили нашу встречу. — И подзывает адъютанта: — Бутылку хорошего вина!»

Мы были вместе до окончания сражения на Хараме. Оттуда он направился во 2-й корпус, а я — на Гвадалахару. Мы снова встретились в марте 1938 года на Арагонском фронте, куда он приехал навестить нас и опять увидел меня на командном пункте, обстреливаемом прицельным огнем врага. Незадолго до этого противник прорвал наши линии у Ла Кондоньеры, и я только что бросил в бой мой последний резерв — Специальный батальон. Благодаря геройству его бойцов, подоспевшим резервам и наступлению ночи мы сумели удержать свои позиции. Тогда-то я в последний раз видел полковника Малино в Испании. За время, что нам довелось воевать вместе, мы крепко подружились. Его отличали не только необыкновенная боевая закалка, но и умение быстро, четко и проницательно решать сложные военные вопросы на каждой стадии боя. Позже эти качества проявились еще более широко и блестяще. Больше всего мне нравились в нем смелость и твердость, с какой он отстаивал свои взгляды, уважение к мнению других, прямота и честность в отношениях с людьми.

Мои взаимоотношения с советскими товарищами всегда были откровенными и сердечными. Каждый из них был для меня другом, прибывшим помочь нам в трудной борьбе. Мое трехлетнее пребывание в Советском Союзе и тесное общение с советскими людьми, в особенности в период моей работы на строительстве метро, дали мне возможность убедиться в их простоте, щедрости, прямоте, упорстве в труде, высоком чувстве солидарности, дружбы и самопожертвования. В Советском Союзе я никогда не чувствовал себя иностранцем. Я работал, спорил, критиковал, как это делал любой советский человек. Когда советские люди приехали в нашу страну, мое отношение к ним не изменилось, — я не считал их иностранцами, видел в них братьев по борьбе, дорогих друзей. И если не был согласен с действиями или предложениями кого-либо из них, говорил открыто и прямо, как и должно быть между друзьями. Именно это и способствовало иногда возникновению обо мне мнения как о трудном человеке, о чем и говорил Малиновский. Сказанное вовсе не значит, что я претендую на репутацию легкого человека.

Своими советами и участием в боях советские добровольцы оказали нам во время войны огромную помощь. Она останется в истории как пример подлинной братской помощи настоящих друзей.

Несколько слов хочу сказать о том, почему на протяжении

всей войны я располагал свой командный пункт как можно ближе к передовой линии, за что меня не раз критиковали. Дело было не в бравировании храбростью, а в возможности осуществлять таким образом всесторонний контроль и действенное руководство. Я мог непосредственно наблюдать за происходящим на поле боя и тут же разрешать все возникавшие трудные вопросы. Кроме того, присутствие командира оказывало положительное влияние на подчиненных. Это всем хорошо известно. Приведу такой пример. Однажды в период сражения на Эбро, во время жестокого боя на Сьерра де Пандольс, когда мы несли большие потери, командир дивизии, защищавшей этот участок, позвонил мне по телефону и сообщил, что враг прорвал фронт и двигается к его командному пункту. Поэтому нельзя ли отойти, ибо у него уже не оставалось резервов, чтобы сдерживать противника. Я ответил, что мой командный пункт, как ему известно, находится рядом с его позициями, но я не собираюсь переводить его подальше от линии фронта. Затем приказал принять все необходимые меры, чтобы задержать врага, обещая немедленно прислать на помощь свой Специальный батальон — последний резерв, которым я располагал в тот момент. Когда спустя полчаса после нашего разговора на поле боя прибыл Специальный батальон, положение уже было восстановлено. Отступавшие в беспорядке солдаты, увидев командира дивизии, идущего в окружении офицеров своего штаба и связистов, остановились. Прорыв в данном секторе привел бы к развалу всего фронта на Эбро еще за два месяца до того, как закончилось сражение.

С 5 по 8 марта в Валенсии проходил пленум Центрального Комитета партии. Делегатом от коммунистов 11-й дивизии на нем был Сантьяго Альварес. Вернувшись, он вручил мне билет члена Центрального Комитета. Для меня ничего не могло быть дороже и ответственнее, чем подобное проявление ко мне доверия партии.

Гвадалахара

В победоносно закончившемся для республиканцев сражении на Хараме мы израсходовали все резервы. Предстояло снять с фронта некоторые части и провести переформирование. В это время противник начал наступление на Мадрид со стороны провинции Гвадалахара.

Поскольку лучшие испанские и марокканские части франкистов также были обескровлены на Хараме, пришло в негодность и немецкое вооружение, новую операцию они

предприняли силами Итальянского корпуса в составе 50 тысяч человек, оснащенного 222 артиллерийскими орудиями, 148 танками и бронеавтомобилями, 60 самолетами, 485 станковыми пулеметами, 1170 легкими пулеметами и 4500 грузовыми автомашинами. С помощью этих войск Франко надеялся за неделю захватить Мадрид, окружить войска, находившиеся на Сьерре, уничтожить их и выиграть войну.

Направление для атаки было выбрано противником удачно. Если бы он вышел на Валенсийскую дорогу, Мадрид оказался бы наполовину окруженным, а захватив Алькала де Энарес, мятежники могли снова начать наступление на Хараме. Через свою агентуру враг знал о слабости нашей обороны в секторе Гвадалахары, где почти не было полевых укреплений, а фронт протяженностью в 80 километров защищали всего 10 тысяч солдат.

Войскам на этом участке жилось спокойно, дисциплина была невысокой, связь между командирами батальонов отсутствовала, штабы находились на большом расстоянии от своих частей.

Итальянцы были уверены в успехе затеваемой операции. В те дни мы захватили в плен итальянского полковника и обнаружили у него документ, где в деталях излагался план наступления. Операция делилась на ряд этапов. Первый: 8–9 марта — захват зоныТориха — Бриуэга, второй: 10–11 марта — бросок с целью овладения Гвадалахарой. В это же время испанская дивизия «Сория» под командованием Москардо должна захватить Когольюдо. Третий этап: 12–14 марта — в секторе Когольюдо — Гвадалахара, с западного фронта выделяются две колонны для прикрытия: одна должна отрезать республиканским войскам путь отступления из Гвадаррамы, вторая, в составе одной дивизии, остается в Гвадалахаре. Остальные войска продолжают движение с целью захватить Алькала де Энарес. 15 марта намечалось вступление в Мадрид.

Франкисты заранее подготовили приказы и схемы расположения колонн прикрытия в Гвадалахаре и Алькала и наметили огневые позиции артиллерии.

Для отвлечения республиканских войск по этому плану предполагалось возобновить 13 марта бои на Хараме в направлении Алькалы. Одновременно Франко рассчитывал, что наступление Итальянского корпуса вызовет восстание против республики в Валенсии.

Готовя эту операцию, итальянцы, видимо, забыли, что находятся не в Абиссинии, и недооценили наших сил. Составляя планы, они основывались на донесениях своих агентов, в которых совершенно не отражался дух нашего народа и бойцов нашей

армии. В этом очень скоро убедились хвастливые генералы Муссолини.

11 марта я получил приказ явиться в штаб генерала Миахи. Он сообщил мне, что противник прорвался к Гвадалахаре, и я должен отправиться туда с частью своих сил, чтобы «сдержать наступление противника и дать время штабу Центрального фронта принять другие меры». Приказ «сдержать» противника не был для меня неожиданностью. Многие командиры, в том числе и Миаха, считали это максимумом того, что мы могли сделать.

От Миахи я отправился к Рохо. Он подробно объяснил мне обстановку на Гвадалахарском фронте и подтвердил приказ о моем направлении туда с одной из бригад. Мне будут приданы еще несколько частей, и я на месте должен сделать все возможное, чтобы остановить противника. От Рохо я узнал, что вместо Лакалья командующим фронтом назначен подполковник Хурадо. Отослав приказ 9-й бригаде, находившейся на пути к Гвадалахаре, я вместе с адъютантом, лейтенантом Суэро, начальником разведотдела штаба и тремя бойцами эскорта немедленно выехал в Ториху.

После полудня мы прибыли в Тарасену, на командный пункт Лакальи. Здесь шла эвакуация штаба бывшего командующего — грузили вещи на автомашины. На мой вопрос о положении на фронте Лакалья ответил, что не существует ни фронта, ни линии обороны.

В Торихе мы встретили генерала Пабло с несколькими танками и неразлучным переводчиком Антонио. От них я получил четкую информацию об обстановке на фронте: 8 марта противник предпринял атаку и прорвал республиканскую оборону, продолжая наступление двумя колоннами. 9 марта им навстречу была отправлена 11-я Интернациональная бригада под командованием подполковника Ганса Кале, а 10 марта — 12-я Интербригада под командованием генерала Лукача[33]. Благодаря их героизму и поддержке авиации и танков удалось несколько задержать продвижение противника, занявшего 10 и 11 марта Бриуэгу и Трихуэке.

В это время на фронт прибыл полковник Петрович[34]. Вместе с переводчиками Марией Фортус и Антонио мы отправились к деревне Трихуэке, только что занятой противником, чтобы как можно точнее выяснить положение. Обстановка была крайне критической.

Надо было выиграть остававшиеся до наступления темноты два-три часа. А за это время, мы надеялись, на фронт успеют прибыть 9-я бригада и другие части. Поэтому всех встречавшихся нам на пути людей мы направляли в окопы, наскоро объяснив

задачу.

В тот же день, 11 марта, был создан IV Армейский корпус во главе с командиром подполковником Хурадо и комиссаром Себастьяном Сапираином. В корпус вошли: 14-я дивизия (65-я и 72-я бригады) под командованием Сиприано Мера[35], группа частей (9, 10 и 70-я испанские, 11-я и 12-я Интернациональные бригады и несколько батальонов), получивших название «Дивизия Листера», под моим командованием; 12-я дивизия (49, 50 и 71-я бригады) под командованием Нино Нанетти. Этот итальянец был одним из самых талантливых командиров-интернационалистов. У тех, кто знал его, он вызывал искреннюю любовь, как способный человек, скромный и чуткий товарищ. Он участвовал во всех боях на Центральном фронте и погиб на Севере, куда был послан.

В IV Армейский корпус, кроме перечисленных выше частей, входила одна танковая бригада и полк кавалерии. Группа под моим командованием получила задание организовать оборону на главном направлении вражеского наступления, «оседлав» Французское шоссе. Свой командный пункт я расположил в Торихе. Слева от нас находилась 12-я дивизия с командным пунктом в Уманесе, справа — 14-я с командным пунктом в Тольмельосе. Остальные части прибыли на фронт в последующие дни.

Наше положение было исключительно трудным, ибо на всем фронте действовали лишь две Интернациональные бригады, к тому же довольно ослабленные в предыдущих боях; остатки нескольких батальонов, прикрывавших этот сектор до вражеской атаки и имевших очень невысокую боеспособность; батальон танков и четыре батареи артиллерии. 9-я бригада должна была подойти ночью. В пути находились 10-я и 70-я бригады, но мы не имели возможности ждать, когда они прибудут. Тщательно все продумав, я пришел к выводу, что «лучший вид обороны — наступление», хотя в той обстановке это могло показаться безумием.

В ночь на 12 марта я собрал в Торихе командиров и комиссаров частей, находившихся под моим командованием, и изложил им свой план: на следующий день 9-я бригада, усиленная батальонами «Пасионария» — 50-й бригады, «Тельман» — 11-й Интербригады, а также батальоном танков и поддерживаемая двумя батареями артиллерии и авиацией, которую мы смогли получить, должна атаковать противника вдоль Французского шоссе и выбить его из Трихуэке.

Все присутствующие одобрили мое предложение.

Утром на мой командный пункт прибыли Игнасио Идальго де Сиснерос, командующий республиканской авиацией, и генерал

«Дуглас», советский военный советник по авиации (дважды Герой Советского Союза генерал-полковник Смушкевич). Выслушав мой план наступления, они рассказали, что накануне сосредоточили на ближайших аэродромах авиационную группу в составе 45 истребителей, 15 штурмовиков и 11 бомбардировщиков. Мы согласовали участие авиации в предстоящей операции, и забегая вперед, скажу, что задуманное нами было великолепно осуществлено.

Утром 12 марта итальянское командование бросило весь свой корпус для продолжения наступления, ставя своей первой целью: захватить Ториху и открыть путь на Гвадалахару. Две дивизии двигались по Французскому шоссе, одна со стороны Бриуэги, четвертая осталась в резерве. Наступление прикрывали бомбардировщики. Наша авиация молчала, ограничиваясь разведывательными полетами, чтобы противник не догадался, что мы имеем солидное количество самолетов. В результате нам удалось достичь полного эффекта неожиданности при переходе в наступление.

9-я бригада, которую мы ждали ночью, прибыла после полудня. И хотя люди всю ночь провели в пути, они с ходу вступили в бой и героически сражались, показывая пример всему фронту.

Перед атакой мы провели короткую, но внушительную артиллерийскую подготовку и бомбардировку позиций врага по всей длине моторизованной колонны. Итальянцы рассчитывали на беспрепятственное наступление и не подготовили укрепленных позиций, что облегчило действие нашей пехоте, танкам, артиллерии и авиации. К вечеру наши части уже близко продвинулись к Трихуэке, захватив первые трофеи и пленных.

Командир 9-й бригады Гонсало Пандо, командиры ее четырех батальонов — Куэста, Сегисмундо Паланко, Сантьяго Агуадо и Луис Балагер, тяжело раненный во время этой операции, уже имели немалый военный опыт. Это были храбрые, упорные, неутомимые люди, умевшие использовать все возможности для победы. Большую роль в этом бою и в дальнейшем, на протяжении всей операции, сыграл капитан Паблито[36], советский офицер, который с первых дней обороны Мадрида находился в дивизии и помогал нам во всем. Его любили за сердечность, исключительную выдержку и военные знания, которые он блестяще использовал в боях под Мадридом, на Хараме и особенно в Гвадалахаре. Потом он участвовал в боях в Гарабитас, на юге Тахо, в Брунете. Он всегда находился на наиболее трудных участках фронта, помогая советами и личным примером выходить из многих, казалось бы безвыходных

ситуаций. Когда мы встретились вновь (через два года), капитан Паблито был уже полковником Родимцевым, а спустя еще три года генералом, одним из героев Сталинграда, командиром 13-й Гвардейской дивизии. Через много лет, в мае 1965 года, мы вновь увиделись на встрече ветеранов в Москве. Он остался таким же испанцем, как и в дни обороны Мадрида.

Когда ночью я вернулся с поля боя в Ториху, начальник штаба сообщил мне, что командир корпуса несколько раз вызывал меня по телефону, спрашивая, что происходит в нашем секторе. Узнав о наступлении наших частей, он поинтересовался, чье это распоряжение, и приказал, чтобы я позвонил ему, как только появлюсь.

В это время раздался звонок — снова звонил командир корпуса. Он задал мне все те же вопросы. Я ответил, что нас атаковали, мы организовали контратаку и отбросили врага. Попросив разрешения приехать к нему в штаб и получив согласие, я отправился туда. Принял он меня грубо, но я спокойно объяснил обстановку и свой план на следующий день. Он с трудом согласился. Почему? Командир корпуса, как и Миаха, с недоверием относился к нашей молодой армии и к нам, новоиспеченным командирам.

Проведенная нами операция была первой операцией, доказавшей боеспособность молодой армии. 13 марта мы продолжали атаки и к вечеру овладели Трихуэке. 14 марта противник перешел к обороне по всему фронту и спешно начал фортификационные работы. Мы снова и снова атаковали противника по всей центральной части фронта. В то время как 9-я бригада заняла Трихуэке, 10-я испанская, 11-я и 12-я Интернациональные бригады атаковали Каса дель Кобо, Паласио де Ибарра и другие населенные пункты, занятые противником, нанесли ему большой урон и взяли большое количество пленных и трофеев. Батальон имени Гарибальди и франко-испанский батальон 12-й Интернациональной бригады при поддержке роты танков захватили Паласио де Ибарра, уничтожив большую часть защищавших его сил противника, а оставшихся в живых взяли в плен. Два батальона, брошенных противником на помощь оборонявшимся в Паласио де Ибарра, были уничтожены. 13 и 14 марта памятны нам как дни первых огромных успехов в борьбе против Итальянского корпуса.

С 15 по 18 марта обстановка на фронте была относительно спокойной. Противник закреплялся на местности, а мы готовились к контрнаступлению, намеченному на 18 марта.

Республиканское контрнаступление

Наше наступление началось атакой на Бриуэгу. В тот же день мы взяли ее. Этот бой был образцом взаимодействия всех родов войск. Хотя артиллерии в нашем распоряжении было немного, она провела сильную, точную артподготовку. За интенсивной бомбардировкой с воздуха последовали стремительные налеты истребителей, обстреливавших позиции противника из пулеметов. Когда все кругом еще было окутано дымом от разрывов бомб, в атаку вслед за танками бросилась пехота. После первого же удара итальянцы обратились в бегство.

На следующий день бой продолжался. 20 марта, продвинувшись более чем на 20 километров по всему фронту, мы достигли линии Миральрио — Леданка— Онтанарес — Аламинос — Лас Инвиернас, куда противник отступил на подготовленные позиции. Итальянский корпус был разгромлен. В ночь на 21 марта его сменили испанские части. План окружения Мадрида силами Итальянского корпуса, неплохо разработанный стратегически, потерпел крах. После этого противник сосредоточил свои основные усилия на Северном фронте.

Итальянцы потеряли 1500 человек убитыми, 1200 пленными, 65 пушек, 13 гаубиц, около 500 станковых пулеметов, более 3000 винтовок, 10 танков (помимо уничтоженных), около 200 автомашин, грузовиков и тракторов (еще больше было уничтожено в бою), более 5 миллионов патронов и около 30 тысяч артиллерийских снарядов.

Мы оплакивали комиссаров Хуана Манчона и Хосе Абада, капитанов Франсиско Асенсио Альвареса и Алонсо Морено. Асенсио, тяжело раненный в боях под Мараньосой, узнав, что его батальон отправился в Гвадалахару, сбежал из госпиталя, принял командование своей ротой и погиб во время атаки на Трихуэке. Я получил от начальника госпиталя сообщение о бегстве капитана Асенсио спустя несколько часов после его героической гибели. Алонсо Морено я знал с 1935 года. Он был фельдфебелем в одном из пехотных полков и активным организатором антифашистских групп в казармах Мадридского гарнизона. Во время астурийского восстания в октябре 1934 года он стал на сторону народа, за что был арестован и заключен в тюрьму. До февраля 1936 года Морено находился под надзором, продолжая службу в армии.

Во время этих боев погибла семнадцатилетняя Антония Портеро, член Союза объединенной социалистической молодежи, в который она вступила еще до войны 1936 года. В дни тяжелых боев в Гвадарраме и обороны Мадрида она показала себя настоящей героиней. Ее храбрость удивляла даже закаленных в борьбе мужчин. Она пользовалась большим доверием, и в

ноябрьские дни бойцы пулеметной роты батальона имени «Хосе Диаса» избрали ее своим политическим делегатом. Прошло тридцать лет, а я как сейчас вижу ее глаза, припухшие от лихорадки губы, ее энтузиазм, воодушевлявший людей. Перед боем за Трихуэке, когда я сказал Антонии, что ей необходимо выспаться, она весело ответила, указывая на деревню: «Этой ночью мы все там выспимся». Через несколько минут она была убита.

Огромную роль в этих боях сыграли комиссары. Руководили ими Себастьян Сапираин, комиссар 4-го корпуса, и Сантьяго Альварес из группы «Листер» при активной помощи Баудильо Санчеса, Пако Ганивета и других замечательных товарищей. Важный вклад в политическую работу внесли Луиджи Лонго и Пьетро Ненни — комиссары Интернациональных бригад и особенно всегда неутомимый Карлос. Комиссары развернули огромную политическую работу во всех частях и подразделениях, разъясняя солдатам характер и цели нашей войны, значение данного сражения; вели пропаганду, обращенную к солдатам противника на их родном языке, явившуюся важным фактором их деморализации, организовывали встречи братского единения между фронтом и тылом, заботились о бойцах.

В разгар боев на фронт прибыла делегация рабочих с заводов Кирос, Стандарт и Хатчинсон, Эль Агила Папелера Эспаньола, Хареньос, Эриксон, Торрас, Ла Коммерсиаль де Иерро. В непосредственной близости от линии фронта состоялись волнующие братские встречи бойцов — представителей воинских частей — и трудящихся, во время которых они рассказывали, как трудятся и борются для победы над общим врагом. На этих собраниях поэты Мигель Эрнандес и Хосе Эррера Петере читали свои стихи, часть из них была написана непосредственно на передовой и посвящена только что закончившемуся сражению.

Х. Эррера Петере

Перевод Р. Казаковой

ВЕТЕР, ТЫ!

Ты, ветер гор,
ты, ветер на месетах,
ты, что летишь, сдувая с синей сьерры
на трупы итальянцев

снег весенний,
ты, мчащийся в Трихуэке,
Бриуэгу…
Ты, снежный ветер,
сам подобный снегу.

Ты видел их замерзшие зрачки,
в слепое небо поднятые мертво,
ты видел рты, где замер крик замерзший,
и руки, как засохшие сучки.
Испания! Как на большом погосте,
в тебя врастают их чужие кости.

Ты, ветер скал,
швыряющий с разбегу
в Алькаррию, где сизый злой туман,
где пахнет кровью на лугах тимьян,—
на скорбный лоб земли,—
прохладу снега,
ведь ты же видишь,
вездесущий шквал:
по раненой земле, что бьется в плаче.
война бездумным жеребенком скачет.

Ты, ветер,
что покинул холм пустынный,
ты, снежный ветер,
в этот час постылый
все ж не горюй,
пустись в веселый танец!
Ты, горный ветер,
как и я,—
испанец!
Взгляни, веселый ветер Сомосьерры,
прорвавшийся сквозь чад и ужас боя,—
вот над тобою небо голубое,
под ним снега, поголубев, осели,—
весна!

Ты, ветер ласковый Альона,
ты видишь, прямо на цветочных клумбах
лежат столбы, все в проводах, как в путах,
как в порванных полосках телеграмм,
но рядом — первый пух ростков зеленых,

и каждый луч травинки — чист и прям.

Ты, ветер гор,
несись по всей стране,
всем расскажи, что видел ты с налету:
вот пулемет прижался к пулемету,
патронов горы, пушки на лафетах,
а в грязных, раскисающих кюветах —
те,—
справедливой податью войне,—
в рубашках черных,
что на каждом теле
от холода и крови затвердели.

Ты, ветер гор,
гонец весны,
гонец,
несущий пополам со снегом вести,
ты, видевший всю эту землю красную,
любивший и страдавший с нею вместе,
сегодня новость возвести прекрасную.

Мигель Эрнандес

Перевод Р. Казаковой

Кровожадный Муссолини

Диктатор цепей, тюремная черная пасть,
в Гвадалахаре ты не был,
где трусливым гиенам твоим суждено было пасть,
проклиная испанское небо.

В шумной провинции ульев,
в сладкой Алькаррии,
ставшей горькой, как плач,
свистели твои пули,
подлый палач.

Приходи и увидишь,
что гниющим мясом стали твои солдаты.

Приходи и увидишь,
что знамена твои разодраны и помяты.

Мертвые,
от которых к небу поднимается смрадный чад,
мертвые под дождем и под снегом,
под безжалостным солнечным светом,
в степях, на холмах, возле старого дуба,—
страшно и грубо,—
мертвые.
Они молчат.

Молчат, как кричат, о том,
что кровь их заледенела,
что их красным крылом задела
та гармония жуткая,
что на крыльях незримых летает
и каждому
взрыв могилы дарит.

Ты, паутина
с зубами зверя,—
самолеты моей Испании
тебя протаранили,
все больше в победу веря.

Приходи и увидишь,
как, шатаясь от голода, поднимаясь из грязи
скользкой, вырастает войско:
это мы, испанцы, живые,
но словно изваянные из отважнейшей бронзы,
с волосами, в которых запутались свежие росы.

Ты увидишь, как встали мы против холода.
Наши рты, провалившиеся от голода,
мы вытягиваем в улыбки.
Наши взгляды
от бессонницы зыбки,
а рубашки
продырявлены выстрелами…
Но мы выстоим!

Ты шлешь нам свинец и сталь,
брызжешь грязной слюной,

ты, как низкий предатель,
распорядился своей страной.

Что ты сделал с ее людьми?
Ведь дороже нет ничего у Италии.
Без людей погасли огни в домах,
шахты гудеть перестали.
Плуги молчат на полях,
в плавильных печах нет больше жара.
Зато есть
Гвадалахара!

Есть вдовы — ты сделал их вдовами.
Есть сироты — ты повинен в постигшем их страшном ударе.
С твоими напутствиями бредовыми
шли отцы их к Гвадалахаре.
И разве они мой народ одолели?
Как дикие звери пришли,
как жалкие псы околели.

Молчат твои мертвецы.
Ты слышишь лишь голос Испании гордой.
Летит он во все концы.
Мерзавец,
актеришка,
мы ткнем еще в лужу тебя
твоей театральною мордой!

Диктатор виселиц,
сам ты сдохнешь в петле.
Сегодня мы дали тебе по зубам,
а завтра слово свое
и Италия скажет,
она тебе покажет
и не то еще!

Клянемся
могилами
милыми,
клянемся и теми,
кто был тобой одурачен,
по ком теперь мать итальянская плачет,
клянемся, что мир нашу правду узнает,

увидит все звенья ее роковые,—
клянемся, живые!
Пусть мертвые встанут из гроба и плюнут нам
в душу, коль мы эту клятву нарушим.

Организованный студентами театр «Ла Баррака» в двух шагах от передовой показывал солдатам произведения Сервантеса и Лопе де Вега. Концерты нашего военного оркестра под руководством дирижера Оропеса также помогали поддерживать высокий моральный дух солдат.

После окончания сражения в Гвадалахаре был проведен большой митинг, созванный семнадцатью антифашистскими организациями города, на который пригласили выступить и меня. В своей речи я резко осудил тех военных и должностных лиц из народной милиции, которые потеряли веру в победу, доказали свою полную неспособность командовать и пытаются свалить на подчиненных всю ответственность за собственные неудачи, а также разоблачил дезертиров и трусов, козыряющих своими звездами и галунами подальше от фронта.

В газетах того времени писали о жалобе командованию какого-то военного, который утверждал, будто бы я в своей речи призывал уничтожить всех офицеров старой армии. Я уже говорил и повторяю, что за поражение или панику несут ответственность командиры. Это относится и к старым, и к новым. Солдаты все хорошие, все стремятся разгромить фашистов; следовательно, дело в командовании. Там, где есть люди, умеющие командовать, солдаты добиваются победы. Нам не нужны командиры (независимо от того, старые они или новые), обвиняющие в поражении солдат. Тех, кто не способен командовать, надо отстранить, предателей — уничтожить, независимо от того, из старой они армии или из народной милиции.

Наша война — война нового типа. И армия тоже нового типа. Командиры не должны быть деспотами, издевающимися над солдатами, как было в старой армии. Командир для солдата должен быть всем — братом и отцом, который заботится о его настроении, одежде, пище. Большинство наших командиров было именно такими. Вблизи Трихуэке солдаты почти два дня и две ночи в дождь и снег находились в поле под открытым небом. Чтобы они могли побороть холод, им ночью дважды давали горячий кофе с коньяком. Когда же была дана команда идти в атаку, солдаты с энтузиазмом бросились в бой, полностью доверяя своим командирам.

Я отдаю должное ценной помощи профессиональных военных, искренне боровшихся на нашей стороне. Они помогли тем из нас, кто не кончал военных академий, приобрести необходимые знания. Однако за измену или трусость надо карать. На командные должности необходимо выдвигать людей, которые могут добиваться победы в бою.

Моя речь пришлась не по вкусу командиру корпуса, отправившему к генералу Рохо одного из газетчиков с протестом по поводу моего выступления.

Когда я приехал в Мадрид, Рохо рассказал мне о жалобе и показал газету, где отдельные места были подчеркнуты командиром корпуса.

В ту ночь в мадридском кинотеатре «Монументаль» состоялся другой митинг, на котором мне было предложено выступить. Я воспользовался случаем, чтобы соответствующим образом ответить командиру корпуса. Некоторым сеньорам, сказал я, понравилось, что мы, члены политических партий и профсоюзов, рискуем жизнью на фронтах войны, но от нас хотят, чтобы мы были молчаливы и аполитичны. Не встретив поддержки, командир корпуса пошел на попятную.

Чувства миллионов испанцев в те дни выразил один из них, герой только что закончившегося сражения. Я говорю о лейтенанте 9-й бригады Хосе Алькала Кастильо, сыне бывшего президента республики Нисето Алькала Самора. Алькала Кастильо явился к нам в штаб 1-й бригады в Вильяверде, в дни обороны Мадрида. Он был членом национального комитета ФУЕ и приехал из Парижа, чтобы стать в ряды сражающихся за Республику. Его приняли в 1-ю бригаду солдатом и за героизм, проявленный в боях под Вильяверде, Куэста де лас Пердидос, в Серро де лос Анхелес и на Хараме, произвели в лейтенанты. С Гвадалахарского фронта он написал письмо своему отцу, которое мы приводим ниже. Это письмо — одно из свидетельств того страшного впечатления, которое возникает у каждого, видящего свою родину наводненной иностранными армиями. В нем же лейтенант отвечал на недостойные выступления своего отца в заграничной прессе.

Письмо лейтенанта Алькала Кастильо своему отцу

«Два месяца назад, когда я решил покинуть домашний очаг, чтобы вернуться в Испанию и вступить в ряды лояльной правительству армии, я встретил с твоей стороны отпор и осуждение моего поведения, осуждение,

которое стало делом не только нашей семьи, а получило широкий отклик в международной прессе.

Сегодня я обращаюсь к тебе с этим открытым письмом и вопросом: хорошо я сделал или плохо? Моя совесть все больше и больше убеждает меня в том, что я поступил правильно. По-моему, это гражданский долг защищать законное правительство против предательства нескольких фашистов. Святое дело каждого оказать помощь, какой бы малой она ни была, народу, защищающему свою жизнь, свое право быть свободным и самому решать свою судьбу, от преступного намерения некоторых деятелей — аристократов, банкиров и вероломных генералов, — ввергнуть его в рабство эксплуатации.

Но сегодня происходит нечто еще более ужасное. Пресса донесла до тебя новость, которая является для меня реальностью и которую я вижу своими глазами и осязаю своими руками: иностранную интервенцию. В Испанию вторглись Германия и Италия. Испания защищает свою независимость. Это истинная правда. Она проникла во все уголки мира, и я являюсь свидетелем всей ее жестокости.

Сражаясь против немцев на Хараме и против итальянцев под Гвадалахарой, я видел, что творится в стране, в которую вторгся враг, и меня охватили стыд, бешенство и негодование теми, кто открыл двери в Испанию армии конкистадоров, называющих себя националистами. В провинции Гвадалахара итальянские дивизии действуют как завоеватели. При наступлении мы не встретили ни одной испанской дивизии, ни одного испанского солдата, ничего, что свидетельствовало бы о гражданской войне в стране. Это настоящая война за независимость, в которой города оккупируются войсками иностранной армии, а запуганные жители прячутся в подвалы своих скромных домов. Это война против грабежа, неуважения к нашим историческим и художественным реликвиям, как мы видели это в Бриуэге, это война против расстрелов из пулеметов гражданского населения и несущих смерть бомбардировок авиации захватчиков. Одним словом, мы переживаем такую же трагедию агрессии, как и в Абиссинии, о которой мы столько раз говорили, осуждая ее. Все это я видел на полях Алькаррии.

Но Испания — не Абиссиния. Испания не будет

завоевана, потому что испанский народ чувствует в себе необходимые силы выгнать захватчиков. Он как один человек встал на защиту Испании, чтобы она принадлежала народу и только народу. И я вместе с этим народом, который проливает сегодня свою кровь и терпит все страдания войны, чтобы интервенты не могли красть плоды нашей земли и недра наших шахт, чтобы не быть народом рабов, без отдыха обязанных работать на господина, чтобы не расчленяли национальную территорию, чтобы Испания была свободной страной, а не колонией. Я с этими безвестными героями, солдатами Народной армии, которые в жестокий холод вышли из своих залитых водой окопов, ободранные, больные лихорадкой, с распухшими руками и ногами, и. отвоевали для Испании сотни квадратных километров. Я с этим народом, борющимся за независимость, с народом, который делает все, чтобы выгнать со своей земли армии захватчиков, и кует основы новой жизни. Я счастлив, сражаясь в рядах Народной армии, счастлив потому, что выполняю свой долг испанца. Все, кто оставил Испанию, кто молчаливо или откровенно помогает захватчикам, тем более если они занимали такие высокие посты, как пост президента Республики, не имеют права в этот исторический момент называться испанцами. Сегодня, более чем когда-либо, я уверен в победе испанского народа. Это будет победа не только Испании, но и всеобщая победа демократии.

Хосе Алькала Кастильо, лейтенант 9-й бригады 11-й дивизии.

Гвадалахарский фронт, 20 марта 1937 года».

После Гвадалахары Алькала Кастильо продолжал сражаться против врага. Он умер от тяжелой болезни в Валенсии в марте 1938 года.

На полях Гвадалахары Республика добилась победы, имеющей огромное значение как с военной, так и с политической точек зрения. Престиж республиканской Испании и Народной армии поднялся во всем мире. Снова потерпел крах план Франко и его союзников закончить войну одним ударом. Итальянский экспедиционный корпус понес постыдное поражение от молодой республиканской армии.

Республиканские силы преподали завоевателям Малаги, руководимым «победоносными» генералами Абиссинии и теми,

кто не верил в наступательную способность республиканской армии, поучительный урок.

Хесус Икарай, прошедший всю войну рядом с солдатами, рассказал об этом в замечательном очерке, написанном им в отвоеванной нами Трихуэке и названном «Испанцы»:

> «Позавчера итальянская авиация — «фиаты» — летала над деревней; Старинная черепица, поросшая травой, обрушилась на семейные столы, за которыми никогда не слышали о Манцини и Бергонцолли.
>
> На рассвете наши солдаты приступили к спасательным работам. Из долины поднимались встревоженные мужчины в черных пиджаках и испуганные женщины в широких юбках.
>
> В переулке складывали трупы.
>
> Из-под кучи мусора в разрушенном доме раздавался плач ребенка. Мы слышали этот плач на протяжении нескольких минут, казавшихся вечностью. Все говорили, что туда невозможно добраться. Перегородки и крыша рушились… Но один из людей Листера, саперный капитан Немесио Перес Кастро, пошел вперед, а за ним и другие товарищи скрылись в руинах. Через несколько минут он вышел с ребенком на руках. Малыш был невредим, и это вызвало всеобщую радость. Один деревенский старик, не знавший что сказать от избытка чувств, крикнул: «Да здравствует Испания!»
>
> Я думаю, ничто не может выразить лучше смысл нашей борьбы и нашей победы в Гвадалахаре, чем этот спасенный ребенок и этот возглас «Да здравствует Испания!», вырвавшийся из груди испанского крестьянина».

Таким образом, четвертое наступление на Мадрид тоже потерпело крах. Мадрид был взят спустя два года, но не атаками — с фронта, флангов, тыла, его сдали предатели, которые не столько защищали его, сколько спекулировали — и продолжают спекулировать — славой его защитников.

В течение всего описываемого периода продолжались тяжелые бои на южном и северном фронтах. На Арагонском же фронте, напротив, царила полнейшая тишина. Вожди анархистов, занимавшие на этом фронте командные посты, предпочитали играть с противником в футбол, а не сражаться. Мадрид далеко. И пусть он сам ищет выход из затруднительного положения.

Глава шестая
Противник отказывается от плана захвата Мадрида. Инициатива республики

Гарабитас, апрель 1937 год. — Юг Тахо, май 1937 года. — Брунете, июль 1937 года.

Гарабитас, апрель 1937 года

В последние дни марта прибыла замена 1-й бригаде на Хараме, 9-й — на Гвадалахаре, 'и мы начали усиленную подготовку к новым боям: принимали пополнение, готовили новые кадры для командного состава, поредевшего в последних боях.

В разгар этой работы республиканские войска Центрального фронта начали так называемую «Гарабитскую операцию». По оперативному плану, 11-я дивизия не должна была участвовать в ней, но 12 апреля мы получили приказ о выступлении. Должен признаться, что никогда не понимал смысла этой операции: ни в апреле 1937 года, ни теперь. Полученный мною приказ предписывал нам занять Серро дель Агила. Изучая позиции противника, я увидел, что его фланги доминируют над холмом, который нам предстояло захватить, и обратил на это внимание штаба фронта. Меня заверили, что во время атаки наша артиллерия подавит огонь противника на флангах. Не особенно доверяя этому обещанию, я все же подчинился приказу. В ночь с 12 на 13 апреля мои части заняли исходные позиции, а утром, после получасовой артиллерийской подготовки, вслед за танками пехота ринулась в атаку. Ее встретил превосходно скорректированный огонь противника. Ценой значительных потерь наши авангарды достигли проволочных заграждений первой линии. И в этот момент произошло то, что я предвидел и чего опасался: противник открыл с флангов адский артиллерийский огонь.

Несколько наших танков загорелись, потери резко возросли. Оценив обстановку, я отдал войскам приказ приостановить атаку, отойти на исходный рубеж и сообщил о своем решении командиру корпуса. Тот ответил, что это невозможно. Доказательством того, что возможно, возразил я, является то, что я уже сделал это, то есть отвел войска.

К вечеру Миаха позвонил мне по телефону и в бешенстве

потребовал на следующий же день возобновить атаку. Я отказался, приготовившись к отставке. В два часа ночи мне сообщили, что операция приостанавливается, 11-ю дивизию утром сменят другие части и она продолжит начатое ранее переформирование. Через некоторое время я получил соответствующий приказ, а затем прибыли командиры частей, которым поручили сменить мою дивизию. После полудня я отправился в штаб армии. Ни Миаха, ни Рохо ни словом не обмолвились о происшедшем накануне инциденте. Я тоже не стал ничего говорить об этом.

Во время этой злополучной операции мы потеряли командира батальона Куэста и его комиссара Луиса Кордовилья, а также комиссаров Рафаэля Корби Вильяплана и Альфонсо Пласа. Все они воевали с первых дней войны.

Юг Тахо, май 1937 года

7 мая Рохо вызвал меня в штаб и сообщил о только что поступивших тревожных сведениях из сектора Юг Тахо, где противник, начав наступление, прорвал фронт и, очевидно, намеревается выйти к Темблеке. Рассказав о наших силах в этом секторе и о том, что командующим фронтом назначен полковник Мена, Рохо приказал мне направить туда мою дивизию, а самому срочно ехать в Мора представиться Мена и получить от него указания.

В полночь я встретился с Мена. Он не располагал никакими дополнительными сведениями о положении на фронте. Подождав прибытия первых частей дивизии, я отправился с ними к линии фронта. Деревня Гальвес встретила нас безмолвием. Мы постучали в несколько дверей, но нам никто не ответил. Наконец один из жителей выглянул в окно и показал, где находится военная комендатура. По меньшей мере десять минут колотили мы палкой в дверь, пока наконец появился одетый в рубаху с внушительными усами человек и грубо спросил, что нам нужно. На вопрос, где военный комендант, он ответил, что это он и есть, назвал свое имя и звание — капитан. Как только я ему представился, он мгновенно переменился. Свою грубость он объяснил тем, что я лишь в кожаной тужурке, без головного убора и знаков различия. Мы спросили его об обстановке на фронте. Он ответил, что, по его мнению, особых изменений нет. На вопрос, почему крестьяне не отзываются на стук в дверь, а единственный из них, выглянувший в окно, смотрел на нас со страхом, комендант заявил, что все они реакционеры. Мы попросили его

найти кого-либо из гражданских властей. Спустя немного времени в комендатуре появился алькальд, председатель муниципального совета. Вместе с ним Альварес и я отправились в муниципалитет и там объяснили, кто мы, какова наша миссия; высказали удивление по поводу недоверия, с которым нас встретили, и попросили рассказать о положении на фронте, добавив, что он вполне может на нас положиться.

Алькальда звали Леонсио Мартин. Он был членом левой республиканской партии. Смело и откровенно алькальд рассказал о бесчинствах, творимых военным комендантом и другими командирами действующих на этом фронте частей по отношению к крестьянам. Они заставляют их работать за мизерную плату; реквизируют урожай и скот, покровительствуют касикам и фашистам, преследуют и сажают в тюрьмы антифашистов и т. д. Десятки семей перешли в лагерь противника, чтобы избежать преследований; Пока мы разговаривали с алькальдом, пришли другие члены муниципалитета, подтвердившие все, о чем говорил их председатель.

Мы попросили созвать народ. Когда крестьяне собрались на площади и алькальд представил нас, Альварес и я объяснили им, что мы их защитники и заверяем, что отныне они могут спокойно заниматься своими хозяйственными делами, ибо в деревне будет обеспечен республиканский порядок и наказаны все нарушающие его.

После короткой остановки в Гальвесе мы продолжили свой путь. Только миновав Полан и Гуадамур, нам удалось получить более или менее точную информацию о положении на фронте. Суммируя различные сведения, мы пришли к выводу, что противник проводил операцию местного значения с целью прощупать нашу оборону и, не встретив сопротивления, продвинулся на несколько километров, достигнув двенадцатого километра шоссе Толедо — Полан на севере Гуадамура, и занял деревню Архес. Из-за больших расстояний между различными штабами фронта к тому времени, когда сведения дошли до Мадрида, эта местная операция превратилась в общее наступление противника в данном районе.

В тот же день, 8 мая, мы с ходу перешли в атаку, которая явилась полной неожиданностью для противника и вызвала в его лагере всеобщую панику. Противник бросил все имевшиеся у него резервы на этот участок и стал подтягивать силы с других, предполагая, что мы начали наступление на Толедо. Через неделю напряженных боев, передвинув наши линии вперед на семь километров, отвоевав деревню Архес и уничтожив два марокканских табора, три бандеры Иностранного легиона и

другие части, мы закончили боевые действия. На смену нашим частям пришли другие.

Наши потери были невелики. У нас убили капитана Мануэля Алмейда и лейтенанта Дионисио Родригеса. Возглавляемые ими подразделения уничтожили более роты противника и захватили шесть пулеметов.

Среди множества эпизодов, происшедших во время этих боев, мне особенно вспоминаются два. В самом начале нашего наступления я увидел со своего командного пункта, как один парень с пулеметом на плече, обогнав танки, установил пулемет в нескольких метрах от вражеских окопов и начал стрелять по ним. Это был «Таленто». Никто не знал настоящих имени и фамилии этого огромного парня из галисийского батальона, которого война застала в Кастилии на уборке урожая. Он давно уже приучил нас к подобным смелым вылазкам. На следующий день он принес мне в подарок шинель на меху одного из вражеских майоров, которого «скосил» своим пулеметом. А с ним «Таленто» не расставался никогда. Вместе с 11-й дивизией действовал 1-й танковый батальон. Как и в предыдущих боях, танкисты прекрасно проявили себя. Капитан Хуан Барберо, командовавший приданными дивизии танками, несколько раз прошел по окопам противника, чтобы разрушить проволочные заграждения. Когда танк Барберо загорелся, он вывел его из-под обстрела, потушил огонь, а затем вновь бросился в бой.

Однако, по моему мнению, большее значение имели не военные действия, а политическая деятельность 11-й дивизии на этом фронте. Рассказанное о Гальвесе относится и ко всем остальным деревням, с населением которых мы устанавливали контакт. Страх, недоверие, беспокойство повсюду царили среди крестьян. Беседа с крестьянами Гальвеса дала нам возможность яснее представить причины этого недоверия и беспокойства. Жизнь крестьян, всех тружеников этих деревень абсолютно не соответствовала принципам, провозглашенным республиканской Испанией. Для них все еще не пробил час освобождения. Вместо старых господ-феодалов появились новые с целой свитой мелких вассалов, навязывавших свои порядки тыловым деревням. В то время как съедаемые вшами солдаты находились в окопах, командиры и офицеры в своей блестящей форме разгуливали под руку с барышнями в тыловых деревнях, отстоявших на многие десятки километров от фронта.

Мора был наиболее крупным городом провинции Толедо, входившим в зону Республики и в какой-то степени являвшимся административным и политическим центром провинции. В нем расположился и штаб фронта. Его начальником был в прошлом

капитан гвардиа сивиль Урибарри. Этот «кабальеро» вел себя как истинный сеньор-феодал. Это он отдавал приказы, поощрял и одобрял преступления, преследования и грабеж, о которых нам говорили в Гальвесе и которые затем были подтверждены свидетельскими показаниями жителей и гражданских властей многих деревень, а также многочисленными письменными заявлениями этих властей.

Штаб Урибарри представлял собой гнездо фашистов. Дочери фашистов и касиков были любовницами офицеров штаба. В то же время антифашисты, члены комитета Народного фронта сидели в тюрьме. Больше всего наживался на грабежах и воровстве сам Урибарри. За время своего «царствования» на юге Тахо он отправил в Валенсию произведений искусства на сумму в несколько миллионов песет, большое число вагонов с пшеницей и другими продуктами, награбленными у крестьян. Узнав постепенно обо всем этом, мы разработали план очистки сектора от всей нечисти и установления в нем республиканских законов и порядка.

С 12 по 25 мая мы провели в Полане, Гуадамуре, Гальвесе и Мора политические митинги при участии представителей этих населенных пунктов, а также делегатов от рабочих мадридских заводов и фабрик, шефствовавших над дивизией. Наш оркестр давал концерты, мы организовывали танцы, кино и т. п. Одновременно постепенно устанавливался республиканский порядок и закреплялись права народа.

В Полане задержали двух мужчин и женщину, которые собирали продукты для укрывавшихся в посольстве Кубы фашистов. В грузовике под кубинским флагом обнаружили полторы тонны продуктов, солидную сумму денег и большое количество промышленных товаров для обмена у крестьян. Поскольку это происходило во фронтовой зоне, мы применили закон военного времени, то есть не посчитались с дипломатическими осложнениями.

18 мая было создано новое республиканское правительство под председательством Негрина[38]. Известие об этом было встречено с большим воодушевлением командирами и солдатами. Одним из первых мероприятий правительства явилось объединение военных министерств — военного, морского и авиационного — в одно: министерство национальной обороны во главе с Приэто. Это назначение не вызвало энтузиазма у бойцов, ибо среди республиканцев был широко известен пессимизм Приэто в отношении исхода войны и его неверие в народную армию. Зато с ликованием было встречено назначение начальником Генерального штаба полковника Висенте Рохо.

Возвращаясь с фронта, мы прибыли 19 мая в Мора. Дивизию разместили в его окрестностях таким образом, чтобы контролировать все выезды и въезды в деревни. Собрав воедино всю полученную нами от гражданских властей информацию, от которой волосы становились дыбом, мы вызвали военного коменданта города. На наш вызов явился лейтенант, человек положительный, назначенный на эту должность за несколько дней до нашего прибытия, после того как его предшественник счел более благоразумным оставить этот пост. Лейтенант не только подтвердил имевшиеся у нас факты, но сообщил дополнительные сведения, позволявшие составить более точную картину о создавшемся положении. С его согласия (чтобы на него не пала ответственность за совершенные преступления) был назначен новый временный военный комендант города. Первое, что он сделал, — это освободил узников-антифашистов и опубликовал приказ, в котором всем военным в течение нескольких часов предлагалось явиться в военную комендатуру. Часть из них явилась и была отправлена на фронт в свои части, остальные же, с драгоценностями и другими награбленными ими ценными вещами, попытались уйти вместе с фашистами, которым они покровительствовали, но были арестованы. Созданный нами трибунал приговорил 20 из них, повинных в наиболее тяжких преступлениях, к расстрелу. Начальнику штаба Урибарри и некоторым из его офицеров удалось бежать в Валенсию, где их не только не наказали, но спустя немного времени Приэто назначил Урибарри начальником СИМа (службы военной информации). Позже, в разгар войны, Урибарри бежал за границу, прихватив с собой драгоценности, валюту и документы.

20 мая, на следующий день после принятых нами мер, мы созвали народ и объяснили, чем они вызваны. Народ с огромным энтузиазмом одобрил наши действия. В Мора мы оставались до 25 мая, а затем, устроив большой митинг, распрощались с ним. На этом митинге, в котором участвовали представители Народного фронта, Альварес и я, 11-я дивизия прошла церемониальным маршем, провожаемая жителями города. Многие из них не могли скрыть слез, спрашивали, не будут ли восстановлены после нашего ухода старые порядки. Однако наши действия в тылу не всем пришлись по вкусу. Анархистские газеты не упустили случая выступить в защиту фашистов и их покровителей, утверждая, будто речь шла о членах НКТ. Из Валенсии подал голос Урибарри, и штаб Центрального фронта направил в Мора инспектора для выяснения всех обстоятельств дела. Но и мы не собирались молчать. На митинге в кинотеатре «Пардиньяс» в Мадриде я публично ответил анархистам, приведя

конкретные факты о преступлениях защищаемых ими «антифранкистов». Кроме того, дивизионная газета поместила 5 июля мое заявление.

Слово правды

«Люди нашей дивизии сформировались в окопах. Это простые, честные парни. Повсюду, где бы они ни появлялись, им оказывали сердечный прием бойцы других частей, их с любовью встречало население, они внушали страх врагам. Так было на всех фронтах, где мы воевали. Мы приговариваем к смерти вора, обкрадывающего бедного крестьянина. Мы караем презрением тех, кто поворачивается спиной к врагу.

Мы гордимся тем, что нас всегда посылают в наиболее опасные места. Мы никогда не нарушаем дисциплины. Мы всегда повинуемся приказам и не жалеем своей крови, защищая Испанию.

Наша история ясна, как солнце. Это правда — мы ненавидим «пятую колонну», предателей, провокаторов, шпионов. Всюду, где проходит наша дивизия, мы устанавливаем связь с народом, с крестьянами, защищаем их интересы, отдаем все — не просим ничего!

Мы вписали немало страниц в историю войны. Никто не потерял столько героев в бою на Мадридском фронте. Но лучшую страницу в историю своей дивизии мы вписали на юге Тахо. Не забывайте — наша дивизия побывала на всех фронтах, участвовала почти во всех боевых операциях, всегда получая благодарность от командования.

Там, на юге Тахо, противник «жил в свое удовольствие». Процветал шпионаж. Многие военные чувствовали себя завоевателями. Крестьяне же были отстранены от общей борьбы. Они издали со страхом смотрели на прогуливавшихся по улицам помещиков, улыбающихся и счастливых ростовщиков, их дочерей — под руку с офицерами. Законы военного времени существовали для бедных, но не для врагов.

Мы пришли и все перевернули. Сражались и разгромили три бандеры Иностранного легиона и марокканцев. Объяснили, что такое Народная армия и народная революция. Разоблачили коррупцию,

вырождение, произвол. Объявили войну «пятой колонне». И больше ничего!

Истерические крики, угрозы, клевета провокатора не действуют на нас. Наш судья — Народный фронт. Свидетели — крестьяне, а мы были и остаемся обвинителями!

Энрике Листер командир 11-й дивизии»

Помимо этого газета опубликовала следующую передовую статью:

«НА ФРОНТ!

О событиях судят по конечному итогу. Оборона Мадрида — не контрреволюционный путч в Барселоне[39]. Разгром итальянских легионов — не восстание «пятой колонны» в Леванте[40]. Создание единой армии не означает поддержку в печати ополченчества[41]. Дивизия, которой командует товарищ Листер, известна. Ее знает и любит народ.

Юг Тахо — важная зона войны. В этой зоне находилась одна воинская часть. Командование этой части занималось чем угодно, но не борьбой против врага. Некоторые капитаны вступили в любовную связь с местными женщинами. Их радушно встречали в домах помещиков, они сожительствовали с их дочерьми. Крестьяне видели: над ними надругались. Эти люди были для них теми же палачами, что и в прежние времена, спокойно разгуливавшими по улицам. Они не имели прав протестовать, когда отдельные разбойники воровали у них кур и кроликов. Общественные организации могли собираться только по специальному разрешению военного начальника (жившего в 60 километрах от фронта!). Такое положение длилось долго. Войска были деморализованы так же, как во время осады Толедо, когда более 4000 человек «проводили летний сезон», «борясь» против Алькасара. Их поведение позорно, оно давало повод прикрывать трусость тех, кто не хотел сражаться в Сьерре и Талавере. На юге Тахо, когда противник небольшими силами атаковал республиканские войска, они дрогнули, запросили помощи и отступили в беспорядке. Туда отправили одну

дивизию — дивизию Листера. Люди этой дивизии прошли испытание на всех фронтах. Ее посылают в самые опасные места. Дивизию, никогда не бегавшую от врага, всегда подчиняющуюся приказам, всегда дисциплинированную, предпочитающую передовую линию постам на дорогах: Ее люди готовы стоять насмерть, но не отступить перед противником. Эта дивизия, пройдя за ночь 25 километров, с ходу вступила в бой с противником. Отвоевав 7 километров, она приблизилась к Толедо; разгромила три бандеры марокканцев и легионеров; собрала крестьян и объявила, что теперь они могут спокойно обрабатывать землю, а те, кто осмелится воровать у них кур и кроликов, будут осуждены на смерть. Дивизия организовала медицинскую помощь населению. Она предложила организациям Народного фронта любую требуемую им помощь. Эта дивизия принесла успокоение, трудовой энтузиазм, понимание необходимости бороться. Дивизия приняла меры против «пятой колонны»: группы разбойников, ожидавшей прихода врага, чтобы присоединиться к нему.

И вот находятся люди, которые выступают в защиту этих «трудящихся», помещиков и фалангистов; «трудящихся», чьи руки запачканы в крови народа; «трудящихся», живущих чужим трудом и отдающих в обмен на безнаказанность своих дочерей; «трудящихся»— шпионов, негодяев, провокаторов. 11-я дивизия своим железным кулаком разбила гнездо предателей родины и приняла меры для обеспечения тыла, ибо шкуры 10 тысяч мерзавцев на юге Тахо не стоят жизни одного солдата Листера.

Сказанное не требует дополнений! По югу Тахо прошла подлинная дивизия Народной армии. Стальная дивизия, любимая народом, ненавидимая фашистами, всеми уважаемая за свою благородную революционную деятельность. Крестьяне юга Тахо радостно обнимали солдат 11-й дивизии. Они поняли, за что мы боремся — за счастливое будущее.

Мадрид, 5 июня 1937 года».

Но самым важным было негодование жителей деревень, в которых стояла наша дивизия, вызванное этими провокационными атаками против нас. Это негодование выражалось различными способами, в частности вынесением

резолюций гражданскими организациями Мора и других населенных пунктов. Вот часть из этих документов, опубликованных в те дни:

«Население Гальвеса 11-й дивизии.

11-я дивизия, руководимая героическим майором Листером, вступила в Гальвес. Некоторое время жители нашей деревни испытывали тревогу в связи с возможностью внезапной эвакуации. Когда же они узнали, что майор прибыл вместе со своими частями, они успокоились и прониклись уверенностью, что войска захватчиков не войдут в Гальвес. Об этом не было необходимости спрашивать — майор и его военный комиссар Сантьяго Альварес сразу же сами заверили в этом народ, собравшийся на площади у муниципалитета. В ту ночь радость и спокойствие воцарились в домах крестьян. Ведь Листер находился в деревне. На следующее утро крестьяне вышли в поле на работу, зная, что 11-я дивизия надежно защитит их поля, жен, очаг.

11-я дивизия! Командиры и офицеры, медицинские работники и политические комиссары, народ Гальвеса в лице председателя своего муниципалитета приветствует вас. Женщины нашей деревни всегда с благодарностью будут вспоминать солдат 11-й дивизии и ее самоотверженных медицинских сестер, ибо знают, что 11-я дивизия сражается, чтобы защитить родину, а защищая родину, она защищает Испанию, защищая Испанию, она защищает бедного труженика от богатого эксплуататора. Вы защищаете нашу землю, наши дома и наших детей, и мы знаем, что, пока будет жив хоть один из ваших бойцов, наши урожаи и спокойствие наших очагов будут обеспечены.

Да здравствует 11-я дивизия! Да здравствует Народная армия! Да здравствует Испания! Да здравствует правительство Народного фронта! Да здравствует майор Листер!

Гальвес, 26 мая 1937 года.

Председатель Леонсио Мартин».

(Печать: «Муниципальный Совет Гальвеса, Толедо»)

«Муниципальный совет, собравшийся вместе с руководителями других организаций, решил выразить

товарищу Листеру благодарность за то внимание, которое он оказал жителям нашей деревни, и в особенности за 250 рубашек, присланных для батраков, с такой преданностью работающих в тылу. В то же время сообщаем, что мы решили вторично пожертвовать хлеб дивизии, которой он командует. Распоряжайтесь им по своему усмотрению.

Преданный тебе и делу алькальд

Леонсио Мартин».

Гальвес, 26 мая 1937 года

(Печать: «Муниципальный Совет Гальвеса, Толедо»)

Другой интересный документ:

«Муниципальный Совет Мора, провинция Толедо, собрался в доме городского совета по просьбе товарища инспектора юга Толедо для информации о деятельности «11-й дивизии Листера» в период ее пребывания в данной зоне.

Демократически учрежденный согласно указаниям Правительства Муниципальный Совет, в котором представлены лучшие, наиболее уважаемые активисты политических и профсоюзных организаций, сознавая свой долг, заявляет:

Как вышеуказанная дивизия, так ее офицеры и командир Листер проявили такое теплое, дружеское и бескорыстное отношение к гражданскому населению данного района, что при первой же их публичной встрече с рабочими, проходившей в самой сердечной атмосфере, народ, в массе никогда не видевший ничего подобного, в порыве безграничного энтузиазма устроил овацию майору Листеру и его дивизии, Народной армии и правительству Народного фронта, назначившему на руководящие посты в армии таких людей, как командиры этой дивизии.

Первое впечатление, создавшееся у населения, укреплялось в течение всего времени пребывания дивизии в данном секторе, дивизии, проявившей такие теплые чувства к народу. Люди с радостью принимали участие в манифестациях и митингах, организуемых кем-либо из офицеров дивизии или ее командиром.

Население окружило искренним радушием ее солдат, делилось с ними всем, что имело, и

соревновалось за право предоставить им жилье.

Мы отмечаем также тот факт, что за время пребывания у нас этой дивизии нашу местность покинули скрывавшиеся здесь элементы, придерживающиеся крайне правых взглядов, прежде всего те из них, кто вел враждебную пропаганду, а после атаки противника в зоне Археса еще более открыто проявил свои фашистские взгляды.

В подтверждение всего сказанного ставим свои подписи в Мора, 28 марта 1937 года.

Карлос Гомес, Пилар Моралес, Эладио Торекра, Руфино Гарсиа,

Фелипе Пальмеро, Мануэль Нуньес, Донато Х. Каньяверас и Педро Браво».

(Печать: «Муниципальный Совет Мора, Толедо»)

Узнав об этих документах и других свидетельствах того, что мы не намерены молчать, анархисты прекратили провокационную кампанию в защиту шпионов и фашистов, дезертиров, воров и убийц. Именно такие элементы 11-я дивизия и призвала к порядку!

На этом окончилась наша полемика с анархистами. Мы не хотели давать в руки противнику оружие против Республики, предавая гласности во всех деталях факты, наносившие вред делу, во имя которого столько людей на фронте жертвовали своей жизнью, а еще больше мужчин, женщин и детей с таким волнующим героизмом трудились в тылу.

Негодование бойцов 11-й дивизии провокационными вылазками анархистов было столь сильным, что можно было опасаться какого-либо нежелательного столкновения. Когда мы вели бои на юге Тахо, пришло сообщение об анархистском мятеже в Барселоне. В то время как сотни тысяч патриотов сражались в окопах и тысячи из них умирали, авантюристы и анархистские провокаторы, не без участия франкистских шпионов, открыли фронт борьбы у нас в тылу.

Брунетское сражение

Когда с юга Тахо мы вернулись в Мадрид, Рохо проинформировал меня о планируемой важной операции в, секторе Брунете. Я получил приказ перебросить свою дивизию в

район Торрелодонес — Вилья́льба — Кольядо — Моральсарсаль. Весь конец июня, пока готовилось наступление, на Брунете, бойцы 11-й дивизии помогали местным крестьянам в сельскохозяйственных работах. Это, кстати говоря, было лучшим камуфляжем наших планов. Пребывание в деревнях выглядело так, словно войска отведены на отдых.

Цели операции

Главные цели, которые хотели достигнуть операцией (в дальнейшем называемой сражением под Брунете, потому что бои велись главным образом в своеобразном мешке вокруг этой деревни), были: остановить наступление противника на Севере, сорвать подготавливаемое им наступление на Южном фронте и, в случае полного успеха операции, заставить противника отойти от Мадрида.

Обстановка на Севере с каждым днем становилась все серьезнее, несмотря на героизм республиканских бойцов. 19 июня противник занял Бильбао, и итало-германо-франкистские силы приближались к Сантандеру. Итак, речь шла о помощи бойцам Севера единственно возможным в создавшихся условиях способом: оттянуть силы противника к другим фронтам республиканской зоны, чтобы наши войска на Севере смогли перегруппироваться. Что касается плана операции, то он был примерно следующим: V и XVIII корпуса, атакуя на главном направлении, должны прорвать фронт между Вильянуэва дель Пардильо и Навалагамелья (расстояние между указанными населенными пунктами около 12 километров). Затем взять деревни Кихорна и Вильянуэва де ла Каньяда, Брунете и Вильянуэва дель Пардильо, продвинуться в направлении Боадилья дель Монте — Вильявисиоса де Одон и постараться установить огневую связь со II корпусом, наступающим с юго-востока от Мадрида в направлении Карабанчель Альто.

V корпус

Ближайшая задача V корпуса: занять Кихорну и ее окрестности, обеспечив правый фланг главных сил. Последующая задача: занять район Брунете и выйти на шоссе Брунете — Севилья ла Нуэва, продолжая оборонять от атак противника правый фланг главных сил. После этого форсировать реку Гвадаррама и занять лес западнее Вильявисиоса де Одон.

XVIII корпус

Ближайшая задача XVIII корпуса: занять Вильянуэва де ла Каньяда и Вильянуэва дель Пардильо; обеспечить левый фланг наших сил (направление на Махадаонду). Последующая задача: захватить правый берег реки Ауленсиа и передовыми частями занять подходы к реке Гвадаррама на глоссе Брунете — Боадилья дель Монте. После этого выйти на линию Романильос — Москито.

Артиллерийская подготовка должна была начаться в 5.30 и длиться 30 минут. 46-я дивизия имела задачей вытеснить мелкие группы противника с высот юго-восточнее Вальдеморильо, взять Лос Льянос и Кихорну, а затем закрепиться на высотах восточного берега реки Пералес и на перекрестке шоссе в 4 километрах южнее Кихорны, обеспечивая движение основных сил корпуса и армии от ударов противника с запада и юго-запада. 11-я дивизия должна была взять Брунете и переправу через реку Гвадаррама в 5 километрах юго-восточнее деревни. 35-я дивизия действовала как второй эшелон, имея задачей развивать успех 11-й дивизии в направлении Вильявисиоса де Одон.

Чтобы обеспечить неожиданный удар 46-й дивизии, ее 101-я бригада получила приказ в ночь с 5 на 6 июля занять линию реки Пералес и укрепиться фронтом на запад и в направлении Навальагамелья, при этом одним батальоном осадить Лос Льянос. 10-я бригада должна была осадить Кихорну и атаковать ее на рассвете. 11-я дивизия в ночь с 5 на 6 июля должна была проникнуть между укрепленными пунктами Кихорна и Вильянуэва де ла Каньяда и после авиационной бомбардировки, намечавшейся на 6.00, атаковать Брунете.

3 июля командиром корпуса вместе с командирами дивизий и приданных ему частей была проведена традиционная рекогносцировка главных пунктов местности, на которой предстояло действовать корпусу. 4 июля я повторил рекогносцировку с командирами бригад и приданных дивизии частей. Это мероприятие имело важное значение для командиров бригад 11-й дивизии. Они хорошо ознакомились с местностью и расположением противника, которого должны были атаковать.

Задолго до указанной нам даты начала операции и раньше, чем был получен письменный приказ из штаба корпуса, я уже имел информацию от Рохо об общем замысле операции. Это позволило мне заблаговременно подготовить свой штаб и основных командиров к наступлению. На протяжении ряда ночей люди Специального батальона проникали в расположение противника и доставляли ценные сведения о ночных передвижениях врага, о его наблюдательных пунктах,

укреплениях и т. п.

Когда в 10 часов вечера 5 июля части 11-й дивизии, выйдя из сосновых лесов, окружавших Вальдеморильо, начали движение по открытому трехкилометровому пространству между Кихорной и Вильянуэва де ла Каньяда, бойцы Специального батальона, разведавшие этот узкий проход, продвигаясь вперед по территории противника, указывали путь наступающим частям.

Прежде чем продолжить рассказ о брунетском сражении, я хочу сказать несколько слов о Специальном батальоне, его создании, задачах и деятельности.

В ноябрьские дни 1936 года, когда возник Мадридский фронт, я решил создать особую роту из специально отобранных, наиболее опытных бойцов. Задача их заключалась в том, чтобы проникать в ближайший тыл противника, собирать разведывательные данные, производить внезапные налеты и т. п.

Формирование роты я поручил Хосе Каррерасу, крестьянину с гор, окружающих Мадрид. Меня привлекали его смелость и организационные способности, а также умение командовать. В декабре 1936 года, январе и феврале 1937 года рота выполнила ряд заданий, а с созданием 11-й дивизии была преобразована в Специальный батальон, насчитывавший 500 человек. Позже появились и другие такие же батальоны, и Генеральный штаб «легализовал» их под названием пулеметных батальонов. Но батальон, находившийся в составе 11-й дивизии, а затем — в V корпусе, не был пулеметным. На деле он оставался Специальным батальоном. Он был укомплектован самыми испытанными бойцами, по своему вооружению обладал огневой мощью бригады и выполнял задачи разведки в лагере противника, авангарда главных сил дивизии в ночных операциях, закрывал опасные прорывы, вступал в бой в особо сложной обстановке, когда уже были исчерпаны все резервы.

На протяжении всей войны Специальный батальон с честью выполнял свои задачи и 10 февраля во главе со своим последним командиром Болче перешел во Францию, где и был интернирован в концлагере. Большая часть его бойцов пала на полях сражений. Среди убитых его командиры: Альберто Санчес, погибший в Брунете; Матиас Ягуэ — на Эбро; Франсиско Варела — в Борхас-Бланкас и Хосе Каррерас — в Фигерасе.

После этого короткого отступления вернемся к Брунетской операции.

Итак, 11-я дивизия двинулась в путь в 10 часов вечера: во главе шла 9-я бригада, затем 100-я и позади 1-я. Подойдя на полкилометра к Брунете, 9-я обошла деревню слева, а 100-я — справа, в то время как 1-я находилась в 300 метрах прямо перед

Брунете. В 6 часов утра два батальона 100-й бригады атаковали Брунете с тыла. В то же время 9-я бригада продолжала движение вперед к переправе через реку Гвадаррама, а два других батальона 100-й бригады продолжали продвижение к Севилье ла Нуэва и Навалькарнеро.

Сосредоточение республиканских сил и все приготовления к атаке остались незамеченными противником. Атакованный с тыла гарнизон Брунете был застигнут врасплох. В 7 часов все было кончено. Противник потерял несколько десятков человек убитыми, среди них командира сектора; около 250 пленными, в том числе весь штаб сектора, начальника артиллерии и т. д.

Среди пленных оказались две «маркизочки» де Лариос — племянницы маркиза де Лариос, 19 и 21 года. Их доставили ко мне на командный пункт. На мой вопрос, кто они такие, обе ответили — крестьянки. Они были одеты в крестьянские кофты и шляпы, но не знали, что их настоящие имена были нам известны. Когда я сказал им об этом, они не потеряли самообладания; спустя несколько недель правительство обменяло их, уж не знаю на кого.

У противника были захвачены три противотанковые пушки, 12 легких пулеметов, около 400 винтовок, 20 грузовиков, 5 легковых автомобилей, большое количество боеприпасов и других военных материалов. Мы потеряли одного человека; несколько бойцов было ранено.

Брунете была взята без артиллерийской подготовки, без участия танков и авиации. Заняв деревню, мы продолжали продвижение к тому месту, где река Гвадаррама пересекает Севилью ла Нуэва.

100-я бригада впервые участвовала в бою. Она только что была сформирована в Алкое из 3000 новобранцев призыва 1931 года — большей частью крестьян из провинций Хаен, Кордобы и Мурсии, прошедших ускоренную военную и политическую подготовку. Ее сформировали за 17 дней — точно в намеченный срок. Ядром явились 500 человек, составлявших 1-й батальон 1-й бригады. Они стали капралами, сержантами, лейтенантами, капитанами и командирами батальонов. Политические делегаты стали комиссарами, а солдаты — политическими делегатами. Командиром бригады был назначен командир батальона Луис Ривас. Капитан Франсиско Антолинес («Чифло») получил первый батальон, капитан Грегорио Рубио — второй, капитан Грегорио Арройо — третий и капитан Омброна — четвертый.

Несмотря на то что базой бригады был закаленный в боях первый батальон 1-й бригады, мы все же испытывали некоторое беспокойство: как в своей массе будет вести себя бригада во

время своего первого боевого крещения. Ее поведение оказалось великолепным. Как на марше, так и в первый момент боя, а затем на протяжении всего сражения бойцы не отставали от ветеранов двух других бригад.

После потери Брунете командование противника, едва оправившись от неожиданности, начало собирать свои местные резервы, чтобы попытаться сдержать лавину наступающих. В тот же день мы достигли линии в 3 километрах южнее Брунете, вблизи Севилья ла Нуэва, и продолжали упорно продвигаться вперед к Вильявисиоса де Одон. Вражеские войска, прибывавшие на фронт, активно возводили укрепления, зарываясь в землю и энергично обороняя свои позиции.

В ночь с 6 на 7 июля части 34-й дивизии заняли Вильянуэва де ла Каньяда, взятую при поддержке 1-й бригады 11-й дивизии. 7 июля противник атаковал наш правый фланг, между Брунете и Кихорной; его атака была отбита двумя батальонами 1-й бригады. К концу 7-го положение было следующим: шесть батальонов дивизии продвигались к Вильявисиоса де Одон, три батальона — на юг от Брунете, имея перед собой противника, начавшего сосредоточиваться в районе Севилья ла Нуэва, два батальона прикрывали правый фланг и один — Специальный батальон — оставался в резерве в Брунете.

9 июля 46-я дивизия взяла Кихорну. 10 июля войска XVIII армейского корпуса взяли Вильяфранка дель Кастильо, но на следующий день противник отбил ее.

11 июля 45-я дивизия вступила в Вильянуэва дель Пардильо. На протяжении последующих дней на всем фронте обоих корпусов происходили ожесточенные бои. Многие позиции по нескольку раз переходили из рук в руки и во многих случаях основным оружием являлись штык и ручная граната.

В то время как в некоторых местах противник продолжал атаковать нас, в других он отражал наши атаки, в третьих сосредоточивал большое количество сил и средств для решительного контрнаступления. Это наступление началось 18 июля и закончилось 19-го. За два дня противник обломал зубы о героическое сопротивление и контратаки частей Народной армии.

20 июля, после четырнадцати дней и ночей беспрерывных боев, я попросил командира корпуса сменить мою дивизию, чтобы дать людям короткий отдых на два-три дня. В ответ он заявил, что у него нет частей, могущих заменить мою дивизию, и что мне следует об этом переговорить с командованием фронта.

Штаб фронта находился в доме Маура, известном под названием «Эль Канто дель Пико». Около трех часов пополудни я

прибыл туда. Меня принял Рохо, и я объяснил цель своего визита. Он ответил мне, что генерал Миаха и военный министр Приэто находятся в столовой и что мне следует этот вопрос решить с ними. Я застал Приэто и Миаха за бутылкой шампанского. Поздоровавшись с ними по регламенту, я проинформировал их об обстановке в секторе, занятом моими частями, и об их состоянии. Я объяснил, что дивизия потеряла почти 50 % состава, есть случаи сильнейшего нервного потрясения. Я закончил доклад просьбой сменить дивизию, чтобы дать людям возможность отдохнуть два-три дня, помыться, поспать, не чувствуя над своей головой ночью и днем грохота орудийных выстрелов, шума авиационных моторов и разрыва бомб. Я говорил все это, стоя навытяжку, почти не в состоянии держаться больше на ногах от усталости. Когда я закончил, Приэто поднялся, допил шампанское и сказал мне: «Хорошо, поскольку это военный вопрос, я отправлюсь немного соснуть». Устало помахав рукой, он добавил: «Желаю успеха, Листер», — и вышел из столовой.

Миаха, с не менее усталым видом, чем Приэто, сказал, что понимает справедливость моей просьбы, но что мне следует повидать Рохо. Я рассказал Рохо о своем разговоре с ними. Он сообщил, что подготавливает контратаку 14-й дивизии и, если она увенчается успехом, можно будет сменить 11-ю дивизию. Рохо просил меня продержаться еще два-три дня.

С 20 по 23 июля противник заметно ослабил атаки силами пехоты, но продолжал их авиацией и артиллерией. В то же время можно было наблюдать сосредоточение войск под Брунете. 24 июля враг начал наступление на Брунете еще более значительными силами и средствами, чем раньше. На протяжении всего этого дня остатки 11-й дивизии, два батальона 35-й дивизии и два батальона 108-й с танками продолжали упорно оборонять руины, в которые превратилась теперь деревня Брунете, — руины, несколько раз переходившие из рук в руки, но к концу дня остававшиеся все же под нашим контролем. Наконец нам сообщили, что на следующий день начнется обещанная контратака 14-й дивизии.

На рассвете 25 июля 14-я дивизия, поддержанная бомбардировщиками, истребителями и танками, начала движение, чтобы контратаковать противника, осаждавшего Брунете. Разгадав ее маневр, противник открыл огонь по наступающим. После нескольких попыток выйти из леса севернее Брунете, где она сосредоточивалась в течение ночи, дивизия перешла к обороне на опушке леса.

Противник продолжал атаковать Брунете и в то же время бомбил 14-ю дивизию. Там поднялась паника,

распространившаяся на другие части. Противник использовал все это.

Через двадцать дней враг наконец взял Брунете — деревню, под руинами которой остались горы трупов марокканцев, легионеров, фалангистов и рекете — солдат его отборных частей, а также тела наших славных бойцов.

В ночь с 25 на 26 июля 11-я дивизия заняла позиции южнее Вильянуэва де ла Каньяда, а 27-го была сменена.

Ярый антикоммунист, Приэто распорядился указать в военной сводке за 25 июля, что Брунете сдала 11-я дивизия. Его сотрудники дали ему понять, что это уже «слишком». Известно, что он был против упоминания в сводках о взятии Брунете 11-й дивизией[42] и на протяжении всего сражения вообще запрещал упоминать об 11-й дивизии. Но о ее роли знало не только население Мадрида, доказательством чего являлись делегации заводов, приезжавшие на фронт приветствовать бойцов. Об этом знали и многие другие люди, приславшие нам ряд поздравлений, ставших достоянием общественности.

Вот, например, некоторые из приветствий от испанских и иностранных писателей, участников Международного конгресса писателей, заседавшего в те дни в Мадриде.

> «Великолепные бойцы 11-й дивизии, товарищи, победители Брунете, Вильяверде, Гвадаррамы! Победители фашизма в историческом сражении под Гвадалахарой! С глубоким восхищением вас приветствует друг Испании, глубоко понимающий ее традиции свободы, имеющие семисотлетнюю давность. Вы боретесь за свободу всего мира. Тому, кто с вами, благодаря вам принадлежит будущее. Ваш товарищ
>
> *Ганс Вюлетейн,*
>
> *швейцарский делегат».*

> «11-й дивизии и ее командиру Листеру. Приехав из далекой южной страны, говорю вам, что там знают о вашем героизме так же, как знали о героях древней Испании, гордой и народной. Привет! Ваша победа и наша победа — победа народа.
>
> Мадрид, июль 1937 года.
>
> *Пабло Неруда,*
>
> *чилийский делегат».*

«Привет героям Листера.

Эгон Эрвин Киш,

чехословацкий делегат на Конгрессе писателей».

«Привет майору Листеру, командирам, офицерам и солдатам 11-й дивизии, вновь и вновь одерживающим победы в эти дни, когда в Мадриде собрался второй Международный конгресс писателей-антифашистов.

Мадрид, 8 июля 1937 года.

Корпус Варга, испанский делегат».

«Братский, пламенный привет 11-й дивизии, так героически защищающей свободу испанского народа и мировую демократию.

Мадрид, 9 июля 1937 года.

Хуан Маринельо,

кубинский делегат».

«Хочу, чтобы эти строки донесли горячий привет героической 11-й дивизии, которой командует герой Гвадалахары майор Листер.

Мадрид, 8 июля 1937 года.

Николас Гильен».

«Народ моей страны, Аргентины, знает 11-ю дивизию Народной армии и ее командира майора Листера по ее славным боевым делам, начавшимся подвигами 5-го полка и увенчавшимся наступлением на Брунете. От имени трудящихся моей страны приветствую 11-ю дивизию, убежденный, что это один из мощных столпов армии, освобождающей Испанию от мрачной угрозы фашизма.

Мадрид, 8 июля 1937 года.

Кордоба Итурбуро,

аргентинский делегат».

«11-й дивизии. Мы проделали много тысяч миль, чтобы приехать в Мадрид. Всем сердцем мы с вами. Мы

из Аргентины, где каждая ваша победа радует нас и внушает надежду! Да здравствует Испания, свободная от всего неиспанского!

Сара Торну и Пабло Рохас Пас,

аргентинские делегаты».

«Пламенный привет и поклон вам, победителям Брунете, героическим солдатам, которыми командует товарищ Листер.

Немецкая писательница Анна Зегерс;

Х. Браус — голландский делегат».

«11-й дивизии, которой командует наш героический товарищ Листер, титанам, взявшим Брунете и являющимся символом свободного человечества, пламенный привет от поэта, который хотел бы быть с ними.

Мадрид, 7 июля 1937 года.

Висенте Уидобро».

«11-я дивизия знает, что я, как ветеран 5-го полка, продолжаю оставаться с вами в нашей общей борьбе, всегда с вами вплоть до победы народа.

Мадрид, 7 июля 1937 года.

Хосе Бергамин,

испанский делегат».

Брунетское сражение длилось с 6 по 26 июля 1937 года. Оно было небывало ожесточенным. Такого не было даже на Хараме, если исключить Пингаррон. Равнина Брунете превратилась в поле адской битвы. На протяжении 20 суток более 120 тысяч человек сражались днем и ночью на сравнительно небольшом пространстве земли под сотнями тонн бомб и снарядов, в огне и дыму. Обе стороны потеряли здесь более 60 тысяч человек убитыми.

11-я дивизия вступила в сражение 6 июля, имея в своих рядах 10 тысяч бойцов. На протяжении 20 дней вела она бои под беспощадным солнцем, в самом пекле разрывов авиабомб и снарядов. Когда 27 июля дивизия была сменена, в ее рядах осталось менее 4000 человек; потери составляли свыше 65

процентов личного состава, большей частью убитыми. Только среди командиров и офицеров потери составили: в штабе дивизии — 7 человек, в кавэскадроне — 5, в Специальном батальоне — 23, в противотанковом батальоне — 5, в 1-й бригаде — 212, в 9-й— 168, в 100-й —206 и более 40 комиссаров. Вот некоторые из тех, кто пал в этом сражении:

Гонсало Пандо, командир 9-й бригады. Он был не только командиром, но и хорошим товарищем. Солдаты любили и уважали его. Они смело шли с ним в бой, зная, что ими командует человек, которому они доверяют и любят. Пандо родился в Вильявисиоса (Астурия). Мятеж 18 июля застал его в долине Раскафриа, где он работал врачом. За несколько дней он объединил местных жителей левых убеждений и организовал оборону долины. Вскоре с этими людьми, вооруженными несколькими пистолетами и охотничьими ружьями, он захватил Пико дель Неверо и выступил против фашистских сил, продвигавшихся по Сьерре на Мадрид. Затем, вместе с Барсана, павшим там, Модесто и Ортис — великолепным аргентинским товарищем, закончившим войну командиром дивизии, Пандо участвовал в создании батальона «Тельман»; в сентябре он командовал им. После Сьерры Пандо участвовал в боях под Талаверой, Сесеньей, Торрехоном де Веласко, Вильяверде, Серро Рохо. В труднейших боях под ла Мараньоса и на Хараме, будучи уже командиром бригады, он был ранен, но спустя немного времени вернулся на фронт. Пандо принимал активное участие в боях под Гвадалахарой. Командуя бригадой, он взял деревни Трихуэке, Гаханехос и Леданка.

Альберто Санчес, командир 1-й бригады. Он являл собой яркий пример солидарности и симпатии, с которыми молодежь всего мира смотрела на борющуюся Испанию. Этот герой-кубинец, проживший всего 21 год, боролся на Кубе против диктатуры Мачадо, а затем, вынужденный покинуть родину, переселился в Испанию. Когда вспыхнул мятеж, Санчес находился в Мадриде и в первые же дни отправился на Сьерру, где благодаря своим способностям и героизму получил первые военные чины. В Брунете он был уже командиром и пал на поле боя. Тем временем, в нескольких сотнях метров от места, где он был убит, его жена — капитан Энкарнасион Луна — продолжала косить врагов, она командовала пулеметной ротой.

Убит был и Эмилио Конехо, начальник штаба 1-й бригады, а также лейтенанты его штаба Морено, Лафуэнте и Угарте.

Луис Фернандес Флуитерс был уроженцем Куатро Каминос, одним из первых поднявшихся на Сьерру де Навасеррада в колонне милисианос Барсана. Сержантом он сражался под

Талаверой; в 5-м полку получил чин младшего лейтенанта; в Вильяверде — лейтенанта; в Пингарроне был повышен до капитана, под Брунете командовал батальоном и был убит. Другой его брат погиб раньше, будучи лейтенантом 11-й дивизии.

Сегисмундо Поланко, командир батальона «Хосе Диас», 24-х лет, до войны был учителем школы в Сьерре. Мятеж застал его в Мадриде, где он принимал участие в штурме казармы Ла Монтанья. Через несколько дней после этого он отправился на Сьерру. В Навальперале получил звание капрала, позже стал сержантом. В бою под Сесеньей он геройски сражался уже в чине капитана. В этом бою он был ранен, но на следующий день сбежал из госпиталя и вернулся на линию огня, а спустя еще два дня был назначен командиром батальона и командовал им в боях за Вильяверде, на Хараме, Гвадалахаре, Гарабитас и на юге Тахо.

Альберто Гальего — начальник санитарной части 1-й бригады. Был на фронте с первого дня мятежа.

Франсиско Муньос Асорин. Родился в Йекла 20 ноября 1919 года. Студент. В борьбу включился с первого дня мятежа и сражался в роте «Хуанита Рика» на Гвадарраме и под Талаверой, а затем — в 1-й бригаде 11-й дивизии. Пал под Брунете, командуя пулеметной ротой.

Лейтенант Хуан Хосе Уэрта, уроженец Санта Крус де Мудела, где руководил организацией ХСУ. Погиб в бою, когда ему было всего 17 лет.

Офицер штаба 100-й бригады лейтенант Сатурнино Мурильо был убит при обороне штаба.

В числе раненых был капитан Филиппе Ортуньо. После окончания войны в Испании он эмигрировал в Советский Союз и на протяжении всей войны сражался там против гитлеровцев. Позже он вернулся в Испанию и продолжал борьбу в рядах партизан, где и погиб в 1946 году.

В поддержании боевого духа в тех тяжелых условиях важную роль играли политработники. Вдохновленные неутомимой деятельностью комиссара дивизии, политработники частей старались превзойти друг друга в героизме. Вот некоторые из этих людей.

Комиссар 1-й бригады Севиль, был ранен в бою под Брунете.

Хосе дель Кампо, комиссар 9-й бригады, в период боев стал комиссаром 46-й дивизии. Рабочий-механик, он еще до войны связал свою жизнь с борьбой рабочего класса. В октябре 1934 года, отбывая военную службу, он был послан со своим батальоном в Астурию и там, в Саме, вступил в контакт с местной организацией Коммунистической партии, проводил среди солдат большую политическую работу. Героический участник нашей

войны, дель Кампо столь же доблестно сражался в рядах Советской Армии на протяжении всей второй мировой войны, а затем отправился в Испанию на нелегальную работу и погиб там в 1962 году.

Рамирес, комиссар 100-й бригады… Менор, комиссар санитарной службы дивизии… Аурелио Мартин, крестьянин из провинции Толедо, сменивший дель Кампо на посту комиссара 9-й бригады, также после войны эмигрировал в Советский Союз, где был убит, сражаясь против гитлеровцев. Прадаль, комиссар батальона… И сколько других!..

Среди погибших комиссаров были Алехандро Гарсиа, Хулио Родригес, Гонсало Вильямайор, Хосе Антонио Мартинес, Франсиско Приэто, Хосе Перес, Мануэль Гарон, Рафаэль Гонсалес.

Скрепляя узы интернационализма, вместе с испанцами проливали свою кровь сыны других народов. В боях под Брунете пали американец капитан Оливер Лоу, немец капитан Отто Юргенсен, югослав комиссар Благое Правич, англичанин доктор Соленберг и многие другие, которых невозможно здесь перечислить.

Но самые большие жертвы принесли солдаты, капралы и сержанты. Сколько крови пролили они, сколько энтузиазма и героизма проявили, защищая свободу и демократию! Короткая военная история этих людей, павших в боях, была в то же время историей создания Народной армии и обороны Мадрида. Они сражались, не зная отдыха, многие из них стали командирами и офицерами или комиссарами благодаря беззаветному героизму, умению командовать и руководить. Справедливость требует воздать должное всем родам войск и служб за их славные боевые заслуги. Действия нашей авиации были замечательными на протяжении всего сражения. В начале боев, обладая господством в воздухе, она бомбардировала с большой точностью и систематически узлы коммуникаций, осажденные позиции и войска противника на марше к фронту. Так же великолепно она действовала и потом, когда ей пришлось сражаться против авиации противника, переброшенной с Севера и других фронтов.

Что касается действий танкистов, то нет слов, чтобы достойно описать их; наши танки напоминали раскаленные печи, но люди продолжали сражаться с беспримерным героизмом. Санитарная служба под руководством Вилья Ланда и комиссара Менора неустанно заботилась о раненых и эвакуировала их из самого пекла боев.

Наш транспорт в условиях, когда шоссе и дороги днем и ночью находились под ударами авиации и артиллерии врага, прекрасно выполнял свои задачи под руководством Анхела

Серрано и комиссара Лобо. Так же бесперебойно действовала и связь, которой руководили капитан Анхел Санчес и комиссар Альваро Карбахоа. Снабжение осуществлялось капитаном Вильясанте и комиссаром Лукасом Нуньо. Ни на один день они не оставляли войска без горячей пищи. Войну в Испании Лукас Нуньо окончил в качестве комиссара интендантской службы V армейского корпуса. Эмигрировав в Советский Союз, он воевал в рядах Советской Армии. Затем вернулся в Испанию и продолжал борьбу в подполье, был арестован франкистской полицией, приговорен к смертной казни и казнен в Мадриде в 1947 году. Он жил и умер героем.

О Брунетском сражении франкисты нагромоздили много лжи, но кое-какие из их утверждений соответствуют истине. Они правы, например, утверждая, что эта операция могла изменить ход войны. Мы можем сказать, что Брунете была первой операцией большого масштаба, спланированной республиканским командованием. Но вместе с тем можно отметить, что именно в Брунете выявился в большем масштабе, чем в предыдущих боях, целый ряд недостатков, которые затем повторялись — в большей или меньшей степени — во всех наших крупных наступательных операциях.

Вот, на мой взгляд, некоторые из этих недостатков. И в брунетском сражении, и во всех последующих не были подтянуты все необходимые силы и средства, которые можно было бы сосредоточить для планируемой операции. Войск, предназначенных для проведения той или иной операции, было недостаточно для захвата намеченных объектов. Недостатком, повторявшимся на протяжении всей войны, была слишком большая разбросанность частей и средств, их неправильное распределение между главными и второстепенными направлениями атаки, причем, как правило, во вред главному направлению.

Вот как были распределены 85 тысяч человек, 129 танков, 43 бронемашины и 217 артиллерийских орудий, составлявших республиканские силы в начальной фазе операции. Главное направление — армейские корпуса V и XVIII: 45 тысяч человек, 102 орудия, 62 танка, 23 бронеавтомобиля и полк кавалерии.

Второстепенное направление — силы II и III корпусов: 20 тысяч человек, 92 арторудия, 47 танков и 10 бронемашин. Резервы фронта: 45-я и 47-я дивизии — 20 тысяч человек, 23 арторудия, 30 танков, 10 бронеавтомобилей и полк кавалерии.

Любому бросается в глаза, что такое распределение, особенно средств поддержки, между главным направлением атаки и второстепенным — неправильно.

Другим общим недостатком всех наших наступательных операций было чрезмерное количество сил и средств (если иметь в виду в целом то, чем мы располагали), оставляемых в резерве в начале операции, и особенно чрезмерная осторожность в их использовании в первой фазе сражения.

Я уже говорил, какими резервами располагало командование фронтом. Командование XVIII корпусом оставило в резерве одну дивизию и различные средства поддержки, а командование V корпусом — другую дивизию, полк кавалерии и различные средства поддержки. Это — малочисленные резервы для операции, в которой стоило рискнуть и сосредоточить побольше сил. Но в то же время и чрезмерные, если учесть все силы, участвовавшие в операции.

Как же использовало командование фронтом силы и средства, остававшиеся у него в руках? И что сделали командиры корпусов со своими резервами? Никакие из этих сил и средств не были брошены в прорыв в районе Брунете для развития успеха, достигнутого 11-й дивизией. Позднее же эти резервы были растрачены в бесплодных атаках позиций противника и в обороне. Как известно, 11-я дивизия захватила Брунете 6 июля в 6 часов утра. Один батальон продолжал двигаться вперед и достиг Севильи ла Нуэва, а одна рота — гумен Навалькарнеро. Фронт противника был прорван, наши войска продвинулись более чем на 10 километров в его тылы. Что надо было предпринять в этих условиях? Окружить Вильянуэва де ла Каньяда одной бригадой, а Кихорну другой, введя в начатый 11-й дивизией прорыв все части V корпуса для развития операции, продвижения вперед и одновременно для ударов по противнику с тыла.

А что было сделано? 34-я дивизия на протяжении всего 6 июля продолжала атаки на Вильянуэва де ла Каньяда, потеряла много людей и 10 танков. И если наконец она на следующее утро овладела деревней, то лишь благодаря поддержке, оказанной ей 1-й бригадой 11-й дивизии, атаковавшей со стороны Брунете бандеру № 1 Севильской фаланги и роту 13-й франкистской дивизии, посланную для усиления гарнизона Вильянуэва де ла Каньяда. Затем 1-я бригада атаковала Вильянуэву с тыла. Таким образом, только 7 июля во второй половине дня была открыта дорога Вальдеморилья — Брунете — Навалькарнеро, — исключительно важная для дальнейших действий 11-й дивизии.

46-я дивизия атаковала Кихорну вплоть до второй половины 9 июля, и когда овладела ею, то потеряла много людей и оказалась небоеспособной для дальнейших действий. А ведь на протяжении более чем трех дней она имела в своем распоряжении все танки V корпуса (из которых потеряла 14) и до

7 июля всю артиллерию. Таким образом, 11-й дивизии пришлось действовать без артиллерии до 7 июля и без танков до 10-го. Каждой из дивизий придавалась рота танков, но 46-я дивизия, имевшая задачей захват Кихорны, располагала, поддержкой двух рот, и только после этого одна танковая рота должна была направиться в Брунете в распоряжение 11-й дивизии. Но поскольку 46-я дивизия до 9 июля не взяла Кихорну, 11-я дивизия первые четыре дня действовала без танков.

7 июля была взята Вильянуэва де ла Каньяда и освобождено шоссе. Были все условия и основания для того, чтобы бросить в прорыв моторизованную колонну, усиленную танками и бронеавтомобилями. Однако имевшиеся на направлении главной атаки резервы — 30 танков и 10 бронеавтомобилей — не двинулись с места. Кроме того, командиры V и XVIII корпусов имели в своем распоряжении 400 грузовиков, которые так и не были использованы.

Вообще, выбор момента и места применения танков и бронеавтомобилей был крайне неудачным. Эта мощная, высокоманевренная сила, находившаяся в распоряжении командиров корпусов, использовалась самым безрассудным образом, если не сказать больше. Танки бросили в лобовые атаки против пушек противника в то время, как были все условия для обхода артиллерийских позиций врага бронечастями с тыла.

35-я дивизия, сражавшаяся в последующих фазах сражения со свойственным ей героизмом, на протяжении первых трех дней оставалась в резерве севернее Вальдеморильи, и только ночью 8 июля одна ее бригада была направлена на юг от Кихорны, чтобы закрепиться там и закрыть разрыв между 46-й дивизией, продолжавшей атаковать Кихорну, и 11-й дивизией, уже в течение трех дней находившейся в Брунетском мешке с совершенно незащищенными флангами. Тем временем противник накапливал перед позициями 11-й дивизии и на ее флангах свои лучшие части под командованием опытных генералов Варела, Баррона, Санчеса, Алонсо Вега, которыми непосредственно руководил сам Франко, находившийся в Севилье ла Нуэва.

Таким образом, мы углубились на 10 километров в тыл противника; с нашими частями нас соединял всего лишь узкий коридор в 3 километра. Мы не получили ни танков, ни артиллерии. Ни одна из других частей не развила наш первоначальный успех и не сменила нас для необходимой перегруппировки соединений дивизии и дальнейшего продвижения вперед.

Два дня мы находились в сложнейшем положении, не видя противника впереди, но зная, что он у нас на флангах и в тылу.

Доведенный до отчаяния, я вновь и вновь просил прислать войска и средства для развития достигнутого успеха, но единственным ответом мне было молчание. А в это время перед Кихорной и на других секторах расходовались силы и средства в бессмысленных фронтальных атаках.

То, что первые успехи не были развиты, свидетельствует о том, что те, кто планировал операцию в целом, совершенно не предполагали возможности уничтожения крупных сил противника; они намечали всего лишь атаки против его центрального фронта с целью заставить противника отступить.

Три первых дня сражения были исключительно важны; противник с трудом приходил в себя после нашего внезапного удара и очень медленно подтягивал к прорыву свои войска. В первые два дня он главное внимание уделял созданию резервов в ближайших секторах и усилению ими своих опорных пунктов. В течение этих первых дней, а затем и на протяжении всего сражения враг не сумел использовать слабость наших флангов. Почти все время франкистские войска атаковали Брунете с фронта. В первые три дня республиканские войска имели большие возможности для наступления, но республиканское командование было еще более медлительным, чем франкистское. В эти три дня резервы не были введены в бой, и большие возможности осуществить общий разгром сил противника на Мадридском фронте не были использованы.

В Брунете я еще больше укрепился в мысли, появившейся у меня в период атаки Серро Рохо в январе 1937 года, а затем под Гвадалахарой. Да, это так — больше всех удивлялись нашим начальным успехам в наступлениях высшие инстанции нашей собственной армии!

Вообще, планы наступательных операций хорошо составлялись, но обеспечение их выполнения не было достаточно отработано, особенно развитие начального успеха. Целый ряд высших командиров-профессионалов, лояльно служивших Республике, на протяжении всей войны так и не освободились от впечатления, которое производили ополченческие колонны первых дней боевых действий с их беспорядочным продвижением вперед и таким же отступлением, без военной техники и дисциплины боя, атаковавшие, когда это было наименее уместно, и отступавшие, когда можно было сопротивляться. Эти профессиональные военные, а также многие командиры из ополченцев не понимали и, по-моему, не поняли до сих пор характера войны, которую мы вели. Они не поняли, какой тип армии соответствовал этой войне. Существует довольно распространенное мнение, что в нашей армии особенно слабыми

были низшие командные кадры. Это абсолютно не соответствует истине. Кто действительно был слабым, так это как раз высшие командиры; им не хватало веры в способности командиров, вышедших из глубин народа; в то же время они явно преувеличивали качества командиров вражеской армии. Им не хватало веры в народ и в победу нашего дела. Примерами этого в период брунетского сражения могут служить полковники Хурадо и Касадо (последний позже перешел на сторону врагов Республики), бывшие последовательно командирами XVIII корпуса, чьи действия в сражении были очень плохими. Да и действия других высших командиров — не профессионалов, а ополченцев — таких, как «Кампесино», Картон и Мера (последний тоже позже предал защитников Мадрида), больше заслуживали разбирательства в военном трибунале. Однако такие люди продолжали командовать бойцами Народной армии.

И наоборот, за один год тяжелой школы боев десятки тысяч людей из народа научились понимать, что такое война: умели пользоваться картой, овладели тактикой поведения на поле боя. Кроме того, они твердо верили в победу. И эта уверенность была важнейшим условием победы в войне, которую мы вели.

Несмотря на указанные недостатки, стратегический успех, достигнутый республиканскими силами, очевиден. Наступление противника на Севере было полностью остановлено и планы его сорваны. Обстоятельства, в силу которых месяц предоставленной Северу передышки не был использован во всей широте и должным образом, это уже. другой вопрос.

Большой прогресс был достигнут в соблюдении секретности наших планов. Илья Эренбург в своих мемуарах писал, что подготовка Брунетской операции была секретом полишинеля и он узнал о ней от своего шофера. Домысел допустим в литературе, но в данном случае жаль, что мой старый друг Эренбург прибег к этой форме, говоря так об операции, отличительной чертой которой именно и являлось соблюдение тайны, в которой она подготавливалась. Сосредоточение войск и средств для этой операции было проведено так скрытно, что франкистские шпионы, присосавшиеся к штабу нашей Центральной армии, до последнего момента не знали о характере и месте операции, и наш удар для противника явился полной неожиданностью.

Брунетское сражение показало, что Республика уже располагает армией, способной атаковать в большом масштабе и навязывать противнику место и время сражения. Это хорошо понимали наши войска, закалившие в этой битве свой великолепный боевой дух, что они и продемонстрировали спустя месяц на Арагонском фронте.

И, чтобы закончить с Брунете, расскажу об одном случае. Однажды в разгар сражения мне позвонил по телефону командир 100-й бригады и, сообщив, что два батальона марокканцев начали атаку в его секторе, попросил, чтобы артиллерия открыла по ним огонь. С командного пункта я сам следил за ходом боя и видел, что атака отбита. Немного позже мне вновь позвонил командир бригады и сообщил, что наши части контратаковали и взяли 50 пленных марокканцев, которых он направляет ко мне в штаб. В его голосе было что-то странное, но я не придал этому значения. Спустя примерно полчаса прибыли пленные. Это были, от первого до последнего… мои земляки, переодетые марокканцами. Франко, поскольку у него было мало настоящих марокканцев, одел в марокканскую одежду галисийцев, чтобы ввести нас в заблуждение.

Глава седьмая
Арагон. Август — ноябрь 1937 года

Разговор с Приэто и его задание. — Роспуск Арагонского совета. — Второй разговор с Приэто. — «Анархистский коммунизм», террористическая диктатура анархистов. — Военные операции.

На протяжении всех лет, прошедших после окончания войны, анархисты не переставали твердить, что коммуны и режим «анархистского коммунизма», установленный ими в Арагоне, являлись наиболее революционной формой власти, созданной в Испании. В то же время в книгах, речах, анархистских газетах говорится, что большое революционное дело было уничтожено «коммунистическими батальонами Листера».

Господа анархисты, проявите немного серьезности! 11-я дивизия прибыла на Арагон в составе около 7000 человек; вы же кичились, что имели там три анархистские дивизии, «правительство» со своим гражданским аппаратом и, по вашим утверждениям, счастливый народ, следовавший за вами. Возможно ли, чтобы при таком соотношении сил «коммунистические батальоны Листера» могли уничтожить «большую анархистскую революцию» в Арагоне? Это было невозможно, господа анархисты, так как в Арагоне не существовало никакой революции, а была только контрреволюция.

Но обратимся к ходу событий, к их действительному развитию, так как я считаю, что после более чем двадцатилетнего молчания имею какое-то право высказать о них свое мнение в ответ на клевету анархистов.

Спустя немного времени после выхода дивизии из Брунетского сражения, в ночь с 4 на 5 августа 1937 года, я получил в Мадриде приказ генерала Рохо явиться к нему в Валенсию, где находились правительство и генеральный штаб. В 10 часов утра я прибыл к Рохо. Он сообщил, что меня хочет видеть министр обороны Приэто. В приемной министра находилось человек 25–30. Как только мы вошли, ординарец доложил о нас Приэто, и он тут же вышел из кабинета. Улыбаясь, министр подал мне руку и сказал Рохо, что он свободен. Затем, положив мне руку на плечо, провел в кабинет, усадил в кресло, а сам сел напротив. Меня насторожила такая любезность. Подозрения подтвердились, как только Приэто изложил, с какой

целью меня вызвали. Приэто сказал, что правительство решило распустить Арагонский совет, но опасается, что анархисты воспротивятся выполнению приказа. Поскольку кроме своих полицейских сил Совет имеет три армейские дивизии, он предложил Совету министров отправить туда военные силы, способные обеспечить выполнение правительственного решения. Совет министров принял предложение Приэто. Далее он сообщил, что выбор пал на 11-ю дивизию потому, что ее боеспособность, моя энергия и беспристрастность являются гарантией выполнения правительственного решения. Министр добавил, что я не получу никакого письменного приказа, касающегося этого задания; в дальнейшем также не будет ни приказов, ни сообщений о том, как оно выполняется. Речь, таким образом, идет о государственной тайне, известной только правительству и мне. Я получал право без церемоний, бюрократических инстанций и законодательной волокиты покончить с любым человеком, которого сочту нужным убрать; мне дали понять, что я могу рассчитывать на поддержку всего правительства. Что касается «технического» осуществления задания, то оказалось, что, пока я ехал в Валенсию, Рохо уже отправил приказ начальнику штаба моей дивизии о переброске ее в Каспе — главный город Арагонского совета. Для всех дивизия отправлялась туда якобы на заслуженный отдых и переформирование. О принятых мною мерах по осуществлению декрета о роспуске Совета я должен известить генерала Посаса, командующего Восточной армией, условной фразой, что мои части «уже расквартированы», а он сообщит мне дату опубликования декрета, сказав в ответ: «Завтра это выйдет» (то есть декрет опубликуют в правительственном вестнике на следующий день).

Серьезность «поручения» была мне ясна, как и то, что необходимо покончить с Арагонским советом, являвшимся национальным позором. И все же тогда я еще не представлял себе во всей трагической обнаженности, чем являлись для крестьян и народа Арагона эти тринадцать месяцев «анархистского коммунизма». И только в ближайшие дни мне предстояло узнать, до какой степени коварства мог дойти Приэто.

Выйдя от министра и уточнив с Рохо вопросы военного характера, я отправился проинформировать руководство партии о полученном мною задании (я не открывал никаких секретов, так как в состав правительства, принявшего это решение, входили два коммуниста). Товарищи подтвердили, что такое решение действительно принято, и предупредили, чтобы при его выполнении я вел себя особенно осторожно. Мой рассказ о словах Приэто относительно моей «беспристрастности» вызвал общий

хохот, и товарищи рассказали, что на другом заседании Совета министров Приэто выступил против предложения назначить меня командиром корпуса, заявив, что я «применяю методы Панчо Вилья»[43].

Я отправился в Каспе, куда в тот же день начали прибывать части моей дивизии, а также приданный ей танковый батальон. 6 августа все воинские части были на месте. Свой командный пункт я расположил в Паласио де Чакон — в 4 километрах от Каспе — и стал подготавливать планы атаки, захвата (в случае необходимости) Каспе и отражения атак военных частей анархистов, если они их предпримут. 5 августа я посетил в Альканьисе полковника Санчеса Пласа, командира XII корпуса, которому официально была придана теперь моя дивизия. Этот визит преследовал две цели: обязательное представление, как старшему по чину, и выяснение, знает ли полковник что-либо о моей истинной миссии. У меня создалось впечатление, что ему об этом ничего не было известно. 7 августа был опубликован общий приказ о включении 11-й дивизии в состав XII корпуса, в котором после теплых фраз о ее заслугах говорилось:

> «Этим приказом я хочу выразить свое личное чувство и чувства всего XII армейского корпуса и отдать должное уважение 11-й дивизии. Мы должны самым возвышенным образом почтить всех ее командиров, офицеров, сержантов и солдат, павших в боях. Они служат нам примером и указывают путь, по которому мы должны пойти, когда Родина потребует этого от нас, иначе мы не будем достойными продолжателями дела павших!
>
> Я призываю вас поднять кулаки[44] и вместе со мной воскликнуть с волнением в сердцах: Да здравствует Испания! Да здравствует Республика! Да здравствует 11-я дивизия!
>
> *Командующий полковник Санчес Пласа».*

7 августа, приехав в Лериду, где находился командный пункт генерала Посаса, я информировал его о принятых мною мерах для выполнения задания, полученного от правительства, и спросил его, думает ли он, что эти меры достаточны. С ангельской наивностью он ответил, что я прибыл в Арагон только с заданием переформирования своих войск, а также для того, чтобы дать им заслуженный отдых. Я ответил, что такое объяснение существует для общего сведения, но не является истинным заданием и что он это знает. Однако генерал

продолжал твердить, будто ничего не знает. Мы сидели на террасе здания штаба. Прервав разговор, Посас вышел и спустя минуту вернулся в сопровождении советского военного советника и ординарца, несшего бутылку шампанского. Советский полковник спросил меня по-русски, о чем у нас шла речь. Я ответил, что генерал ничего не говорит о задании правительства. Советник сказал, что Посас знает об этом. Я вновь обратился к Посасу. Но командующий армией продолжал гнуть свою линию. Не вступая в дальнейшие разговоры, я сказал ему, что он может доложить министру о проведении подготовки к осуществлению правительственного решения, и, попрощавшись, уехал. Штаб Восточной армии возглавлял подполковник Антонио Кордон. Он был капитаном артиллерии в отставке, но, когда начался мятеж, немедленно стал на сторону Республики, и скоро ему начали поручать все более ответственные задания. На различных руководящих постах он проявлял себя человеком, умевшим разбираться в военных проблемах, обладал организаторскими способностями. В тот момент я очень мало знал Кордона, но все же пошел повидаться к нему домой — он был болен. На мой вопрос, знает ли Кордон о моей истинной миссии, тот ответил, что она ему известна, как и генералу Посасу.

10 августа в 11 часов вечера меня вызвал к телетайпу генерал Посас. Телетайп обслуживал Арагонский совет и военную комендатуру, но находился в руках персонала Совета. Когда я явился для переговоров, у телетайпа дежурила девушка лет двадцати пяти, которая и соединила меня с Посасом. После того как я назвал себя, командующий армией ограничился короткой условной фразой, сказав: «Завтра это выйдет». Я ответил ему: «Мой генерал, можете сообщить министру обороны, что все меры приняты. Артиллерия установлена, танки и пехота на своих исходных рубежах; если кто-либо двинется, я раздавлю их…» Сделанную мною паузу генерал использовал, чтобы сказать: «Хорошо, хорошо, желаю удачи…» На этом наша связь прервалась. У дежурной я потребовал ленту с записью разговора; она ответила, что лента должна остаться в архиве. Но я решительно повторил требование, и она отдала мне ленту. Уходя, я сказал одному из сопровождавших меня офицеров, чтобы он понаблюдал, пойдет ли девушка в помещение Совета. Это действительно произошло спустя три минуты после нашего ухода. Был дан сигнал тревоги, и началось беспорядочное бегство членов «анархистского правительства» и их соратников. Одного за другим их ловили на установленных нами на дорогах контрольных пунктах, в 3–4 километрах вокруг Каспе. План психической атаки, осуществлявшийся на протяжении нескольких

дней, — маневры пехоты в окрестностях Каспе с артиллерийской стрельбой, прохождение батальона танков по улицам Каспе, причем на танках демонстративно вращались пушечные башни; движение моторизованных сил и т. п. — дал свои результаты. Ненавистный народу Арагонский совет развалился без единого выстрела. И когда на следующий день, 11 августа, декрет о его роспуске появился в правительственном вестнике, Совета уже не существовало. Всех министров «анархистского правительства» (за исключением председателя Аскасо, еще днем уехавшего в Валенсию), как и четырех членов национального комитета СНТ, арестовали при попытке к бегству. Контрольные пункты всего арестовали только 120 человек, остальные были освобождены.

На следующий день я получил приказ Рохо явиться в Валенсию. Когда я прибыл, он сказал мне, что министр уже ожидает меня и что Приэто взбешен. Как и в первый раз, Рохо проводил меня до кабинета Приэто. Но теперь министр не улыбался, не коснулся моего плеча и не предложил сесть. Он стоял посреди комнаты и, пустив в ход все свои комедиантские способности, начал кричать и ругать меня так, чтобы тридцать — сорок человек, находившиеся в приемной, слышали его: «Что вы наделали в Арагоне? Вы убили анархистов! И теперь они требуют вашей головы. Я должен ее им выдать или — начать новую гражданскую войну!» Я дал ему возможность разыграть эту комедию до конца и, когда Приэто замолк на секунду, чтобы перевести дыхание, еще громче, чем он, — чтобы меня тоже слышала публика в приемной — ответил: «Господин министр, прошу извинить меня за то, что не выполнил ваших указаний относительно расстрелов анархистов; дела сложились так, что не было необходимости применять какие-либо крайние меры. Арестовано сто с лишним человек. Они будут преданы суду или освобождены, как вы прикажете». В этот момент Приэто выбросил свой главный козырь: «В кабинете Сугасагойтии, министра внутренних дел, — сказал он, — в настоящий момент находится делегация национального комитета СНТ, утверждающая, что четыре члена национального комитета убиты и их трупы обнаружены на дороге Каспе — Альканьис и что СНТ готовит всеобщую забастовку».

Это ложь, ответил я, члены национального комитета арестованы, но не расстреляны. Все сказанное мною можно проверить на месте. Приэто позвонил по телефону Сугасагойтии и передал ему мои слова. Министр внутренних дел повторил, что находящаяся в его кабинете делегация СНТ утверждает противоположное, особенно в отношении «расстрелянных». Представители СНТ как раз, видимо, и жалели о том, что

мниморасстрелянные в действительности оказались в живых и находятся в руках 11-й дивизии. Наконец договорились, что я отдам приказ освободить всех арестованных. Приэто дал мне распоряжение тут же составить приказ и велел Рохо отправить его по назначению. Так и было сделано. Но приказ я составил таким образом, чтобы начальник моего штаба понял: выполнять его до моего возвращения не следует. Я хотел, освобождая анархистов, принять все меры, чтобы их не расстреляли другие, взвалив за это ответственность на 11-ю дивизию.

13 августа всех арестованных освободили, а здания, находившиеся во власти «анархистского правительства», перешли в распоряжение комитета Народного фронта.

Приэто ненавидел анархистов, но не меньше ненавидел и коммунистов. В отношении перспектив исхода войны он был пораженцем. Если бы его арагонский план удался, он одним выстрелом убил бы двух зайцев: вызвал новую гражданскую войну между коммунистами и сенетистами[45]. Приэто сделал бы все возможное, чтобы обе организации уничтожили друг друга и таким образом, по его представлению, был бы положен конец войне. В сущности, Приэто был предшественником Касадо и компании. Если бы его план восторжествовал, единственное, чего бы он добился, был бы разгром Республики на два года раньше, чем этого добились касадисты. Приэто полагал, что лучшим инструментом для осуществления его плана могла стать 11-я дивизия во главе со мною. Но этот план сорвался.

Вернемся, однако, к Арагонскому совету, его созданию и деятельности. Сразу же, как только начался фашистский мятеж, анархисты создали комитет, именуемый «Комитетом нового социального устройства Арагона, Риохи и Наварры», и провозгласили в этих районах «анархистский коммунизм». Комитеты СНТ превратились в органы власти «анархистской коммуны», наделенные «законодательной» и «исполнительной» властью, включая право выпуска денежных знаков в каждой местности с печатью комитетов СНТ. На первом этапе конфедеральные «деньги» — обязательные для всех — появились в виде сертификатов в одну, две, три, десять песет. Такой «операцией» анархисты обделали кругленькое дельце, выменяв у населения на свои «сертификаты» республиканские деньги, обращение которых запретили, и присвоив их: это был попросту грабеж.

На своей региональной конференции 12 августа 1936 года СНТ одобрил все, что сделали его комитеты в первый месяц «революции», то есть мероприятия этого первого «анархистского правительства»: общую коллективизацию, роспуск комитетов

Народного Фронта, запрещение политических партий, объявленных вне закона, террористические преследования их активистов.

После полного провала первого анархистского «государства» ФАИ и СНТ решили усовершенствовать формы «правления» и органы власти и создали Арагонский совет под председательством известного фаиста Хоакина Аскасо. Это «правительство» было признано Ларго Кабальеро законным. В нем имелись министерства («консехериас»): обороны, общественного порядка, снабжения, финансов, общественных работ, транспорта, коллективизации, сельского хозяйства, здравоохранения, социального обеспечения, культуры и юстиции. Всего в Арагонском совете было двенадцать министров. Жалование они получали такое же, как министры Басконии и Каталонии.; Когда совет был распущен, у Аскасо оказался заранее подготовленный декрет о создании, в рамках совета, «президентской палаты», которая должна была присвоить ему ранг президента Республики. Эти «враги» почестей и различий между людьми насаждали в Арагоне наиболее зверские различия между правителями и управляемыми. Аскасо и его министры жили и разъезжали с большим аппаратом и большей пышностью, чем древние арагонские короли. Каждая поездка Аскасо в Барселону, Валенсию или Мадрид представляла впечатляющее зрелище: десятки роскошных автомобилей, банкеты. Все было в изобилии… за исключением достоинства. Богатства, похищенные в Арагоне и проданные за границей, как, например, шафран, давали средства для такой жизни. На личных счетах этих людей в зарубежных банках накапливались огромные суммы.

Когда 11-я дивизия прибыла в Арагон, рабочий люд там жил в условиях нечеловеческой тирании. Во время «Анархистской республики» народ Арагона пережил террор, организованные преступления, грабежи и другие действия, направленные против рабочих и крестьян. «Враги» всякой диктатуры установили в Арагоне режим, которому могли позавидовать самые реакционные правительства. «Министерство общественного порядка» Арагона, скрывавшееся под названием «консехерия по расследованиям», широко применяло истязания и расстрелы «при попытке к бегству».

Трудно сказать, какой из населенных пунктов Арагона страдал больше: всюду свирепствовал террор, преследовали тех, кто не покорялся диктатуре анархистов. При режиме «анархистского коммунизма» крестьяне жили неизмеримо хуже, чем до «анархистской революции». Для крестьян не существовало ни малейшей гарантии личной безопасности; достаточно было,

чтобы комитет решил «убрать» того или иного крестьянина или целую семью, как они внезапно исчезали, а комитет заявлял об их «переходе» к противнику, тогда как в действительности все они были убиты. Не один труп таких крестьян, «перешедших к противнику», был выкопан после роспуска Арагонского совета. Большая часть руководителей коммун не были ни арагонцами, ни крестьянами: они были грабителями, обычными наемными убийцами — «пистолеро». Многие из них скрывались в Арагоне после провала майского контрреволюционного путча в Барселоне. Их метод «руководства» заключался в «убеждении» пистолетом, тюрьмой, концентрационным лагерем, где работали по 10–12 часов в день, не получая ни сантима. А «переход к противнику» означал просто выстрел в затылок. В Арагоне существовало «анархистское государство», диктатура ФАИ, со всеми «государственными» и политическими средствами и методами, присущими наиболее свирепому буржуазному государству: собственными тюрьмами, концлагерями, каторжными работами и т. п.

Анархисты в Арагоне, как, впрочем, и в других местах, под видом коллективизации конфисковывали все: землю, орудия производства, скот (включая кур и кроликов), деньги, кольца, медали, продукты и вино для семейного потребления, все — до кастрюль и сковородок! Во время обыска в помещении организации анархистской молодежи в Альканьисе мы обнаружили в замурованной комнате 294 окорока, украденные у крестьян этого района. Мы передали их алькальду для возвращения владельцам. В другом месте было найдено множество продуктов, художественных произведений большой ценности, таких, как известный крест Вальдеробле стоимостью более миллиона песет, который также был похищен.

На наших фронтах мы всегда испытывали недостаток в оружии и боеприпасах. Но в Альканьисе обнаружили миномет, два станковых пулемета, 12 легких пулеметов, 51 винтовку, 3 автомата, 9 пистолетов разных калибров, все с соответствующим количеством патронов, и 93 ящика с ручными гранатами. Миномет и два станковых пулемета со множеством патронов и 1000 ручных гранат нашли в том же помещении, где и 294 окорока. Что касается остального оружия, то оно было закопано в огородах и укрыто в домах анархистов.

Эти факты, как и многие другие, мы обнародовали в самом Альканьисе и опубликовали в августовской и сентябрьской печати в 1937 году. В газетах того времени можно было прочесть выдвинутые нами обвинения, например: «В то время как на всех фронтах, в том числе и на Восточном фронте, не хватало оружия,

в его тылу имелось много оружия повсюду в руках тех, у кого не хватило смелости и отваги стрелять из него на фронте в захватчиков нашей родины; но зато они храбро стреляли в тех, кто не был согласен с их диктатурой…»

«Любое оружие, которое прячут в тылу, не оправдывает своего назначения, оно способствует предателю Франко и интервентам в нашей стране. Тот, кто прячет оружие, доверенное ему народом, и не использует его на фронте против врагов Испании, тот предатель и заслуживает, чтобы с ним обращались как с врагом. Оружие должно служить фронтам. В тылу нужны трудолюбивые руки, обрабатывающие землю, изготовляющие на фабриках и заводах продукцию, нужную тем, кто сидит в окопах. Только так ведется война. Так она ведется в Центре, на Севере и на Юге, но не так она велась в Арагоне. Здесь она была частным предприятием нескольких врагов трудового и антифашистского народа Арагона. Она была делом, из которого извлекали необычайные прибыли. Поэтому этот фронт не наступал, не боролся в унисон с другими фронтами, не проявлял того же беспокойства, той же смелости. Борьбы не было потому, что несколько верховодов не хотели менять сладкую и постыдную жизнь на жизнь в, героических окопах, полную достоинства!»

Почему же в то время анархисты не опровергали наши обвинения и не обвиняли нас в клевете на них? Потому, что все жители Альканьиса, Каспе и других арагонских населенных пунктов могли засвидетельствовать— все наши утверждения являлись чистой правдой. Легко понять, что при таком поведении анархистов нам не было необходимости их разгонять, поскольку преступления и грабежи, творимые ими, вызвали такую ненависть народа, что «Анархистское государство» само развалилось под ее тяжестью.

Крестьяне Арагона, пожилые мужчины и женщины (молодые были на фронте), могли сравнивать поведение анархистских дивизий с поведением командиров и солдат 11-й дивизии. Тринадцать месяцев население изнемогало от бесстыдства вооруженных негодяев, оскорблявших женщин, от нападений, грабежей; они видели тех, кто во время войны жил в роскоши. Но вот. пришли люди, которые в свободные часы, выдававшиеся во время героической борьбы или трудного дня военных учений, помогали крестьянам в полевых работах; крестьяне видели, как в период сбора оливок солдатские бригады помогали им спасти от гибели это национальное богатство. Трудящиеся Арагона впервые увидели, что оружие использовалось не для их угнетения, а для освобождения и защиты. Трудовой люд Арагона мог удостовериться, сколь глубока разница между дивизией

Народной армии, которой командовали коммунисты, и дивизиями, возглавлявшимися анархистами. Бесчинства анархистов, к несчастью, выпали на долю не только населения Арагона. Жители многих населенных пунктов — Куэнки, Кастельона, Валенсии — страдали от преступлений печально известной «Железной колонны». За этим звонким названием скрывались несколько тысяч злодеев с длинными бакенбардами и черно-красными платками. Они были очень храбры против невооруженных рабочих в тылу, но трусили как зайцы, сталкиваясь с вооруженным противником. Эта знаменитая анархистская колонна, не участвовавшая ни в одном бою с фашистскими войсками, на протяжении ряда месяцев господствовала во многих населенных пунктах Леванта, пока однажды рабочие Валенсии, возглавленные коммунистами, не выступили против нее и с оружием в руках не покончили с колонной так, как она того заслуживала, отправив на кладбище значительную часть ее «воинов» и рассеяв остальных.

С роспуском Арагонского совета мы не считали свою миссию законченной как в военном отношении, продолжая военно-политическое обучение частей, так и в политическом, устанавливая такой республиканский порядок и такие республиканские органы власти в Арагоне, какие существовали на остальной республиканской территории, обеспечивая трудящимся жизнь и работу в условиях свободы и демократии. В Каспе, Альканьисе и во многих других населенных пунктах мы разъясняли народу цели нашей борьбы. Бойцы 11-й дивизии помогали крестьянам в сельскохозяйственных работах. Из тюрем и концентрационных лагерей мы освободили сотни рабочих, крестьян и других антифашистов, в подавляющем большинстве членов УГТ и партий Народного фронта; единственным «преступлением» всех этих людей было неподчинение анархистской диктатуре. После роспуска совета генеральным губернатором Арагона был назначен Хосе Игнасио Монтекон, в то время левый республиканец и политический комиссар Гвадалахарского фронта, человек умный, динамичный, энергичный и смелый. С первого же дня мы прекрасно поняли друг друга и наши части оказали помощь в его сложной работе.

Мы прилагали усилия, чтобы установить контакт с теми частями Арагонского фронта, которыми командовали анархисты. Среди командиров этих частей были всякие люди: честные, искренние революционеры и разбойники типа Ортиса и других. Солдаты анархистских частей проявляли большую симпатию к солдатам 11-й дивизии, с чем командирам-анархистам приходилось считаться; сотни солдат дезертировали из

анархистских частей и переходили в 11-ю дивизию. Это ставило нас в неудобное положение. Я отправился к генералу Посасу с целью объяснить сложившуюся ситуацию. Он сказал мне, что уже знает об этом: анархисты жаловались ему на «нарушение» нами военной этики. Но, продолжал Посас, вы можете смотреть на их протесты сквозь пальцы, как это делаю и я, так как переход солдат в 11-ю дивизию показал, что это люди, желающие сражаться с врагом; возвращать их назад — значит, обречь на расстрел.

Мы продолжали нашу работу по усилению единства на фронте между настоящими антифашистами и укрепляли единство фронта с тылом. Благодаря хорошей работе в первую очередь комиссаров Альвареса из 11-й дивизии и Эхарке — анархиста из 25-й дивизии, а позже Аугусто Видаля, комиссара XXI корпуса, взаимоотношения с лучшей частью анархистов постепенно наладились, а худшие анархистские элементы оказались в значительной степени изолированными. Проводились общие митинги воинских частей и гражданского населения; устраивались футбольные матчи и другие спортивные мероприятия; совместные обеды, обмен делегациями и т. п. В этих актах — одни из них организовывала 25-я дивизия, а другие — 11-я дивизия — часто выступали Альварес и Эхарке, а также другие командиры и комиссары дивизий: Виванкос — анархист, командир 25-й дивизии, я, комиссар и командир корпуса Крессенсиано Бильбао, комиссар Восточной Армии и Антонио Кордон — начальник штаба армии; генеральный губернатор Арагона Монтекон, представители Народного фронта, партий и организаций, входивших в него, и местных властей. Эти массовые собрания обычно состояли из двух частей — политической и художественной.

Вместе мы отпраздновали 7 ноября — годовщину русской революции и обороны Мадрида. Большое собрание состоялось 8 ноября в театре «Олимпия» в Барселоне, где с речами выступили Крессенсиано Бильбао, Антонио Кордон, Аугусто Видаль, Виванкос, боец интербригады в качестве представителя 45-й дивизии, представитель CHT и я.

Хочу добавить, что во время войны я знал многих анархистов и членов CHT, среди них и военных командиров, способных, великолепных и дисциплинированных бойцов. В одних случаях мы были боевыми соратниками, в других они находились в моем подчинении. Многие из них входили в состав 11-й дивизии и по прибытии в Арагон были первыми, кто возмущался преступлениями своих бывших товарищей по организации.

Мои действия не направлялись против членов той или иной

политической организации, а только против тех, кто осуществлял политику и применял методы, наносившие вред борьбе народа против фашизма. Например, у секретаря регионального комитета Коммунистической партии в Арагоне Хосе Дуке были серьезные недостатки, недопустимые для коммуниста, и замашки анархиста. Когда Арагонский совет был распущен, Дуке решил, что силы 11-й дивизии поддержат его действия: он хотел взять реванш у анархистов. Я пригласил Дуке в Паласио де Чакон, в штаб своей дивизии. У нас состоялся длинный разговор; я советовал ему больше заботиться о проведении политики партии и не соваться, куда не следует. Я говорил ему, что партия может и должна проводить напряженную политическую работу по разъяснению обстановки и поддерживать мероприятия правительства. Такой была политика партии, и она осуществлялась в Арагоне региональным партийным комитетом, в который входила группа прекрасных товарищей. Из них я помню Исмаела Сина, Хесуса Асеро, Рамона Асина, Леонсио Ройо, Хосе Перухо. В конце концов Центральный Комитет партии отстранил Хосе Дуке от руководства региональным комитетом, а позже исключил его из рядов партии.

Как бы ни вопили анархисты, они не могут зачеркнуть свои чудовищные преступления в Арагоне и других местах. Они не могут свести на нет восхищение арагонского народа справедливыми действиями 11-й дивизии. Народ видел нас в действии. Он видел тех и других, и мы, как и тогда, находимся сейчас перед его судом.

Теперь перейдем к военным операциям, происходившим в августе и сентябре 1937 года.

Республиканское наступление в Арагоне

Целью операции было взятие Сарагосы, а также попытка заставить противника перебросить на этот фронт войска, наступавшие на Сантандер. Обстановка там была еще тяжелее, чем в период нашего Брунетского наступления. Месяц передышки, который имел Северный фронт благодаря осуществлению Брунетской операции, не был там использован должным образом. Единое республиканское командование продолжало «блистать» своим бездействием. Что же касается политической обстановки, то существовавшие на Севере различные комитеты и маленькие правительства действовали каждое по своему усмотрению. Все это делало еще более тяжелой борьбу бойцов на фронте, сражавшихся с противником, который

обладал подавляющим превосходством в людях и вооружении.

Главной зоной операции были выбраны районы Зуэра — Вильямайор дель Гальего на севере реки Эбро и Кинто — Бельчите на юге.

Для проведения операции были созданы четыре группировки войск.

Группировка А: в составе 27-й дивизии, одной бригады 28-й дивизии, инженерного батальона, двух танковых рот, 12 бронемашин и 14 артиллерийских орудий. Группа выходила в 2 часа ночи из зоны своего сосредоточения, в 5 километрах севернее Зуэры, и из других пунктов сектора. Она должна была выйти с моторизованной группой к Сарагосе и прибыть туда к вечеру, заняв ряд объектов, предусмотренных планом. Группировка В: в составе 45-й дивизии, одной бригады 26-й дивизии, инженерного батальона и 10 арторудий. Она выходила в 4 часа утра 24 августа из пункта сосредоточения в Фарлете-Пердигора и после взятия Вильямайор дель Гальего и Санта Исабель должна была бросить моторизованную группу на Сарагосу, действуя там совместно с группировкой А в захвате объектов, указанных последней. Группировка С: в составе одной бригады 45-й дивизии, одной бригады 26-й дивизии и инженерной роты выступала в 4 часа утра 24 августа из окрестностей деревни Пина, переходила вброд Эбро, занимала станции Пина и Эрмита де Бонастре, а затем следовала по дороге в Кинто с целью закрепиться на 39-м километре этой дороги. Группировка Д: в составе V армейского корпуса, дивизий 11-й, 35-й и дивизии Тораля, одной бригады 31-й дивизии, одной кавалерийской бригады, 45 танков, 15 бронемашин, 35 арторудий, 22 противотанковых пушек, 12 зенитных орудий и 2 инженерных батальонов; Кроме этого, группировке придавались одна бригада 25-й дивизии, занимавшая фронт в месте, указанном для начала атаки, артиллерия и другие средства XII армейского корпуса, находившиеся в том секторе.

Группировка Д являлась главной. Входившие в нее части должны были действовать следующим образом: 100-я бригада 11-й дивизии с кавалерийской бригадой захватывает Фуэнтес де Эбро, Роден и Медиану; дивизия Тораля берет Кодо и изолирует Бельчите с севера и востока; затем 35-я дивизия, окружив Кинто, должна направить под прикрытием идущих впереди танков две другие свои бригады на грузовиках по очищенной с флангов территории для захвата Эль Торреро и к вечеру войти в Сарагосу, одновременно изгнав неприятеля из ряда пунктов, указанных в оперативном приказе.

Силы, атакующие деревню Кинто, должны были взять ее 25

августа. Что касается 100-й бригады 11-й дивизии и 4-й кавалерийской бригады, то они должны были, взяв Фуэнтес де Эбро, Роден и Медиану, занять Бурго де Эбро и Торресилья де Вальмадрид, а к концу дня 25 августа достигнуть линии Сарагоса — Кадретес.

В 10 часов вечера 23 августа 100-я бригада и кавалерия под командованием майора Риваса и комиссара Рамиреса выступили с места своего сосредоточения, примерно в 8 километрах севернее Асайлы, и двинулись к указанным им целям.

К 9 часам утра 24 августа 100-я бригада и кавалерия прибыли к Фуэнтес де Эбро, взяв на своем пути вершины Корнеро и ла Тоскета. Большая часть кавалерийской бригады, не имевшей боевого опыта, попав в темноте под огонь противника, бежала в полном беспорядке.

100-я бригада с марша атаковала Фуэнтес де Эбро. Но ее атака была отбита. 1-я бригада под командованием майора Качо и комиссара Севиль и 9-я бригада, возглавляемая майором Монтальво и комиссаром Барсиа, с приданными им танками, бронеавтомобилями, артиллерией и т. д., должны были начать движение на рассвете. Прождав грузовики до 7 часов, мы пустились в путь пешком, по тропе, параллельной главному шоссе, ведущему к Фуэнтес де Эбро. Примерно час спустя появились грузовики и автобусы. Мы сели в них и к 12 часам дня оказались вблизи Фуэнтес де Эбро. Дальше двигаться на машинах было невозможно, и войска снова пошли пешком.

Основная цель заключалась в том, чтобы отвлечь на Арагонский фронт силы и средства противника с фронта под Сантандером. Для этого необходимо было наступать с максимальной стремительностью и смелостью на Сарагосу, взять ее или, по меньшей мере, создать непосредственную угрозу ее захвата. Одно из условий быстрого взятия Сарагосы состояло в том, чтобы не задерживаться на пунктах сопротивления, встречавшихся на пути: они должны были изолироваться и подавляться позже.

Придерживаясь этой идеи, я оставил два батальона 100-й бригады перед Фуэнтес де Эбро с задачей окружить ее и не дать противнику направлять через нее подкрепления частям, оборонявшимся в Кинто. Капитан Миная, герой Брунете и других боев, проник в тыл врага и взорвал железнодорожную линию, помешав шедшему из Сарагосы бронепоезду прорваться к частям противника, окруженным в Кинто. Против Родена и Медианы я бросил два батальона; в тот же день они захватили Роден. Другие шесть батальонов продолжали движение к Сарагосе. Они перерезали шоссе Сарагоса — Бельчите, и их авангарды подошли

близко к Эль Бурго де Эбро, расположенному в 12 километрах от Сарагосы.

Положение 11-й дивизии к концу первого дня было следующим: два батальона, стоявшие перед Кинто, только к вечеру были сменены частями 35-й дивизии и смогли присоединиться к своей бригаде; другие два батальона атаковали Фуэнтес де Эбро, в 17 километрах в тылу противника; а еще два батальона, после взятия Родена, наступали на Медиану, взяв ее на следующий день; шесть батальонов наступали на Сарагосу — их авангарды вышли на высоты к югу от Эль Бурго де Эбро, в 14 километрах от этого города. Это означало, что лишь за один день, когда одна из ее бригад совершила труднейший переход по пустынным хребтам и неизвестным дорогам, при удушающей жаре, в тучах пыли, страдая от жары и усталости, солдаты тащили на себе оружие и боеприпасы, 11-я дивизия вклинилась в расположение противника на 30 километров и ее части растянулись на этом пространстве. Таким образом, силы 11-й дивизии, чей численный состав не превышал 7000 человек, оказались разбросанными и не имели возможности продолжать продвижение вперед.

Кинто и Кодо, остававшиеся в нашем тылу, были нами полностью заняты в ночь с 25 на 26 августа.

В эти дни противник усиливает свой фронт у Фуэнтес де Эбро — соединение шоссе у Медианы — Эль-Бурго де Эбро несколькими батальонами, артиллерией и саперами.

27 августа я отвожу свои авангарды, приблизившиеся к Эль Бурго де Эбро, и все мои части занимают фронт Фуэнтес де Эбро — участок шоссе Эль-Бурго де Эбро — Медиана и северо-восточнее, от Салады до северных хребтов Сабины.

С этого дня до падения Бельчите — 6 сентября — большая часть сил 11-й дивизии отражает контратаки противника на фронте севернее Салады — шоссе Эль Бурго де Эбро — Медиана. Желая помочь своим частям, окруженным в Бельчите, противник атаковал нас крупными силами в направлении шоссе на Медиану. В то же время 11-я дивизия продолжала атаковать Фуэнтес де Эбро, гарнизон которой был значительно усилен противником. В конце концов после двух недель кровопролитных боев этот населенный пункт остался в руках франкистов.

На Севере первые три группировки войск после ожесточенных боев заняли некоторые из указанных в плане операции объектов, а в других местах были отброшены. Но линия фронта в результате этого заметно не изменилась.

После взятия нами Бельчите сражение постепенно затихало, хотя на протяжении всего сентября продолжались бои местного

значения, особенно на севере Эбро.

Оперативный план во многих аспектах напоминал план Брунетской операции. Сходными были распределение целей между частями, участвовавшими в операции, количество сил — около 80 тысяч человек — и. средства поддержки. Похожей была и схема развертывания войск. То же можно сказать и в отношении допущенных ошибок.

В Сарагосской операции использовались силы, достаточные для взятия города или, по крайней мере, для того, чтобы заставить Франко остановить свое наступление против Сантандера, захваченного им позднее — 26 сентября. Но здесь вновь повторились ошибки, о которых я упоминал, описывая другие сражения: одна ошибка заключалась в стремлении овладеть многими объектами, что приводило к распылению сил; вторая ошибка — стремление к захвату второстепенных объектов, при ослаблении усилий на главном направлении.

Имело ли для нас какое-либо значение взятие Кинто и Бельчите, особенно последнего, где мы растратили все свои резервы? Нет, не имело! И несмотря на это, на протяжении ряда дней там были скованы несколько наших дивизий. В то же время между Кинто и Бельчите имелся разрыв в 30 километров, защищенный очень небольшим числом войск противника, что давало возможность без задержки двигаться к основной цели — Сарагосе. Наши авангарды находились в 14 километрах от нее, и фалангистов охватила паника.

Наступление, несомненно, вначале развивалось успешно. Идея операции против Сарагосы была правильной, а ее захват абсолютно возможен. Паника фалангистов в Сарагосе была весьма сильной, и если бы наши войска приблизились к городу, они вынудили бы противника в беспорядке бежать оттуда. И тогда, почти наверняка, Франко снял бы свои части из-под Сантандера. Но прошли первые моменты паники, и, видя, что мы повторяем ошибку сражения под Брунете (бросились на Бельчите, как тогда на Кихорну и другие пункты вместо того, чтобы двигаться вперед), — Франко предпочел пожертвовать этим городом и его гарнизоном и не приостановил свое наступление на Сантандер.

Можно изобретать всевозможные домыслы о неспособности нижестоящих командиров маневрировать на поле боя; в этой операции они действовали правильно, но не могли исправить ошибки высшего командования и взять объекты, не имея для этого достаточных сил.

Кровавая дань, принесенная нашей дивизией, не была столь большой, как в Брунете, но в числе других мы потеряли такого

человека, как капитан штаба дивизии Хуан Лопес. Он был ветераном нашей борьбы, обладал большим боевым опытом и ненавидел фашизм. Лопес сражался на всех фронтах, где сражалась дивизия, совершая героические подвиги, и погиб, бросившись во главе горстки людей на ликвидацию прорыва, угрожавшего нашим важным позициям. Имя Лопеса навсегда останется в сердцах тех, кто его знал.

В боях пал и майор Армента — командир батальона. С первых дней войны он был на фронте, участвовал в обороне Мадрида, а затем во всех боях 11-й дивизии. Погибли капитаны Рафаэль Браво, Феликс Бойно, которому удалось бежать из Хака, чтобы присоединиться к нашей армии; Донато Ортис, сержант Хуан Пардо; комиссары Анхел Пулидо и Ортис де Сарате и еще шесть ветеранов.

Ранен был капрал Хуан Агудо Алькала. В атаках на Фуэнтес де Эбро он проявил героизм, захватив пулемет противника и уничтожив вражеский расчет. Его трое братьев, также сражавшихся в 11-й дивизии, погибли в предыдущих боях.

В этой операции вновь отличился инструктор ХСУ в 11-й дивизии Мелкесидер Родригес Чао (Мельке), проведший после окончания войны более 20 лет во франкистских застенках и теперь, когда я пишу эти воспоминания, томящийся в тюрьме в Западной Германии.

Я не хочу заканчивать рассказ об этом сражении, не сказав о действиях нашей авиации, сыгравшей важную роль, особенно в первые дни боев. Она не только поддерживала продвижение различных групп наших войск, но бомбила и неоднократно обстреливала из пулеметов части противника на марше и его центры сопротивления, а также аэродромы, главным образом в Сарагосе.

К 10 сентября дивизия была сменена. Мы вернулись в Альканьис, где находился штаб XXI корпуса. В состав этого корпуса входила теперь 11-я дивизия. Командиром корпуса был полковник Касадо. Разместив части в окрестностях Альканьиса, мы начали усиленную военную и политическую подготовку к новым боевым действиям. Но анархисты не могли допустить, чтобы люди 11-й дивизии оставались в Альканьисе, и я получил от Касадо приказ перевести бригады в отдаленные деревни. Я старался объяснить Касадо, что это повредит боевой подготовке войск. Но он не отменил приказа, и тогда я откровенно сказал ему, что, поскольку речь идет о политической акции, навязанной анархистами, отказываюсь выполнить его приказ. Со своей стороны Касадо пригрозил отстранить меня от командования и обратился с этим предложением к Генеральному штабу. Но там

его интригу не поддержали, с должности меня не сместили и не обязали выполнять приказ Касадо.

Поскольку об этом скандале узнали многие, комиссар 11-й дивизии Альварес и комиссар XXI корпуса Видаль организовали обед, на котором присутствовали Касадо, я и другие командиры. Там было решено провести митинг для воинских частей и гражданского населения, на котором нам обоим предстояло выступить. Митинг состоялся 17 сентября на арене для боя быков в Альканьисе. Арену до отказа заполнили бойцы 11-й дивизии и гражданское население. Помимо нас и комиссаров XXI корпуса и 11-й дивизии, выступали представители различных организаций и партий. В своей речи Касадо сказал:

> «Товарищи! Правительство Республики доверило мне командование XXI армейским корпусом. Я не могу скрыть своего удовлетворения тем, что корпус состоит из трех дивизий. Ударных дивизий! Одна из них — славная 11-я дивизия — создана из людей, вышедших из самых глубин народа, и ею командует такой командир, как Энрике Листер, известный далеко за пределами нашей страны.
>
> С первых дней я видел, как Листер, вышедший из народных масс, благодаря своему уму и храбрости достиг поста командира дивизии. Я уверен, что с 11-й дивизией, ее дисциплиной и высоким боевым духом, столь характерными для нее, мы уничтожим угрожающее нам ярмо. Мы вместе пойдем сражаться, и я говорю вам, что отдам свой разум, свою волю, чтобы вместе с вами разбить врага».

Прекрасные слова, если бы они были искренними! Но произнося их, Касадо думал о том, как уничтожить нас, коммунистов, то есть о том, что он позже и сделал вместе со своими единомышленниками.

11 октября началось другое наше наступление в секторе Фуэнтес де Эбро — Медиана — гора Сильеро. Выступив из Медианы, 11-я дивизия должна была атаковать противника в направлении Сабины — Торресилья де Вальмадрид и далее на Север. Основной удар должен был наноситься от Фуэнтес де Эбро, где было сосредоточено 40 новых, только что полученных нами, танков. Но из-за неправильного использования половина их была уничтожена или захвачена противником. Это была одна из самых непродуманных операций за всю войну. Ясно, что в результате предыдущего наступления мы приблизились к Сарагосе, и завоеванные позиции могли стать хорошей отправной базой для

нового наступления. Но не следовало спешить. Противник серьезно укрепился и сосредоточил достаточно сил, чтобы отразить любую попытку нашего наступления, в котором использовались столь ограниченные средства. Это был «гениальный план» Приэто, осуществленный Касадо, для которых ничего не значила жизнь наших людей; вернее, им было важно максимально ослабить наши силы, чтобы вынудить нас капитулировать перед противником как можно раньше.

Во время этой операции была расформирована из-за своего трусливого поведения в боях 21-я бригада и два ее батальона влились в 11-ю дивизию. Вместе с комиссаром и несколькими командирами из дивизии я провел собрание с личным составом этих двух батальонов. Мы хотели понять, в чем причины того, что они пускаются в паническое бегство, едва увидев противника. Одна из причин стала ясной с первого же взгляда: небритые, нестриженые, в рваном обмундировании, грязные, вшивые… Они рассказали, что почти никогда не ели горячей пищи, питались консервами; медицинское обслуживание было в катастрофическом состоянии; на протяжении более полугода им не платили жалованье; долгое время они не получали ни отпусков, ни писем и ничего не знали о своих семьях; не видели газет, с ними не велось никакой политической работы. Командиры этих двух батальонов, слушая, какую картину рисовали нам их солдаты, не поднимали глаз от земли.

Разговор происходил в глубоком овраге, невдалеке от передовой линии. Пока мы разговаривали, санитарная служба устанавливала души, через которые затем прошли рота за ротой. Каждый получил смену нижнего белья, форменное обмундирование, обувь и т. д. Казначей приготовил деньги и выплатил каждому все, что ему было положено. Затем был составлен список женатых для предоставления отпусков на несколько дней. В заключение комиссары в коротких выступлениях рассказали о нашей дивизии. Мы расформировали оба батальона, распределив людей между тремя бригадами 11-й дивизии. Их поведение в дальнейшем могло служить хорошим примером для других. Многие стали капралами, сержантами и офицерами.

Командный состав 21-й бригады состоял из профессиональных офицеров и ополченцев, но те и другие являлись постыдным образцом того, какими не должны быть командиры Народной армии.

Это неудачное, второе по счету, наступление на Сарагосу закончилось спустя десять дней после его начала. 11-я дивизия была сменена и переведена в район Каспе — Маелья. Немного

позже ее изъяли из подчинения XXI армейского корпуса и перевели в район Кастельоте в провинции Теруэль. Там 20 ноября я женился.

Глава восьмая
Сражение за Теруэль
(декабрь 1937 — февраль 1938 года)

Первая фаза. Противник застигнут врасплох. Почти без потерь мы за несколько часов окружили Теруэль. — Наступление противника на Мадрид сорвано. Вторая фаза. Сражение на изматывание. — Некоторые выводы. — Повторяются уже известные ошибки.

7 декабря Рохо вызвал меня в свой штаб и сообщил о решении предпринять наступление на Теруэль; детали, сказал он, будут мне сообщены через 3–4 дня, а пока я должен переместить свои силы в район Орриос — Альфамбра — Эскорихуэла. Рохо также сказал мне, что из 11-й и 25-й дивизий формируется XXII армейский корпус под командованием подполковника Ибаррола. 11 декабря Рохо вновь вызвал меня в Вильяльба Баха, откуда мы вместе поехали в Альтос де Селадас. Там он объяснил мне операцию в целом и более конкретно задачу XXII армейского корпуса, будущее поле действий которого было видно как на ладони с места, где мы находились.

В ночь с 11 на 12 декабря я отправил в разведку отряд, который прошел между деревнями Конкуд и Каудет и, продвинувшись дальше Сан Власа, вернулся с важными сведениями об организации вражеской обороны в этом секторе. Проанализировав все полученные данные, мы разработали план действий 11-й дивизии в рамках планируемой операции. Этот план состоял в том, чтобы ночью незаметно проникнуть в расположение противника и на рассвете неожиданно атаковать его.

13-го утром с командирами бригад, начальниками родов войск и служб я отправился в Альтос де Селадас, где объяснил им боевую задачу дивизии, а также план действий каждой из бригад. Во второй половине дня командиры бригад довели это до сведения своих подчиненных. В тот же день, 13 декабря, я получил оперативный приказ из штаба армейского корпуса.

Суть этого боевого приказа, коротко говоря, заключалась в следующем: взятие Теруэля и одновременно срыв наступления на Мадрид, которое готовил противник.

План операции был таким.

Северная группа — XXII армейский корпус, состоявший из 11-й и 25-й дивизий, наступает на Конкуд, прорывает фронт

противника, после чего 11-я дивизия должна подойти к Сан Бласу, захватив его, соединиться с XVIII армейским корпусом и перейти к обороне на линии Конкуд — Сан Блас; 25-я дивизия атакует Теруэль с севера.

Центральная группа — XX армейский корпус (40-я и 68-я дивизии) атакует Теруэль с юго-востока.

Юго-восточная группа — XVIII армейский корпус (34, 64 и 70-я дивизии и две бригады 41-й дивизии) прорывает фронт противника в направлении Кампильо— Сан Блас. Позже 64-я дивизия организует оборону на линии Сан Блас — Лаос, а 34-я и 70-я дивизии продолжают наступление на Теруэль с запада.

Наконец, согласно переданного мне Ибарролой приказа штаба Армии Леванта, руководившего операцией, 11-я дивизия должна участвовать в атаке, как и другие части, утром, после назначенных на 8.30 артиллерийской подготовки и авиационной бомбардировки Конкуда.

Ночью 13 декабря я представился Ибарроле и объяснил ему свой план действий 11-й дивизии. Он не согласился с ним и сказал, что это безумие, создастся путаница, противник выиграет время и к рассвету мобилизует свои резервы.

Поскольку мы не достигли согласия, то договорились, что о наших расхождениях он доведет до сведения Рохо. Приехав на следующий день на мой командный пункт, Ибаррола сообщил, что Рохо согласился дать мне возможность осуществить этот план, уже известный ему в целом и включенный им в общий план операции.

Когда произошел мятеж, Хуан Ибаррола был капитаном Гражданской гвардии. Верный своему слову, он выступил против мятежников. Впервые я встретился с Ибарролой после нашего поражения на Севере, где он сражался все время. В конце ноября он приехал ко мне в Кастельоте с моим старым другом Кристобалом Эррандонеа. Впечатление об Ибарроле, сложившееся у меня на протяжении недели, проведенной им в моем штабе, было самым лучшим. Он не только не скрывал своих глубоких католических убеждений, но ясно и откровенно защищал их. Своим простодушием и сердечностью Ибаррола быстро завоевал наше уважение. Это уважение стало еще глубже через две недели, когда мы наблюдали его храбрость перед лицом врага и его дружелюбие и лояльность в отношении подчиненных. Наше боевое сотрудничество длилось лишь то время, пока осуществлялась первая фаза сражения за Теруэль, но оставило во мне одно из лучших воспоминаний.

Как можно видеть из этих мемуаров, почти все боевые действия сил, которыми я командовал, в операциях от

Гвадалахары до Эбро начинались ночью. Но это не значило, что я предпочитал такую форму боя, часто в этом была необходимость. Ночной бой был «боем бедных».

Дело в том, что противник хорошо закреплялся на местности, умело организовывал огневую систему; во время боя его командный состав во всех эшелонах находился на своих местах, а солдаты стойко удерживали позиции. Чтобы преодолеть все это, недостаточно было одного героизма. У нас не хватало боевых средств: мощного огня артиллерии, бомбардировочной авиации, то есть того, в чем мы нуждались на протяжении всей войны. Поэтому приходилось использовать момент внезапности, чтобы сберечь людей и добиться максимального успеха.

Ясно, что для ночных боевых действий необходимы большая выдержка и маневренность, натренированные, дисциплинированные войска. Да и сама операция должна быть хорошо подготовлена. Каждый командир — от самого высшего до самого низшего — должен прекрасно знать свою боевую задачу и своих соседей с обоих флангов, спереди и сзади. Нужно большое обоюдное доверие: командира к подчиненным и подчиненных к своему командиру. Солдаты и командиры должны быть уверены, что их не бросят в авантюру, что бой хорошо продуман, хорошо подготовлен и что командование приняло все меры для обеспечения успеха.

Подразделения 1-й бригады 11-й дивизии, 45-я и 46-я дивизии, как показали сражения на Эбро, соответствовали этим требованиям.

Но вернемся к моему плану. В полночь с 14 на 15 декабря войска начали движение. Вскоре они прибыли в Лос Альтос де Селадас, где проходила наша первая линия, и, не задерживаясь, двинулись вперед, в юго-западном направлении. Войска быстро вышли на равнину и проникли, как это предусматривалось планом, в расположение противника, между Конкудом и Каудетом. В центре, между Конкудом и Каудетом, в направлении на юго-запад наступала 9-я бригада, имевшая задачу захватить Сан Блас и соединиться там с частями XVIII корпуса, наступавшего во встречном направлении, то есть на северо-восток. Командовали бригадой Хоакин Родригес и комиссар Гарсиа. Немного правее наступала 100-я бригада под командованием Риваса и комиссара Рамиреса; ей предстояло создать надежную линию обороны против атак противника, если тот попытается поддержать свои войска, оставшиеся в теруэльском мешке. Уступом и немного левее 100-й бригады наступала 1-я бригада под командованием Качо и комиссара Севиля; она должна была захватить Конкуд, а затем перейти в

резерв дивизии.

Задача, поставленная перед 11-й дивизией, была далеко не легкой. Для ее выполнения требовались смелость и быстрота. От действий 11-й дивизии зависел исход всей операции. Окружение нами Теруэля вынудило бы противника бросить силы на помощь своим войскам и тем самым отказаться от подготавливаемого наступления на Мадрид.

Люди 11-й дивизии понимали необходимость действовать оперативно и смело. В 5 часов утра части 9-й бригады атаковали деревню Сан Блас и быстро овладели ею, захватив 165 пленных и много трофеев. Взяв Сан Блас, войска занялись очисткой этой зоны От противника, отправив одновременно разведывательный дозор в направлении Кампильо, откуда Должны были наступать войска XVIII корпуса. С ними нам надлежало соединиться в Сан Бласе. Наши солдаты продвигались по территории противника, захватив менее чем за четыре часа все намеченные объекты на протяжении более чем 10 километров.

В свою очередь 100-я бригада, быстро миновав участок железной дороги и шоссе Теруэль — Сарагоса (они шли почти параллельно и являлись единственными путями, связывавшими город с франкистской зоной), вышла на рубеж окружения, стремясь продвинуться как можно дальше на север. 1-я бригада отклонилась от заданного направления и потому не взяла вовремя указанные объекты. Вместо того чтобы атаковать Конкуд с тыла, она оказалась перед фронтом, и противник, хорошо укрепивший свои позиции, заставил бойцов бригады залечь под ураганным огнем автоматов и артиллерии. Фактор внезапности был упущен, и не оставалось другого выхода, как попытаться взять этот населенный пункт лобовой атакой. В 7.30, после артиллерийской подготовки, под прикрытием 1-го танкового батальона, которым командовал майор Энрике Кондес и который действовал превосходно, солдаты 1-й бригады бросились в атаку и заняли первую линию укреплений противника. Бой продолжался весь день, с наступлением вечера солдаты 1-й бригады под командованием командира Качо и комиссара Севиля штурмовали деревню и полностью овладели ею, захватив около 200 пленных, батарею 7,5-миллиметровых пушек, вооружение и другие трофеи. Наши потери были невелики. За весь первый день боя 11-я дивизия потеряла убитыми трех бойцов и около сотни раненых — почти все из 1-й бригады.

Как я уже говорил, 1-й бригадой командовал майор Качо. К началу мятежа он был армейским капитаном. С первого же дня войны Качо стал на сторону народа. Это был способный и храбрый человек, быстро завоевавший доверие, любовь и

уважение своих товарищей и подчиненных. Одной из первых в Конкуд ворвалась Симона Гринченко, переводчица советского военного советника. Ей было 19 лет, и она проявляла исключительную отвагу, предпочитая быть во время боя на передовой, чем сидеть в, штабе. Этим она порой ставила в затруднительное положение и нас, и особенно своего начальника полковника «Чайкина», который в тот день устроил ей основательную головомойку. Но так как Симоне в высшей степени симпатизировали, полковнику не оставалось ничего другого, как простить ее.

В первый день боя 25-я дивизия продвинулась слева от нас на один километр, преодолев укрепленную линию противника. XVIII корпус, несмотря на энергичные атаки, предпринимаемые им на протяжении всего дня, вынужден был отложить штурм Кампильо на следующий день. Под вечер 16 декабря части корпуса установили контакт с 11-й дивизией вблизи Сан Бласа и таким образом окружили около 18 тысяч бойцов противника (позднее в руинах Теруэля наши части обнаружили 4000 раненых и похоронили несколько тысяч убитых). Кроме этих войск в городе находилось до 20 тысяч человек гражданского населения. XX корпусу, как ни старался он атаковать противника, в первый день прорвать вражескую оборону не удалось.

В следующие дни кольцо вокруг Теруэля смыкалось все больше и больше. Части противника, цепляясь за различные позиции, отступали к городу; 8 января его сопротивление прекратилось, и Теруэль был взят нашими войсками. Между тем 11-я дивизия и левее ее 64-я дивизия продолжали усиливать внешнюю линию окружения в 6 километрах к северо-востоку и западу от Теруэля, отражая первые контратаки противника.

Мигель Эрнандес (поэт, казненный Франко в 1942 году, боец 11-й дивизии и участник боев за Теруэль) в статье, опубликованной в те дни, так подводил итоги первой недели боев:

«Будем твердо стоять на своих постах.

Решающие дни, переживаемые нами, создали как бы наковальню, на которой будут испытаны моральные и физические качества людей, поставивших своей целью победить фашизм.

В Теруэльской Сьерре, где на высотах отмечена самая низкая температура в Испании, солдаты 11-й дивизии стояли, как бы отлитые из несокрушимого металла. Истекшая неделя была для них победоносной. Снег, мороз, ветер и противник обрушивались на них в эти декабрьские дни в суровых горах. От мороза леденели уши, перехватывало дыхание. Казалось, сама стихия вместе с врагом сражалась против солдат 11-й дивизии. Но они

стояли насмерть.

Солдаты 11-й дивизии стойко и бодро перенесли самые трудные бои с фашистами в наиболее страшные дни зимы. Они очистили от захватчиков деревни Конкуд, Сан Блас и этим сделали возможным окружение Теруэля, они сдерживали и сдерживают многочисленные силы врага, стремящегося прорвать окружение, бьют его, демонстрируя свою твердую волю победить и всегда идти вперед. Эта воля тем тверже, чем яростнее стремление врага прорваться к окруженному городу.

Воля к победе у этих солдат наиболее ярко проявилась вечером 19 декабря. С пением «Интернационала» и криками «Мы — листеровцы» они выдержали натиск легионеров и фалангистов, атаковавших их под прикрытием сильного артиллерийского огня. Противник вынужден был отступить, неся большие потери.

Если вы будете их искать, вы найдете их под пулями и разрывами снарядов: они твердо стоят на своих постах! Если вы будете их искать, вы найдете их в снегу, тоже атакующем их, но они растапливают его своим энтузиазмом и бодростью; они твердо стоят на своих постах! Если вы будете их искать, вы найдете их среди зимы, ветра, мороза пламенными, как костры; они твердо стоят на своих постах! Если вы будете их искать, вы найдете их отвоевывающими деревни у фашистов, захватывающими оружие у врага, спасающими женщин, детей, Испанию от фашизма. Они твердо стоят на своих постах!»

Суровы были бои, велики страдания от холода, и все же героизм и моральный дух наших бойцов в течение второй недели боев еще более повысился. Решающую роль в этом играли активная деятельность комиссаров во главе с Сантьяго Альваресом и Хосе Фузиманья, а также работа партийных организаций, руководимых Хосе Сандовалем. Сандоваль был бойцом 1-й бригады 11-й дивизии с первого дня боев. В период второй мировой войны он сражался в отрядах советских партизан, а когда вернулся в Испанию, продолжал борьбу за свободу, но попал в руки франкистской полиции и до сих пор томится в тюрьме.

Напряженную работу проводили организации Союза социалистической молодежи (ХСУ) под руководством неутомимого энтузиаста, молодежного вожака и бойца нашей дивизии Мануэля Аскарате.

22 декабря противник начал широкое контрнаступление армейскими корпусами «Галисия» и «Кастилия» под командованием генералов Аранды и Варелы. Яростные атаки продолжались до 24 декабря, но противник не смог продвинуться вперед ни на шаг. С 25 По 28 декабря велись бои, хотя и не такие

ожесточенные, как в предыдущие три дня. Видно было, что враг готовит более значительную атаку, чем 22-го. И действительно, 29 декабря он начал большое наступление. В нем участвовали лучшие силы противника — в общей сложности 17 дивизий, которыми командовали наиболее известные франкистские генералы: Алонсо Вега, Варела, Аранда, Мартин Алонсо, Гарсиа Валиньо, Галера, Мухика, Асенсио, Муньёс Грандес, Гарсиа Эскамес, Дельгадо Серрано, Рада, Ягуэ, Баррон и Монастерио. Разумеется, верховное командование осуществлял Франко.

29 декабря крупные силы пехоты пытались прорвать нашу оборону и в тот же день войти в Теруэль. Их поддерживали большое количество танков, адский огонь почти 600 орудий, ливень бомб (многие из которых были 250-500-килограммовыми), сбрасываемых 80 самолетами, и пулеметный огонь множества самолетов-истребителей.

На фронте от Конкуда до Сан Бласа — на главном направлении атаки, защищаемом 11-й дивизией, противник не продвинулся вперед ни на шаг ни 29-го, ни в следующий день, хотя атаковал беспрерывно.

Вот боевые сводки трех бригад 11-й дивизии (все три бригады находились на линии фронта, я не имел ни одного человека в резерве), которые отражают напряженность боя и героизм наших людей лучше, чем это смог бы сделать я:

«1-я бригада. 29 декабря. После артиллерийской и минометной подготовки, с огромной силой обрушившейся на наши позиции, противник предпринял мощную атаку против наших позиций и сектора 100-й бригады. Когда мы заканчиваем эту сводку, атака противника еще продолжается. Отбивая атаки на протяжении всего дня, наши солдаты нанесли ему большой урон пулеметным огнем и ручными гранатами, и он оставил на проволочных заграждениях массу убитых. Авиация врага непрерывно действовала на протяжении всего дня, взаимодействуя с наземными силами».

«30 декабря. На рассвете, после сильной артиллерийской подготовки, противник начал новую бешеную атаку с использованием еще большего количества оружия и людей, чем накануне. Наши войска продолжали сражаться с непревзойденным героизмом, но в некоторых местах вынуждены были отойти. В результате героических усилий мы вернули потерянное, принудив танки противника, уже достигшие наших позиций, отступить».

«9-я бригада. 29 декабря. В предыдущую ночь противник пытался застать нас врасплох, но его атака была полностью отбита. Днем наблюдалась большая активность вражеской

авиации и артиллерии, наши позиции подвергались интенсивной бомбардировке с воздуха и обстрелу из пушек. На правом фланге 100-й бригады нас дважды атаковали 15 танков. Ружейным и пулеметным огнем они были отбиты. В результате третьей атаки танкам удалось пересечь линию 100-й бригады».

«30 декабря. После длительной авиационной и артиллерийской подготовки противник бросил большое количество людей и техники в яростную атаку, направленную главным образом против сектора 100-й бригады. Мы встретили его сильным фланговым огнем, отбили все атаки и причинили большие потери. Этот маневр был совершен быстро и с большой отвагой».

«100-я бригада. 29 декабря. После интенсивной авиационной и артиллерийской подготовки противник предпринял сильную атаку по всей линии фронта. Атака продолжается и сейчас, когда мы даем эту сводку. Враг использует все имеющиеся у него виды боевых средств и массы людей. Неоднократно земля устилалась трупами врагов. Наши солдаты с большим подъемом совершают подвиги, восхищая своим героизмом».

«30 декабря. Накануне мы сохранили наши позиции в итоге ожесточенного боя, в котором противник понес огромные потери. Сегодня он предпринял новую атаку крупными силами людей, поддержанных большим количеством танков и другими военными средствами; эта атака, как и вчера, была отбита нашими солдатами со сверхчеловеческим напряжением. Мы сходились в рукопашной схватке не только с людьми, но даже с танками, достигшими линии нашей обороны. Причем люди не покинули своих позиций, они вывели из строя несколько танков противника, а других обратили в бегство. Тела раненых и трупы мятежников покрывают поле боя. Враг не подбирает их».

Когда 11-я дивизия в ночь с 30 на 31 декабря была сменена, она передала 68-й дивизии те позиции, которые завоевала 15 декабря, с той лишь разницей, что теперь они были укреплены многими оборонительными сооружениями. У XVIII армейского корпуса на протяжении этих дней боев дела не были столь хороши, так как врагу удалось значительно приблизиться к городу. 11-я дивизия была отведена в район Куевас — Лабрадас — Альфамбра — Орреос, где обосновался и штаб дивизии. Вечером 31 декабря меня посетил Ибаррола, сообщивший, что 68-я дивизия оставила позиции, завоеванные 11-й дивизией; что противник захватил Конкуд и положение на фронте очень тяжелое. В секторе XVIII корпуса противник также продолжал продвигаться вперед и занял Муэла де Теруэль, вышел к рву Альфамбры, оказавшись у самых ворот города. Ибаррола сказал в

заключение, что при сложившейся обстановке я должен послать одну из своих бригад в Альто де Селадас.

Я ответил, что не дам приказа ни одной из них вернуться в тот же день на линию огня. Я объяснил, что физическое состояние людей, отражавших на протяжении 15 дней яростные атаки врага в 18-20-градусный мороз, оставляет желать много лучшего; что пришлось перенести бойцам этих бригад, показывает следующая цифра: было проведено 58 ампутаций ног и рук, отмороженных во время страшных холодов.

Замечу кстати, что франкисты, пытаясь оправдать свое поражение под Теруэлем, сваливали все на холода, предвосхитив таким образом гитлеровцев, которые четырьмя годами позже так же объясняли холодами свое поражение под Москвой. Как будто республиканцы сражались под тропическим солнцем!

Я попросил Ибарролу пойти со мной и посмотреть на моих людей — пусть сам убедится, возможно ли с военной и человеческой точек зрения вновь посылать их сейчас в бой. Что касается меня, то я этого не сделаю, даже если меня отстранят от командования дивизией. Ибаррола ответил мне, что, подчиняясь военной дисциплине, я не имею права не выполнить его приказа. Мне пришлось ответить, что выполнить такой приказ невозможно. На этом мы расстались, и он отправился посмотреть одну из бригад, находившуюся в Альфамбре. Там Ибаррола убедился, что я был совершенно прав.

В полдень 1 января 1938 года я получил следующий приказ:

«Специальный приказ 11-й дивизии.

I. На основании полномочий, данных мне Правительством, и принимая во внимание блестящее поведение части, находящейся под командованием майора ополчения Энрике Листера, я присваиваю ему чин подполковника, отмечая этим его примерное поведение как командира. Это, несомненно, вызовет удовлетворение бойцов части, которую Энрике Листер неоднократно приводил к победам.

II. 11-я дивизия переводится в резерв и реорганизуется, оставляя две бригады в районе Альфамбры и одну, более многочисленную и менее утомленную, в районе Пуэрто де Эскандон, куда она и должна переместиться сегодня ночью, чтобы прикрыть завтра с утра первую линию старых позиций противника.

Командный пункт. 31 декабря 1937 года.

Начальник Г. Ш. В. Рохо».

К приказу было приложено следующее письмо: «Друг Листер, я с большим удовольствием направляю тебе прилагаемый при этом приказ — первый приказ, отданный мною во исполнение полученных от Правительства полномочий. Ты заслужил это, и это справедливо.

Просьба, с которой я обращаюсь к тебе, — выделить одну бригаду, — необходима. Все надо выполнить самым срочным порядком. Из-за Теруэля был момент паники. Мне необходимы войска, на которые можно положиться и которые смогут удержать позиции и остановить тех, кто, возможно, завтра побежит. Обстановка сейчас нормализована, но завтра может стать сложной. Обнимаю тебя. Рохо».

Удивление всего штаба, как и мое собственное, не могло бы быть большим. После разговора, состоявшегося накануне с командиром армейского корпуса, мы меньше всего ожидали моего повышения. Но нас особенно беспокоила задержка, с какой был получен приказ о переброске одной бригады в Пуэрто де Эскандон. Мотоциклист объяснил, что тот, кто накануне ночью вез приказ, заблудился, сильно замерз и поэтому опоздал. Когда же мы начали принимать меры к переброске бригады, то получили новый приказ, аннулирующий прежний. А спустя несколько дней нам было приказано перебросить всю дивизию в район Сегорбе.

5 января я получил копию следующего декрета:

> «Блестящее поведение майора ополчения Энрике Листера на протяжении всей войны особенно ярко проявилось в зоне Армии Леванта. Он достоин повышения в чине, которое ранее было невозможно из-за декрета от 16 февраля 1937 года, ограничивавшего чином майора присвоение званий гражданским лицам в Народной армии.
>
> После того как этот декрет был заменен другим, упразднившим это ограничение и разрешающим присваивать следующий чин, решением Совета министров оказывается возможным заслуженно вознаградить названного командира.
>
> В силу вышеизложенного, согласно решению Совета министров и по предложению Министра национальной обороны я присваиваю чин подполковника майору ополчения Энрике Листеру.
>
> *Валенсия, 4 января 1938 года.*
>
> *Президент Республики*

Мануэль Асанья

Министр национальной обороны

Индалесио Приэто».

Этим решением правительство положило конец несправедливой и позорной дискриминации, при которой лица командного состава, не служившие в старой армии, не могли переступить чин майора.

Во второй половине января дивизия была переброшена в Мадрид. Этого требовал Миаха, с тем чтобы дать возможность включить 46-ю дивизию в состав Теруэльского фронта.

Как бы нелепо подобные вещи ни выглядели, они происходили и их терпели. Миаха действовал, как сеньор-феодал.

46-я дивизия находилась в тылу — в Алькала де Энарес — с 26 июля 1937 года, с того дня, когда она была сменена на фронте под Брунете. Когда спустя полгода ее захотели снова бросить в бой, генерал Миаха потребовал взамен ее отправить 11-ю дивизию, а Приэто согласился с этим.

Атмосфера, царившая в Мадриде в штабе Миаха и в штабах других командиров, где мы побывали, неприятно поразила нас. Полгода пассивности создали атмосферу, очень отличавшуюся от той, которая была, когда мы уходили отсюда в середине прошлого года. Я быстро понял, как отрицательно может сказаться на состоянии моих войск жизнь в атмосфере военных парадов и неучастия в боях. Я поставил перед Миаха вопрос о своем желании вернуться на фронт. Но он ответил, что мое место в Мадриде; что Наполеон имел личную гвардию и он — Миаха — тоже вправе иметь свою, а я, по его словам, должен считать за честь для себя и своих войск выполнять эту роль. В ответ я сказал ему, что мы не в империи, что он — не Наполеон, а я не из тех, кто годится на роль командующего личной гвардией, и вообще мои солдаты не примут этой роли. Спустя один — два дня осложнившаяся обстановка под Теруэлем помогла моему желанию осуществиться — нам разрешили вновь отправиться на фронт.

Нас направили в Куэнку, где мы оставались всего несколько дней. Затем дивизия была переброшена в район Коньете и в Либрос, юго-западнее Теруэля. А 19 февраля нас переместили в район Альдеуэла, к югу от Теруэля, передав в подчинение V армейского корпуса. Обстановка на фронте была неясной. 11-я дивизия получила задание занять позиции у южной окраины города на тот случай, если сопротивление 46-й дивизии, защищавшей город, будет сломлено.

На рассвете 22 февраля я получил от командира V корпуса приказ оставить одну бригаду на месте, а с двумя другими участвовать в операции у Теруэля, чтобы прорвать кольцо, в котором, видимо, оказалась 46-я дивизия. Я говорю — видимо, так как сведения, полученные мною, не были достаточно ясными.

Когда часть дивизии уже находилась на марше, готовясь к атаке, я получил новый приказ, отменявший прежний, и пояснение к нему, из которого явствовало, что Теруэль оставлен 46-й дивизией. Но еще до этого 46-я дивизия уже была брошена своим командиром «Кампесино», который бежал без оглядки до деревушки, находившейся более чем в 50 километрах от передовой.

«Кампесино» бежал из Теруэля 21 января, когда город еще не был окружен; он трусливо покинул свои части, некоторые из них продолжали героически сражаться вплоть до вечера 22 января. Противнику удалось захватить немалое количество пленных и вооружения этой дивизии. Казалось, было бы логичным, учитывая столь жалкое и подлое поведение «Кампесино», принять в отношении него соответствующие меры. Но его даже не отстранили от командования дивизией.

11-я дивизия, не отрываясь от противника, закрепилась на позициях, занятых ею на линии от шоссе Теруэль— Сагунто до реки Турия. В начале марта она была сменена и опять переброшена в район Сегорбе. Кровавая дань, принесенная бойцами 11-й дивизии, была велика. Если захват указанных нам командованием объектов происходил почти без потерь, то последующая оборона их стоила крови и жизни сотням людей дивизии — командирам, офицерам, комиссарам.

Среди убитых был майор Федерико Антолинес, которого солдаты любовно называли «Чифло». Я знал его с первых дней августа 1936 года, когда с несколькими людьми, среди которых был Грегорио Рубио, позже командир бригады, он явился в 5-й полк и был зачислен в состав 4-й — Стальной роты, а спустя два дня отправился в Гвадарраму. Родом он был из Навас де Паредес в Паленсии и, несмотря на свою молодость — он погиб 23-х лет, — считался уже ветераном юношеского революционного движения, в котором участвовал еще до войны. Он и его товарищи прибыли в 5-й полк сразу же после освобождения из тюрьмы в Маоне, где отбывали наказание за пропаганду в защиту астурийских борцов, которую они вели в октябре 1934 года, находясь на военной службе. Военная биография Антолинеса была историей обороны Мадрида и 1-й бригады 11-й дивизии— он сражался в одном из ее батальонов и, проявляя храбрость и воинскую смекалку, заслужил чин командира. Он много раз

обагрял своей кровью поля сражений. Мы потеряли капитанов Гонсало Мансанареса, Карлоса Раймундо Переса, Херонимо Меренсио, Сандалио Санчеса Ибарролу, лейтенантов — Франсиско Агилара, Мануэля Варга, Хуана Фернандеса Симона, Франсиско Родригеса Гарсиа, Антонио Муньоса, Реституто Родригеса.

В боях пали комиссары Франсиско Эрмоса Паррага, Андрес Медина, Мануэль Родригес Хил, Хуан Баутиста Морено, Мануэль Гонсалес Буэно.

Но как всегда особенно много раненых и убитых и особенно много героев было среди сержантов и солдат. Это были, например, Хуан Молина, Матео Тройа, Сабино Мурильо, Карлос Пенья, Хуан Косме Сакристан, Рикардо Родригес, Франсиско Санчес, Хосе Мартинес, Хосе Куэнка Сильва, Виктор Виланова, Мануэль Перес Бехерано, Мануэль Ортис. Они пали на поле брани, как и другие герои, которых невозможно перечислить. Хоакин Кастильо, бывший алькальд и председатель Народного фронта в Лопера (Хаен), проявил себя подлинным героем в боях за Теруэль. Среди раненых был Хуан Менор — комиссар санитарной части дивизии. Он находился на фронте с первых дней войны. Его моральная стойкость, отвага и мужество, особенно ярко проявившиеся во время тяжелых боев под Брунете, на Арагоне, за Теруэль, были поистине непревзойденными. Менор вместе с Вилья Ланда и другим медицинским персоналом был выдающимся организатором медицинской службы 11-й дивизии, героическая деятельность которой спасла столько жизней. Арестованный франкистами после окончания войны Менор был приговорен к смертной казни, замененной затем 15-летним тюремным заключением.

Ранены были комиссар Висенте Блас и лейтенант Антонио Бланко. После окончания гражданской войны оба они эмигрировали в Советский Союз. Бланко был убит в боях против гитлеровцев, сражаясь в одном из партизанских отрядов. Блас вернулся в Испанию и в 1948 году погиб, сражаясь в рядах астурийских партизан.

Первая фаза боев за Теруэль оказалась последней, в которой Сантьяго Альварес принял участие как комиссар 11-й дивизии. Приказом Приэто в начале декабря 1937 года он был направлен комиссаром в 44-ю бригаду Восточной армии. Единственной «виной» Сантьяго Альвареса, из-за чего он был понижен в звании, была его молодость. Полтора года великолепной организаторской деятельности, полной примеров героизма, любовь и уважение 11-й дивизии и всех, кто хоть раз видел Сантьяго в бою, для Приэто ничего не значили. Одним росчерком пера он хотел перечеркнуть

все (как будто это было в его силах).

Спустя пять месяцев Альварес вернулся к нам комиссаром V армейского корпуса, в то время как Приэто отправился в Америку демонстрировать свои пораженческие настроения. На место Альвареса комиссаром дивизии был назначен Хосе Фузиманья — каталонский рабочий, способный, умный, быстро завоевавший любовь и уважение наших бойцов. Фузиманья был комиссаром 11-й дивизии до апреля следующего года, а затем стал комиссаром XV армейского корпуса, в рядах которого и закончил войну. Затем Фузиманья уехал в Советский Союз и погиб, сражаясь в рядах Советской Армии против гитлеровцев.

Некоторые выводы

Я считаю, что в тот момент выбор Генеральным штабом Теруэльского фронта для наступательной операции был совершенно правильным и своевременным.

Через перебежчиков и по другим источникам информации мы были осведомлены, что после окончания боев на Севере франкисты подготавливают наступление на Мадрид, рассчитывая этим закончить войну. Концентрация войск, предназначенных для участия в наступлении, в районе Калатаюд — Монреаль — Молина де Арагон и далее на Север закончилась 10 декабря 1937 года. Начало наступления намечалось на 18 декабря в направлении через Гвадалахару, то есть через район того самого сражения, которое было проиграно итальянцами в марте 1937 года.

На этот раз для маневра враг должен был бросить в наступление большую массу войск, свои лучшие силы, в том числе и 13 дивизий, высвободившихся в связи с окончанием северной кампании и находившихся под впечатлением своей недавней победы.

Столь тщательно подготовленное фашистское наступление было полностью сорвано за три дня до его начала наступлением республиканских войск. Таким образом, главная цель операции была нами полностью достигнута, причем в наши руки перешла стратегическая и тактическая инициатива. Другим результатом наступления республиканцев было сокращение линии фронта. Существовавшая ранее непрерывная, но извилистая линия огня протяжением более 90 километров теперь сократилась до 12 километров. В то же время наши линии передвигались вперед километров на 25 — море теперь находилось от фронта не более чем в 100 километрах. Таким образом, наши части приближались

к Сарагосе и угрожали врагу с тыла в секторе Гвадалахарского фронта. Захват Теруэля создавал, конечно, устойчивость этому фронту для наступавших и улучшал условия будущих операций.

Следует особо подчеркнуть, что операцию удалось подготовить в тайне. Необходима была строжайшая секретность в самом планировании операции и ее подготовке, смелость и быстрота выполнения плана.

План обязывал произвести рекогносцировку с целью изучения местности и разослать подготовленные приказы, соблюдая во всем этом строгую конспиративность. Сама же подготовка операции, в свою очередь, предусматривала сосредоточение войск и боевых средств с максимальной быстротой и также в абсолютной тайне. В результате соблюдения этого условия противник не разгадал наших намерений. Таким образом, стратегическая и тактическая внезапность была полностью достигнута, а это свело наши потери к минимуму. В процессе осуществления задуманной операции войсками в полной мере была проявлена отвага и смелость. 11-я дивизия достигла указанного объекта, находившегося в 12 километрах от ее исходного рубежа, за пять часов до начала атаки.

Две колонны отправились с баз, находившихся более чем в 20 километрах одна от другой. Они наступали в указанном направлении и заняли обширную зону с четырьмя деревнями: Конкуд, Сан Блас, Ла Хеау и Кампильо, не считая многих других укрепленных пунктов.

…Народная армия сумела обнаружить наиболее уязвимые позиции противника. Благодаря такой тактике ей удалось вклиниться в захваченную противником территорию более чем на 12 километров, оставив у себя в тылу и на флангах много вражеских очагов сопротивления. Все это говорило о большой решимости и отваге наших войск.

Но наряду с успехами, в Теруэльской операции повторялись некоторые ошибки, уже допущенные в предыдущих боевых операциях. Одной из них было недостаточное количество сил, участвующих в наступлении, хотя имелись все возможности выделить больше. Кроме того, и наличные силы распределялись неправильно — так, основная масса войск была предназначена для подавления сопротивления противника в Теруэле, в то время как правильнее было бы использовать большую часть сил и средств для максимального выдвижения нашего фронта на север, оставив для окончательного подавления вражеского сопротивления в Теруэле две бригады. Активность противника в первые дни нашего наступления была слабой. По-видимому, его командование не могло решить: помочь окруженным или начать

уже подготовленное наступление на Мадрид. Наконец, противник принимает решение в пользу Теруэля — не столько, чтобы спасти окруженные там войска, сколько с целью предотвратить ту опасность намеченному наступлению на Мадрид, которая назревала со стороны наших войск, действующих в его близком тылу. Но мы не воспользовались этими колебаниями, длившимися три или четыре дня. Если бы вместо двух дивизий мы бросили на север четыре или пять из имевшихся у нас, но очень плохо использованных, обстановка в итоге Теруэльской операции оказалась бы для нас более благоприятной.

Думаю, что Генеральный штаб не имел ясного представления о смысле и размахе сражения, начавшегося 15 декабря 1937 года по нашей инициативе. Мне кажется, что Генеральный штаб не придавал должного значения тому факту, что, коль скоро мы сорвали противнику наступление на Мадрид и заставили его сражаться на выбранном нами плацдарме, он сделает все возможное, чтобы взять реванш и ответит на наше наступление контрнаступлением, максимально используя все свои силы и средства.

Дело происходило не так, как надеялся враг, и его контрнаступление должно было пройти через длительное сражение на изматывание, чего не предусмотрело Республиканское командование, которое должно было принять все меры, чтобы навязать противнику такое сражение. В Теруэльской операции этому все благоприятствовало. Достаточно было лишь не дать противнику возможности выйти из долины Гвадалавиара, длиной в 64 километра и шириной в 6 километров, заставив его сражаться, находясь в тупике между нашими доминирующими с флангов позициями. Нам необходимо было сконцентрировать больше сил в секторе Теруэля и использовать их к. северу от города, а не против самого Теруэля, как это делалось в начале операции и позже при фронтальной обороне.

Поскольку на Теруэльской фронте враг сосредоточил значительную часть своих лучших войск, мы должны были поставить перед собой задачу усиления наших линий во всем этом секторе, разместив свои резервы в глубину таким образом, чтобы они могли быстро появляться в любом месте прорыва наших позиций и предпринимать контратаки.

Имели ли мы силы и средства для этого? Да, имели. Но мы постепенно расходовали их в невыгодной для нас обороне и во многих случаях бросали в контрнаступление прямо с грузовиков и поездов, без предварительного ознакомления с местностью, а такое ознакомление, как известно, придает бойцу уверенность. Дальнейший ход сражения показал, что Генштабом владеет

своего рода навязчивая идея: противник приостановит наступление на Теруэль и начнет наступление на Мадрид или на другом фронте. Доказательством этого являлось то, что Генштаб дважды считал сражение за Теруэль законченным, снимал с этого направления войска и вооружение, отправляя их на другие фронты. А позже он был вынужден срочно возвращать их на теруэльский фронт…

Глава девятая
Наступление франкистов в Арагоне (март 1938 года)

Фронт рушится. — Я отправляюсь в Альканьис. — Разговор с Рохо. — Его планы. — Две недели боев в секторе Альканьис. — 20 дней нового героического сопротивления фронта противнику, во много раз превосходящему нас по численности и вооружению. — Противнику не удается захватить Тортосу и выйти в этом секторе к морю.

9 марта, когда мы находились вблизи Сагунто, стало известно о начавшемся наступлении противника в Арагоне. Я отправил двух офицеров из штаба дивизии с заданием разузнать все и сообщить нам о положении на фронте. Одновременно мы приняли меры к переброске туда дивизии — у меня не было ни малейшего сомнения, что и нам придется там действовать. 10, 11 и 12 марта мы получали все более и более тревожные сведения. 12-го мы узнали, что Рохо приехал в Альканьис и взял на себя все руководство операциями. 13 марта я получил приказ направить дивизию в Альканьис, а самому как можно скорее явиться к Рохо. В 10 часов вечера 13-го я прибыл в штаб XVIII армейского корпуса, находившийся в Альканьисе. Состояние, в котором я застал командира корпуса полковника Эредия и его штаб, не могло быть более плачевным. На мои вопросы Эредия отвечал, что не знает ровным счетом ничего: ни где проходит фронт, ни где его части, ни где противник. Одно только было ему известно: противник занял Каланду.

Эредия сказал мне, где я могу встретиться с Рохо. Это был дом неподалеку, на дороге, ведущей из Альканьиса в Морелью. Я и сопровождавшие меня офицеры отправились туда. Рохо объяснил мне обстановку, насколько она была ему известна. Сообщил свои выводы и планы. По его мнению, наиболее опасным направлением наступления противника было Альканьис — Вальдерроблес — Тортоса. Рохо, в частности, посвятил меня в свой план контратаки, цель которой — остановить врага, чтобы выиграть время для сосредоточения резервов. Главной отправной базой этой контратаки должен быть Альканьис. Затем предстояло организовать оборону вдоль реки Гуадолопе. В этом отношении задача 11-й дивизии заключалась, во-первых, в создании на севере и на юге от Альканьиса сильного центра сопротивления, а

позже — плацдарма для контратаки. Рохо добавил, что на рассвете мы вдвоем отправимся осмотреть местность. Он приказал мне отдохнуть до отъезда в Альканьис.

В 4 часа Рохо разбудил меня, сообщив, что в рекогносцировке окрестностей Альканьиса уже нет смысла; там уже звонят церковные колокола — враг захватил Альканьис. Рохо предложил мне отправиться к этой деревне и, остановив отступающие части, постараться закрыть брешь до подхода моих бригад.

С пятью офицерами, сопровождавшими меня, я поехал к Альканьису. По дороге мы встретили отступающие части и от них узнали, что произошло. На рассвете противник подошел к Альканьису, и в этот момент там подняла мятеж «пятая колонна». Наши части были деморализованы. Путем убеждения, а иногда и с помощью пистолета мы пытались остановить отступающих и их силами задержать противника, восстановив несколько пунктов сопротивления на дороге Морелья — Альканьис. В полдень начали прибывать части моей дивизии, и мы приступили к созданию линии обороны, протянувшейся примерно на 2 километра к северо-востоку от Вальдеальгорфа — Кастельсера — Ла Кондоньера — Торревелилья.

Весь день вражеские войска оставались в Альканьисе, противник, очевидно, благоразумно предпочитал ожидать там перегруппировки своих сил, прежде чем двинуться дальше. 15 марта на дороге показалась его колонна: враг так уверенно чувствовал себя, что не выслал даже разведывательных дозоров и бокового охранения. Мы дали колонне продвинуться вперед и, когда ее авангард пересек линию наших пулеметных гнезд, закамуфлированных в 200 метрах от дороги, открыли огонь по основной части колонны, вынудив ее остановиться. От пленных мы узнали, что Альканьис взяли части итальянской дивизии и 1-й испанской дивизии «Наварра» под командованием генерала Валиньо. Остаток дня 15-го и весь день 16 марта противник не пытался наступать, но мы не питали иллюзий на этот счет и ждали, что вражеская атака возобновится. От перебежчиков и по другим каналам мы узнали, что 15 и 16 марта в секторе Каспе — Альканьис, обороняемом нашими 35, 45 и 11-й дивизиями, сосредоточено восемь дивизий противника.

17 марта противник занял Каспе. В секторе 11-й дивизии его атаки были отбиты. 19-го Итальянский корпус и 4-я дивизия «Наварра», при поддержке большого числа танков и артиллерии, начали наступление на фронте 11-й дивизии в районе севернее Альканьиса до Торревелилья. После тяжелого боя, длившегося восемь часов, противник прорвал наши линии в Ла Кондоньера, но к концу дня мы вернули свои позиции. 20 и 21 марта враг

бросил против 11-й дивизии новые силы, но все атаки были отбиты. В последующие дни противник вел наступление к северу от Эбро, где командование Восточной армии потеряло контроль над своими войсками, отступавшими по всему фронту.

26 марта противник возобновил наступление на юге Эбро до Алькорисы. Против 11-й дивизии вновь действовали Итальянский корпус и 1-я дивизия «Наварра». После двух недель сопротивления западнее Альканьис — Кастельсерас — Ла Кондоньера — Торревелилья, когда противнику удалось обойти нас с флангов, 11-я дивизия с боями начала отход в полном порядке. 28-го и 29-го атаки противника в секторе 11-й дивизии продолжались, мы отвечали контратаками. Во время всех этих боев наши солдаты проявляли беспримерный героизм, оказывая сопротивление противнику, несмотря на его огромное численное превосходство в пехоте, танках и авиации. Ужасающую нехватку в истребительной авиации, зенитной и противотанковой артиллерии бойцы дивизии возмещали применением интенсивного противовоздушного и противотанкового маневра.

Капралы Аманасио Кастро и Антонио Наварро сбили из ручного пулемета истребитель противника. Капитан Фернандес Тельес и солдат Ибальдо Контрерас сбили пулеметным огнем второй истребитель. Капитан Анхел Каргальо и его солдаты ручными гранатами уничтожили два вражеских танка. Кроме того, в контратаке было захвачено два танка противника, а зенитная артиллерия сбила три бомбардировщика.

В этом бою тяжело ранило Валентина Фернандеса, одного из лучших командиров бригад. Это был необыкновенно храбрый и талантливый человек. После окончания гражданской войны в Испании он эмигрировал в Советский Союз. Во время второй мировой войны Валентин Фернандес сражался против гитлеровцев в советском партизанском отряде, а позже нелегально вернулся в Испанию, чтобы продолжать борьбу в рядах партизан родной Галисии. В 1948 году он погиб в одной из схваток с жандармерией.

В тяжелых боях у Ла Кондоньеры героически сражался Мануэль Альваро Карабахоса — один из наших великолепных комиссаров. Так же как и Валентин, он после войны в Испании эмигрировал в Советский Союз, а после вернулся в Испанию. Власти схватили Альваро и бросили в тюрьму, где его терзали двенадцать лет.

30 марта 45-я дивизия, находившаяся севернее 11-й, отошла в направлении Гандесы, а 3-я дивизия, расположенная южнее 11-й, отошла к Монроэ. Таким образом, 11-я дивизия, оголенная с обоих флангов, занимала линию Мазалеон — Ла Фреснеда. 1

апреля противник, продолжая наступать в секторе Каспе, занял обороняемые 35-й и 45-й дивизиями Гандесу и в следующие три дня — Рибарроху, Мора де Эбро, Бенисанет и Пинель, находившиеся глубоко в тылу 11-й дивизии. Дорога из Гандесы на Тортосу оказалась открытой. 3 апреля я получил приказ командира корпуса отвести свои части и занять вершину Рей, а также высоты слева и справа от дороги Гандеса — Тортоса, закрывающие противнику путь на Тортосу. В этот же день враг захватил Лериду, находившуюся к северу от нас, а на следующий день принялся атаковать наши позиции. Противник спешил выйти к морю и наверняка хотел это сделать у Тортосы, а поэтому на узком участке фронта бросил в атаку 1-ю дивизию под командованием Гарсиа Валиньо, 5-ю под командованием Гарсиа Эскамеса и Итальянский корпус. С 5 по 10 апреля эта масса войск, оснащенная средствами поддержки, не переставая, днем и ночью атакует 3-ю и 11-ю дивизии. 9 апреля противник был остановлен в 30 километрах к северу от Тортосы, на линии река Эбро — севернее Черта — Паульса — Альфаро, куда в последующие дни перебросили 124-ю бригаду, входившую в Восточную армию, а также 53-ю и 68-ю бригады, прибывшие с Леванта за два дня до прорыва. Этими бригадами соответственно командовали Рамон Солива — каталонский рабочий-электрик, Антонио Ортис — сельскохозяйственный рабочий, андалузец, и Франсиско Ромеро Марин — шахтер из Риотинто. Эти три командира бригад позже в сражении на Эбро и в Каталонии стали нашими лучшими командирами дивизий.

Одним из батальонов 68-й бригады командовал Антонио Нуньес; после участия во французском Сопротивлении он вернулся в Испанию, чтобы продолжать борьбу. Там был схвачен и на многие годы заточен в тюрьму. Другим батальоном командовал Эдуардо Гарсиа. Он был очень молод, и солдаты любовно называли его Эдуардито. Спустя месяца два одна из бригад, возглавленная Эдуардито, смело и ловко переправилась через Эбро. Благодаря этому наша оборона была солидно упрочена, и противник в этом секторе не продвинулся ни на шаг.

Потеряв надежду выйти к морю на этом направлении, франкисты сосредоточили все свои усилия в направлении Морелья — Сан Матео — Винарос. Сюда они перебросили войска с других секторов, в частности с нашего фронта дивизии Валиньо и Эскамеса, оставив в этом секторе лишь Итальянский корпус.

15 апреля противник вышел к морю у Винароса, и республиканская зона оказалась разрезанной надвое. В тот же день я был приглашен на совещание в штаб V армейского корпуса, на котором Рохо охарактеризовал положение, сообщил

свои планы и выводы. Там же меня назначили командиром V армейского корпуса. Бывший командир корпуса немедленно сдал мне командование, а сам отправился со своим штабом на новый командный пункт во дворец Русиньоль, в окрестностях Реуса.

Одновременно мне подчинили все части, расположенные на правом берегу реки Эбро, и приказали переправиться с ними на левый берег. Переправившись, мы должны были взорвать мосты. Приказ предписывал нам всеми средствами предотвратить переход противника на левый берег. Части, оставшиеся на правом берегу Эбро, напоминали мозаику. Там были: 11-я дивизия, 53, 68 и 124-я бригады, 3-я дивизия с новым командиром, но без штаба, так как прежний командир дивизии превратил дивизионный штаб в штаб корпуса. Эти силы занимали позиции, протянувшиеся от реки Эбро — севернее Черта — Паульса — Альфаро — Регеса, а затем на юг через Санта Барбара до Сан Карлоса де ла Ропита.

Но кроме этих организованных частей в горах находились тысячи отбившихся от своих частей людей. Одни отходили в связи с прорывом фронта 9 марта, другие — после последующих прорывов, третьи, остававшиеся в северной части, также отступали из-за прорыва, в то время как основная часть их соединений и командование переместились на юг.

Тысячи этих людей, влившихся в наши части, впоследствии великолепно сражались. Но в то время они представляли настоящую опасность, особенно из-за смятения, вызванного слухами о том, что мы находимся в окружении. Поэтому 16 и 17 апреля, готовясь к переправе, мы провели основательную чистку среди этих бойцов.

Между тем противник начал маневр по окружению нашей группировки. Именно в связи с этим Гарсиа Валиньо в своей книге[46]' пишет:

«Зона, протяженностью по прямой линии по крайней мере 130 километров, в которой проводился маневр охвата противника, скованного в Сьерра де лас Расас Итальянским корпусом со всеми его мощными средствами, находилась между Сьеррой де Монтенегрело и морем.

Рассчитывая на деморализацию, неизбежную у противника, видевшего угрозу своей тыловой линии со стороны такой реки, как Эбро, и не отступавшего под давлением Итальянского корпуса, мы тем не менее не давали ему возможности свободно маневрировать на внутренних линиях.

Как и предвидело командование, противнику, несомненно, необходимо было иметь время и плацдарм для войск, стоявших на фронте против Итальянского корпуса и видевших, насколько серьезная опасность угрожала пути их отступления.

Вынужденный отдалиться от Итальянского корпуса, противник мог отважиться на столь опасную операцию только ночью. Мне пришлось отправить свои резервы, чтобы парализовать или по меньшей мере задержать стремительное движение колонн 1-й дивизии и таким образом использовать лишь те наши силы, которые имелись в зоне реки Эбро. Мы получили внушавшую доверие информацию о движении оттуда дивизии Листера».

Далее, говоря о боях 17 апреля, Гарсиа Валиньо продолжает:

«Достигнув намеченного рубежа, мы вынудили противника отступить на всем фронте Итальянского корпуса. В течение ночи он, несомненно, постарается перейти на другую сторону реки, прикрытую частями Листера. Это обязывало нас не отрываться от противника ни на одну минуту, оказывая постоянное давление, с нарастающей энергией, дабы сделать невозможным это отступление или максимально затруднить его».

«Командование Итальянского корпуса думало, что группировке его танкеток, после кровопролитных стычек у Паульса, представится возможность маневрировать и, главное, достигнуть цели, к которой стремились столько времени: занять Тортосу».

«У национального командования было запрошено и получено необходимое разрешение, и вечером 17 марта итальянские танки были двинуты в ход. Совершив большой обход по тылам, они сосредоточились на указанных позициях в районе Ла Сеньи, в соответствии с приказом командования 1-й дивизии, изложенным в следующей телеграмме:

Генерал — командующий Северной армией — генералу 1-й дивизии: — Необходимо ускорить сегодня движение для захвата мостов у Тортосы и Ампосты, если они окажутся пригодными для использования».

«Возможно, что ранним утром в Черт или Ла Сенью прибудут части и танки легионеров для участия в операциях. Облегчите ими выполнение задачи, если только это не задержит выполнение приказа войсками В. П. (вашего превосходительства).

Полковник Гамбара сообщит желание командования легионеров, но не имеет никаких специальных указаний от командования Северной армии».

Генерал Валиньо, выразив в своих комментариях весьма определенное недовольство приказом, обязывавшим его разделить с итальянскими фашистами лавры по случаю нашего уничтожения и взятия Тортосы — что все считали дискредитацией, — продолжал:

«18 апреля на рассвете продолжались активные действия. Мы

не отрывались от противника ни в одном пункте, отбивали контратаки в некоторых из этих пунктов и оказывали давление силами патрулей и другими средствами».

И после рассуждений о боях того дня он добавляет: «Противник с несомненным успехом завершил — в ночь с 18 на 19 — трудную операцию отступления в полном порядке на другую сторону Эбро, оставив в наших руках некоторые трофеи и 478 пленных».

И действительно, операция была нелегкой. Приведенные отрывки из книги Валиньо ясно дают понять, какие цели преследовал противник: уничтожить наши силы, захватить мосты, форсировать реку и занять Тортосу. Сложность обстановки вполне сознавали начальник Генерального штаба, штаб «Автономной группировки Эбро», от которой мы, после того как отделились от нее 15 апреля, не получали сведений до 19-го, когда меня поздравили с успешным проведением операции. Конечно, мне предоставлялась полная свобода отвести войска и взорвать мосты, когда я сочту это нужным. Но не в меньшей степени на меня возлагалась полная ответственность за то, что могло бы произойти вследствие этого.

Результаты известны: более 25 тысяч человек — из числа разрозненных и организованных войск — со всем вооружением перешли реку; мосты мы взорвали, когда противник вступил на них.

Валиньо говорит, что в его руки попало кое-какое вооружение и 478 пленных; никакого вооружения, ни одного человека из состава организованных войск он не захватил. Но я должен признаться, что испытывал тогда определенный страх: несмотря на все наши усилия, направленные на организацию тысяч людей, отбившихся от своих частей, значительно большая часть, чем указывает Валиньо, оставалась вне нашего контроля. Однако, как показали факты, наша деятельность в этом отношении была гораздо эффективнее, чем я сам полагал.

Я уверен, что, читая эти строки, читатель может подумать: почему же республиканцы решили вернуться на левый берег Эбро, вместо того чтобы создать на ее правом берегу предмостное укрепление, которое могло бы послужить им плацдармом для будущих наступательных операций?

Это можно объяснить следующим обстоятельством. В правительстве, Генеральном штабе и среди всех нас существовало убеждение в намерении противника продолжать наступление на Каталонию, а не на Левант, поскольку захват Каталонии был бы для противника важным с военной, политической и экономической точек зрения. Кроме того, это позволило бы ему

перерезать все проходившие по суше пути, связывавшие Республику с другими странами. А если бы противник захватил мосты у Тортосы? Как указывала телеграмма, на которую ссылался Валиньо, вражеские войска, выйдя на левый берег Эбро, не пошли бы на Каталонию. Было и остается логичным думать, что если потом противник изменил свои планы, то только потому, что не осмелился с боем перейти такую реку, как Эбро.

Я не хочу этим сказать, что наше решение вернуться на левый берег Эбро было единственно правильным. Несмотря на риск, мы должны были предусмотреть в наших планах организацию и оборону солидного предмостного укрепления. Наступление противника с Арагона к морю явилось тяжелым ударом для Республики. Наша зона оказалась рассеченной надвое; мы потеряли большую территорию, много людей и вооружения. Восточная и маневренная армии потеряли от 30 до 35 процентов своего численного состава, десятки тысяч винтовок, сотни станковых пулеметов, около 70 орудий, сотни легковых и грузовых автомобилей.

В первые дни наступления противник также понес большой ущерб: он потерял не менее 45 тысяч человек.

Отведенные нами в Каталонию части были разбиты, а другие очень ослаблены. Им пришлось многое перенести, особенно тем, что оборонялись в секторах Каспе — Гандеса, Альканьис — Вальдерроблес — Тортоса и Алькориса — Морелья — Винарос, являвшихся главным направлением вражеского наступления.

Когда операция закончилась, мы приступили к организации обороны указанного нам сектора и к формированию армейского корпуса, в первую очередь его штаба. Я не мог взять с собой штаб 11-й дивизии и оставить нового командира без штаба, как это было со мной, когда мне поручили командовать V корпусом. Договорившись с вновь назначенным командиром дивизии, мы разделили персонал штаба, ввели в него новых офицеров, некоторых повысили в чинах и таким образом создали два солидных штаба.

V корпус был создан на базе следующих дивизий: 11-й под командованием Хоакина Родригеса и комиссара Анхела Барсиа; 45-й под командованием Ганса Кале и комиссара Хосе Севиля и 46-й под командованием «Кампесино» и Хосе дель Кампо — комиссара. Комиссаром V корпуса стал Адольфо Лагос, так как Фузиманья назначили комиссаром XV корпуса. Лагос участвовал во всей обороне Мадрида и проявил себя там незаурядным бойцом и организатором. С нами он пробыл только один месяц. В середине мая комиссаром V корпуса был назначен Сантьяго Альварес, снова вернувшийся к своим боевым товарищам.

В сложной обстановке, в которой оказалась Республика в результате наступления противника в то время, когда мы производили смотр войскам, Союз социалистической молодежи вновь продемонстрировал свой патриотизм, решительно призвав молодежь к созданию дивизий волонтеров.

Огромное значение имело то, что эта сильная организация возникла во время войны путем объединения двух организаций — социалистической и коммунистической молодежи. Руководителями ХСУ были генеральные секретари этих двух организаций — Сантьяго Каррильо и Трифон Медрано. ХСУ мобилизовал сотни тысяч молодых людей на фронт и на производство. Большое число бойцов, о героизме которых рассказывает эта книга, принадлежали к ХСУ, воспитавшему их в духе самого горячего патриотизма, героизма и верности народу. ХСУ явился настоящей кузницей кадров республиканской армии.

Решение о создании двух волонтерских дивизий было воспринято с большим энтузиазмом молодежью города и деревни и бойцами на фронтах. Бойцы 11-й дивизии немедленно решили взять шефство над одной из дивизий, и от их имени комиссар и я обратились к Исполнительной комиссии ХСУ со следующим письмом: «Уважаемые товарищи!

Гордясь вашими гигантскими усилиями, направленными на оказание помощи родине и выразившимися в организации дивизий молодых волонтеров, мы хотим приветствовать вас за такое успешное и пользующееся доверием дело. Этим вы еще больше укрепляете неукротимую волю испанской молодежи к победе. Для лучшего выражения нашего единства с вами мы предлагаем вам шефство 11-й дивизии над одной из формируемых вами дивизий молодых волонтеров. Наших сил не хватит для всего, и мы надеемся, как всегда, на ваши советы и помощь в продолжении борьбы с фашизмом на нашей родине до конца.

Примите наш горячий антифашистский привет.

Командир дивизии Листер

Военный комиссар Фузиманья».

Ответ товарища Каррильо гласил:

> «Дорогие товарищи!
>
> Ваше приветственное письмо по поводу инициативы создания дивизий молодых волонтеров является одной из лучших наград, которую могла ожидать ХСУ за свое стремление помочь победе нашего оружия, как этого

требует обстановка.

С огромной радостью мы принимаем шефство над одной из дивизий и обещаем вам послать несколько тысяч молодых волонтеров в славную 11-ю дивизию, которая с характерным для нее героизмом и энергией, под железным руководством ее командира сумеет вписать новые страницы в эпопею защиты демократической республики…

Примите сердечный антифашистский привет лично вы и вся дивизия.

Генеральный секретарь

Сантьяго Каррильо».

Уже в процессе формирования дивизий ХСУ решил, что лучше распределить волонтеров среди уже сформированных и обстрелянных частей. К нам прибыло три тысячи молодых людей. Мы распределили их в три дивизии, входившие в V корпус, которым я тогда уже командовал.

Энтузиазм молодежи был необыкновенно трогательным. К каким только хитростям они ни прибегали, чтобы стать воинами. Тринадцати- и четырнадцатилетние утверждали, что им по шестнадцать и семнадцать лет. Однажды, посетив учебные лагеря, организованные нами вблизи Салоу, я обнаружил на гауптвахте 30 арестованных. Каждого из них я спросил о причине ареста, и мне пришлось сделать немалое усилие, чтобы не расхохотаться. Один бросил камень в собаку; другой залез в сад нарвать фруктов; третьи отправились без разрешения купаться в море; самый маленький ночью помочился. Поступки малых детей! Но эти самые «малые дети» спустя несколько месяцев великолепно сражались на Эбро, где получили боевое крещение. Все вступили на Эбро солдатами, а сражение закончили капралами, сержантами, лейтенантами и политическими делегатами.

Трое из них — Рубен Руис Ибаррури, Сантьяго Пауль Нелькен и Антонио Урибе, заслужившие на Эбро свои первые галуны, спустя несколько лет сражались против фашизма в рядах Советской Армии. Рубен Ибаррури стал капитаном пехоты, Сантьяго Пауль Нелькен — лейтенантом артиллерии, Антонио Урибе — лейтенантом авиации. Они пали на поле битвы как настоящие герои.

Глава десятая
Сражение на Эбро
(25 июля — 15 ноября 1938 г.)

Организационные мероприятия. — Подготовка во всех эшелонах. — Политическая работа. — Балагерская операция. — Два плана. — Начало операции. — Абсолютная внезапность и полный успех. — Предательство высшего командования зоны Центр — Юг. — Наши ошибки. — Корреспонденты иностранной прессы. — Хемингуэй. — Антонио Мачадо.

Сражение на Эбро. Подготовительные меры

Май, июнь и июль были месяцами напряженной работы. Как только мы узнали, что противник развивает наступление в Леванте, мы решили долго не задерживаться на левом берегу Эбро и подготовить силы для операции на правом берегу реки. Поэтому тут же развернули работу по организации обороны порученного нам участка фронта, стремясь надежно укрепить его, использовав для этого по возможности минимальное число войск. Основная часть их оставалась для обучения форсированию реки и действий на другом берегу реки. С конца апреля все — от штаба корпуса до взвода, каждая воинская часть и каждая служба — приступили к усиленному обучению. Занятия были весьма разнообразны, но все они преследовали общую цель: форсирование реки. Особое внимание уделялось подготовке каждого человека; многих бойцов обучили грести и тысячи — плавать. С полной нагрузкой работали школы капралов, сержантов и офицеров. Много времени отводилось боевым учениям и ночным маршам, для чего широко использовался большой опыт 11-й дивизии.

Одновременно с обучением штаба и войск собирались все данные, имевшие отношение к самой реке: выбирались наиболее удобные места для переправы, концентрации сил, маскировки вооружения, для огневых позиций артиллерии и т. д. Это позволило ко дню наступления сосредоточить войска, подготовить лодки и мосты, которые должны были быть наведены на реке, установить артиллерию и т. п. так, что противник ничего не заметил.

Большое значение придавалось сбору информации о

противнике и занятой им территории, о его системе обороны, количестве и состоянии его сил и т. д. Главным средством информации на нашем берегу была непосредственная разведка, а на территории противника — изучение местности по карте, сведения агентов наших разведывательных служб, проникавших на территорию противника, и сведения, доставляемые населением этих мест. Ценнейшую помощь во всех этих мероприятиях оказывал нам своими советами полковник «Туманов». Это был неутомимый человек; столь же неутомима была и его переводчица «Люба». Их можно было встретить в любое время дня и ночи обходящими части, в окопах, на огневых позициях. Всегда сердечные, всегда в хорошем настроении, они приносили с собой, где бы ни появлялись, веселье и уверенность.

В осуществлении операции по форсированию реки и в укреплении боевого духа войск огромную роль сыграла политическая подготовка людей. Деятельность политработников под руководством комиссара армии Эбро Луиса Делаге, «милисианос де культура», группы писателей и художников-бойцов была огромной. Боевой клич, с которым солдаты V корпуса атаковали окопы противника: «На Форо!», «На Мадрид!», был результатом большой политической работы.

Глубокий дух солидарности с бойцами Леванта и пламенное стремление оказать им помощь проявлялись на собраниях и митингах, в частных беседах и в стенной печати частей. Тысячи бойцов прошли в эти месяцы через школы комиссаров батальонов, бригад, дивизий и корпусов. В этой напряженной политико-воспитательной работе большую роль сыграла речь доктора Негрина в кортесах с изложением 13 пунктов. В ней он предложил нашим комиссарам неоспоримые аргументы для разъяснения бойцам характера и целей нашей борьбы. В выступлении доктора Негрина слышался голос нашего правительства национального единства, отзвук его прокатился по берегам Эбро из окопа в окоп, из блиндажа в блиндаж, в расположение войск, готовившихся к наступлению. Душой всей этой политической. работы была Коммунистическая партия. Огромное большинство комиссаров V корпуса являлись членами Коммунистической партии и Союза социалистической молодежи. Все партийные активисты под руководством своих ротных и батальонных комитетов, направляемых инструкторами из бригад и дивизий, такими, как Саес, Ортельи и др., а ими в свою очередь руководил партийный инструктор V корпуса товарищ Сеферино Рей, развернули интенсивную разъяснительную работу среди бойцов. Работа партийных инструкторов (незаметная, не приносившая чинов и славы тем, кто ее осуществлял) на

протяжении всей войны оказывала огромную помощь в создании Народной армии, в укреплении ее дисциплины и боеспособности, в воспитании бойцов в духе политики Народного фронта. Помощь в политической подготовке оказывали политические руководители, посещавшие наши части. В частности, несколько раз перед войсками V корпуса выступала Долорес Ибаррури. В новом правительстве, созданном 8 апреля, доктор Негрин занял пост премьера и министра национальной обороны (прежде этот пост занимал Приэто), что благотворно сказалось на моральном состоянии армии и повысило доверие бойцов к правительству. 12 мая доктор Негрин посетил нас и провел в корпусе весь день, а затем приезжал к нам еще три раза. В июне прибыл Луис Кампанис, президент Каталонии, весь день он провел в беседах с солдатами. Часто приезжал Висенте Урибе, министр сельского хозяйства, пользовавшийся у бойцов большим авторитетом. Посещали нас и выдающиеся зарубежные деятели, передававшие приветы от своих народов. Это еще больше поднимало дух бойцов. В конце июня мы принимали Джавахарлала Неру и Кришну Менона. Они провели целый день среди солдат и командиров, проявляли большой интерес к нашей борьбе, разъясняли отношение индийского народа к испанским событиям. Среди поздравлений, полученных позже, во время сражения на Эбро, воодушевлявших наших бойцов в борьбе, было и послание Неру:

> «Дорогой подполковник Листер!
>
> С большим интересом и восхищением мы следим за победами, одержанными республиканскими войсками на Эбро и на других фронтах, и вместе со всем индийским народом испытываем огромное удовольствие искренне поздравить вас. Приветствуем ваших мужественных бойцов и выражаем свое преклонение перед храбрецами Листера, павшими в этой борьбе. Войска Республики добились больших успехов в борьбе за свободу во всем мире. Мы предвосхищаем окончательную победу Республики!
>
> *Ваш самый искренний друг Джавахарлал Неру».*

В 1961 году я посетил господина Неру в его стране, и среди друзей он вспоминал, какое глубокое впечатление произвело на него посещение Испании и особенно ее вооруженный народ.

Мы усиленно готовились к операции на другом берегу реки, а в это время противник продолжал свое наступление в Леванте. Чтобы помочь находившимся там нашим войскам, Генеральный

штаб решил предпринять операцию против предмостного укрепления противника в секторе Балагера. Эта операция состояла из двух частей. Вначале — прорыв фронта войсками XVIII армейского корпуса (Восток), затем четыре дивизии V и XV армейских корпусов армии Эбро под командованием Хуана Модесто должны были проникнуть на грузовиках через образовавшуюся в результате прорыва брешь в направлении указанных объектов в тыл противника.

20 июня я переместился с 11-й и 46-й дивизиями в этот сектор для участия в операции. Она началась 22-го и закончилась 25 июня. На следующий день мы возвратились на Эбро. Первая часть операции провалилась. Она была плохо спланирована командиром XVIII корпуса Хосе дель Баррио, который не сумел осуществить правильное руководство. Так закончилась эта операция, не имевшая ни начала, ни конца. Баррио бросил свои войска на великолепно укрепленные и хорошо защищаемые позиции противника, в то время как их следовало атаковать с тыла — с севера или с юга.

Из 36 батальонов, имевшихся в его распоряжении, для непосредственных действий Баррио использовал 12, оставляя в резерве 24. Это объясняется так: корпус имел три дивизии по три бригады, каждая из которых состояла из четырех батальонов. Баррио оставался в резерве с одной дивизией, т. е. с 12 батальонами. Командиры его дивизий, в свою очередь, оставили в резерве по одной бригаде, т. е. еще восемь батальонов, а командиры бригад — по одному батальону резерва, что составляло четыре батальона.

Тяжело было смотреть на солдат и командиров частей, участвовавших в этой операции, отважно сражавшихся, но так плохо организованных и руководимых.

После операции на собрании командиров и комиссаров, в котором участвовали руководители партии, мы высказали Баррио свое мнение о ходе операции, о его методах и действиях. В ответ он советовал нам прочесть французские военные уставы, желая убедить нас в недостаточной подготовленности к операции такого масштаба. Я предпочитаю не повторять здесь того, что сказал ему тогда по поводу ссылки на французские уставы применительно к нашей операции, к характеру нашей войны и нашей армии.

В конце июня командующий Армией Эбро отправился в Мадрид и поручил командование армией мне. В эти дни Рохо вызвал меня в свой штаб и объяснил планы двух операций, подготовленные оперативным отделом генштаба. Цель обоих планов была одна: ударом на Каталонском фронте заставить противника прервать наступление на Валенсию, привлечь его к

Каталонии и дать таким образом нашим войскам Леванта время для перегруппировки и немедленного перехода в контрнаступление. Один из этих планов предусматривал наступление в направлении Гандеса — Вальдерроблес — Морелья — Винарос. Другой в направлении — Серое — Фрага — Сариньена.

Я поддержал первый план, хотя его выполнить было труднее. Но чтобы создать угрозу вражескому тылу, результаты наших действий должны были быть ощутимыми. В пользу первого плана говорило также и то важное обстоятельство, что огромное большинство войск, которые мы могли использовать при осуществлении операции, уже находилось на исходных рубежах и, помимо того, в течение двух месяцев мы готовили эти войска, а также и необходимые средства для боевых действий в секторе Эбро. По тому, как Рохо выслушивал мои доводы, мне становилось ясно, что выбор им уже сделан: действовать на Эбро. Рохо сказал, что план еще надлежит представить министру обороны, но я уже должен начать работать над его осуществлением.

Для выполнения плана Генеральный штаб поступил перед командованием армии Эбро соответствующие боевые задачи и распределил войска.

Армия Эбро с двумя войсковыми соединениями должна была атаковать противника на фронте Рибароха — Бенифальет. Одна группа войск — XV армейский корпус, усиленный 16-й пехотной дивизией, полком кавалерии, четырьмя ротами танков и четырьмя ротами бронеавтомобилей, — должна была форсировать Эбро в секторе Рибароха — Аско и выйти на фронт Батеа — Гандеса. Позже эти войска должны были продвинуться в направлении Каласеите — Вальдельтормо. Другая группа — V корпус, усиленный двумя ротами танков, тремя ротами бронеавтомобилей и полком кавалерии, — должна форсировать Эбро в секторе Хинестар — Бенифальет, выйти в район Пинель, занять Сьерра Пандольс, установить взаимодействие с левым флангом войск первой группы и продолжать наступление в направлении Вальдерроблес — Монройо.

План предусматривал демонстративные действия на флангах главного удара с целью отвлечь внимание противника от основного направления атаки. Для этого одна бригада должна была форсировать Эбро в районе Ампосты и продвинуться к Санта Барбара с задачей перерезать железную дорогу и шоссе на Винарос и не позволить противнику использовать их для переброски войск с севера. В направлении главного удара армия Эбро должна была иметь в резерве одну пехотную дивизию и полк

кавалерии. Согласно планам командования, главный удар производился на фронте протяженностью 48 километров объединенными силами шести пехотных дивизий, трех полков кавалерии, семи рот танков и шести рот бронеавтомобилей.

В ночь с 24 на 25 июля части 3, 11, 35, 42, 45 и 46-й дивизий начали движение к реке. Первые эшелоны дивизий форсировали реку совершенно неожиданно для противника. В некоторых пунктах неприятель открыл стрельбу, но, встретив ураганный огонь наших пулеметов, быстро прекратил ее. Части, форсировавшие реку, быстро продвинулись в тыл противника и захватили доминирующие пункты в местах переправ через реку. Очищать от противника деревни должны были вторые эшелоны.

V корпус начал форсирование Эбро в 0.30 25 июля;_ в 11 часов утра между Хинестар и Миравет реку перешли 1, 9 и 100-я бригады 11-й дивизии, а у Бенифальета — первые эшелоны 10-й и 46-й дивизий. В час дня был наведен первый мост, и к трем часам по нему и на лодках через реку переправились 37-я и 101-я бригады 46-й дивизии второго эшелона. Через Миравет головным прошел специальный батальон 11-й дивизии. Когда противник осознал происходящее и открыл огонь, значительная часть батальонов уже была на другом берегу и сразу же бросилась в атаку на его позиции. Врага заставили замолчать. Только огневые точки замка Миравет продолжали вести огонь, но когда одна рота окружила замок, 100 оборонявших его солдат из батальона Сан Кинтин сдались. Дорога оказалась свободной, и бригады уже переходили реку. Началось наше стремительное продвижение к Пандольсу, по пути мы занимали деревни, брали трофеи и пленных.

10-я бригада под командованием Хустино Фрутоса и комиссара Кастрильо форсировала реку у Бенифальета и быстро вышла на шоссе Гандеса — Тортоса, перерезав его на седьмом километре. Южнее Тортосы 14-я бригада под командованием майора Сагниера и комиссара Роля Тангуи бросилась в атаку, и ее первому батальону «Парижская коммуна», усиленному одной ротой, удалось форсировать реку. Но их тотчас контратаковал противник, обладавший значительным превосходством в живой силе и технике. Штыками и ручными гранатами первый батальон отразил восемь вражеских атак и на протяжении всего дня удерживал свои позиции. Батальон потерял более 60 % численного состава. В этом бою погибли командир первого батальона майор Касала и комиссар Франсиско Парра. Правительство Республики, отметив героические действия батальона, наградило его медалью за храбрость. Вслед за этим вся 45-я дивизия, в которую входили 12-я и 14-я

интернациональные бригады, форсировала реку в том же месте, где прошли главные силы корпуса, и приняла участие в тяжелых боях у Пандольса.

Эта операция была последней, в которой участвовали интернационалисты. В середине сражения их вывели из соединений. Командиром 45-й дивизии стал Луис Ривас, а затем, когда он был ранен, командование принял Рамон Солива, отличившийся, уже не в первый раз, на фронте в 124-й бригаде, за что его наградили медалью Свободы. Начальником штаба назначили Мигеля Анхела; выдающийся деятель испанской войны, он стал видным участником движения Сопротивления во Франции..

Последнее сражение бойцов интернациональных бригад в Испании — сражение на Эбро — явилось замечательным завершением их участия в борьбе на стороне испанского народа. Два года сражались они плечом к плечу с нами. Но наша совместная борьба не закончилась на этом. Позже мы встречались на других фронтах и на других полях сражений.

К концу дня 25 июля части V корпуса, оставив изолированную Моро де Эбро (она была занята вновь на следующий день) и взяв Миравет, Бенисанет и Пинель, захватили Сьеррас де Пандольс и Кабальс, достигнув своими авангардами Эрмита де Бот. В тот же день мы навели временный мост у Хинестара. Утром 26-го на этом же месте был сооружен тяжелый мост. К полудню вражеской авиации удалось разрушить несколько звеньев моста, но часть танков, бронемашин и артиллерии V корпуса уже перешла по нему на другой берег реки. Спустя несколько часов этот мост и весь авангард были снесены внезапно поднявшейся водой — противник открыл шлюзы водохранилищ Камарасы.

С рассвета 25 июля вражеская авиация беспрерывно атаковала нас, бомбардируя главным образом речные переправы, берега, деревни и дороги в окрестностях Эбро, стремясь помешать передвижению наших войск. В течение первых двух дней мы действовали без поддержки своей авиации. На протяжении всего сражения противник имел превосходство в воздухе. На Эбро итало-германская авиация впервые применила бомбометание с пикирования и использовала бомбы крупного калибра. Мы буквально выходили из себя, видя, как наши летчики сражаются один против пятерых и даже большего количества врагов. Наши бойцы назвали республиканскую авиацию «славная», а франкистскую— «многочисленная». Эти названия вполне соответствовали действительности. Благодаря героизму и боевому духу наши летчики на протяжении всей войны смогли

добиться, казалось бы, невозможного — уравновесить огромное численное превосходство противника.

26, 27, 28 и 29 июля вдоль всего фронта стали появляться ударные части противника, и его сопротивление с каждым днем становилось все упорнее. 29 июля фронт установился на линии Побла де Масалука — Вильяльба — Гандеса (все три пункта были заняты противником) — Сьерра Пандольс (занята нами) и затем по реке Каналетас. Наши войска перешли к обороне. Рассказывая об этих первых днях, Гарсиа Валиньо писал в книге «Испанская освободительная война»: «…Действительно, мы не предполагали возможность сильной атаки со стороны противника в районе Эбро, так как большинство военных специалистов считало полноводные реки в это время года почти непреодолимыми препятствиями». И франкистский историк Мануэль Аснар еще в 1940 году вынужден был невольно признать это в своей книге «Военная история испанской войны»: «Стремительность операции была неожиданной… Генералиссимус отовсюду перебрасывал туда войска и оружие. Он принял вызов так же, как и в Теруэле. 50-я дивизия не могла сдержать натиск лавины двух армейских корпусов и потеряла Фатарелью, Да Вента де Кампосинес, вершины Пандольс, Кабальс и Пикосо; националисты остались без Рибарохи, Фликса, Аско, Файона, Моро де Эбро, Миравета и других деревень».

Генерал Баррон, командир 13-й дивизии, писал 25 июля: «Обстановка весьма тяжелая: противник свалился на нас, как лавина, сметающая все на своем пути; только за один день он продвинулся на 20 километров и угрожает перерезать наши коммуникации с Тортосой, а у Альканьиса дорогу из Сарагосы в Кастельон. Нами овладело уныние…» А генерал Алонсо Вега, вступивший в ночь с 25 на 26 июля в командование 84-й дивизией, спустя пять дней писал о республиканской армии: «Противник, снабженный многочисленными средствами, несмотря на потери, снова бросает в атаку большое количество своих войск. Они воодушевлены достигнутым успехом, их боевой дух весьма высок…» И далее: «Наиболее отборные части армии противника, снабженные, как указывалось ранее, многочисленными средствами, проникнутые *высоким боевым духом…»* (подчеркнуто мною. — *Э. Л.)*.

Как видим, 25 лет назад франкистские историки занимали позицию, более близкую к истине, чем та, которую они занимают теперь. Они не хотят признавать несомненные заслуги Народной армии. Сражение на Эбро является наиболее спорным. Франкистские «историки» в своих «трудах» именно это сражение постарались фальсифицировать больше всего. Все эти годы они

так искажали его, что оно становилось все менее и менее похожим на то, каким было в действительности. Но не только франкисты фальсифицировали сражение на Эбро; даже в лагере республиканцев есть люди, делающие то же самое. И хотя делают они это с разных позиций, но преследуют одни и те же цели.

Аргументация франкистов основывается на том, что якобы в сражении на Эбро во всей полноте проявился военный «гений» каудильо, позволивший уничтожить Народную армию в Каталонской зоне (с этим соглашаются некоторые лица из республиканского лагеря), занять указанную зону и быстро выиграть войну.

В книге «Часовой Запада» Луис де Галинсога, а также генерал Франко Сальгадо и другие «историки» объясняют это тем, что каудильо, как только получил известие о форсировании Эбро республиканскими войсками, буквально в ту же минуту задумал и предложил план уничтожения Народной армии. «Таким образом, — пишут льстецы, — в сражении на Эбро, задуманном в одну минуту и развертывавшемся на протяжении нескольких месяцев, величайший творец самых гениальных операций в истории войн начал практически и плодотворно претворять в жизнь свое неотвратимое стремление стать спасителем Запада».

Если бы мы не привыкли уже к официальной манере писать «историю» гражданской войны и правления каудильо, можно было бы только удивляться наглости подобных утверждений. «Гениальная идея» каудильо душить, уничтожать республиканские силы, форсировавшие Эбро, нигде на деле не осуществлялась. С 26 по 31 июля франкисты подготавливали наступление для ликвидации предмостного укрепления. Идея маневра была следующей: осуществить главную атаку в направлении Корбера — Вента де Кампосинес — Аско и одновременно две атаки в направлении Пинель — Мора де Эбро и Фатарелла — Фликс.

Действительное положение дел заставило их отказаться от этого плана и ограничиться сопротивлением натиску республиканских сил. Тогда они задумали более скромную. операцию — ликвидацию небольшого «мешка», созданного 42-й республиканской дивизией в Мекиненса-Файон и представлявшего собой второстепенное направление республиканского наступления. 6 августа против сил 42-й республиканской дивизии франкисты бросили 86-ю дивизию, усиленную четырьмя батальонами 150-й и четырьмя батальонами 4-й дивизий, танковым батальоном и 25 батареями артиллерии, помимо собственной дивизионной артиллерии и многочисленной авиации.

«В 11 часов утра 6 августа, после трехчасовой артиллерийской подготовки, танки, шедшие впереди пехоты, двинулись к первой линии окопов… Упорный бой длился первые часы пополудни, когда стояла страшная жара. Подъем на Ауте поддерживала авиация, которая, «действуя по конвейеру», обстреливала из пулеметов позиции противника, пока бомбардировщики «савойя» выполняли свою задачу, препятствуя сосредоточению резервов и стремясь уничтожить мост у Мекиненсы» (генерал Гарсиа Валиньо). «В этих условиях национальное командование решает отбросить Красную Армию на другой берег Эбро, дав об этом директиву от 2 августа. Этот план в мельчайших деталях разработал лично генералиссимус, используя большую массу артиллерии» (Подполковник Санчес Гарсиа, журн. «Армия» № 211).

Где же здесь идея разгрома, уничтожения? Идея, казавшаяся ясной, в действительности оказалась совсем иной: заставить республиканские войска вернуться на другой берег Эбро. Несмотря на большое численное превосходство в людях и вооружении, франкистам потребовалось двенадцать дней для ликвидации «мешка», которому республиканское командование придавало второстепенное, ограниченное значение: служить маскировкой при нанесении главного удара. Пока развертывалась предшествующая операция, франкистское командование подготавливало другую: захват Сьерры де Пандольс и выход на шоссе Гандеса — Пинель. Осуществляла эту операцию 4-я дивизия, усиленная частями пехоты из других дивизий, 30 батареями артиллерии различных калибров и поддержанная массой авиации. Сьерра де Пандольс была занята 11-й республиканской дивизией. В результате ее действий противник понес в ожесточенных боях большие потери, потерпел полное поражение и вынужден был отказаться от планов захвата доминирующих позиций на Сьерре де Пандольс. И здесь не осуществилась «гениальная» идея каудильо уничтожить республиканские силы, форсировавшие Эбро.

Спустя несколько дней противник поставил перед собой задачу прорвать республиканский фронт в секторе Вильалба де лос Аркос и, продвинувшись вглубь к Эбро, разбить республиканские части, заставив их вернуться на левый берег реки. Силы врага состояли из трех дивизий и подкреплений — частей из других дивизий, 42-х артиллерийских батарей разных калибров, при поддержке всей массы итало-германской авиации. В это же время остальные силы франкистов — до семи дивизий — атаковали позиции республиканцев в других секторах. Республиканцы могли противопоставить четыре дивизии и 50

артиллерийских орудий. Для франкистов это была «большая операция», которая должна была стать «решающей». «Национальное командование, не желая давать передышки врагу и обладая максимальными средствами для реализации этого плана, решило дать окончательное сражение, чтобы изгнать противника с предмостного плацдарма, защищаемого так упорно», — говорит генерал Гарсиа Валиньо в своей книге.

20 августа, после сильнейшей артиллерийской подготовки, противник начал «большую операцию», которая должна была стать «решающей», но спустя неделю закончилась новым и полным провалом франкистов и еще одной победой республиканской армии. В «Дневнике операций» 13-й франкистской дивизии об этой операции говорится: «Противник, молниеносно укрепляющийся, решивший продолжать бой до последнего, оказывает упорное сопротивление. Продвижение вперед становится все медленнее и дорого обходится нам». А генерал Гарсиа Валиньо по существу вскрывает авантюристический характер плана Франко: «На схеме № 20 графически показаны основные директивы командования, которые ясно говорят о честолюбивом характере этого плана, основанного на ложной информации о состоянии боевого духа противника… Возможно, мы недооценили его. И потому так планировали анализируемую сейчас операцию, которая могла быть успешной лишь в том случае, если бы наш противник не обладал таким высоким боевым духом».

3 сентября франкисты начали новое наступление, длившееся до 16 сентября. Речь идет о фронтальной атаке тремя дивизиями по центру республиканского расположения. Главный удар скомбинирован с другим, выходящим во фланг и осуществляемым двумя дивизиями. Наступление велось на фронте протяженностью 3 километра, где, как говорил генерал Гарсиа Валиньо, была «концентрирована, кроме артиллерии армейских корпусов Марокко и Маэстрасго, масса легионерской артиллерии (Итальянского корпуса) и значительная часть армейской. Действия этих частей поддерживались авиацией».

Вот что пишет об этой операции генерал Баррон: «Для прорыва командование выбирает позицию Хиронесес, напротив Гандесы, сплошь изрытую окопами. Стягивается огромное количество артиллерии.

Фланговый маневр через Гаету не был осуществлен, и бой превратился в серию непрерывных фронтальных атак, в результате которых неприятель был буквально вытолкнут с одной высотки на другую нашим правым флангом, все время находившимся под угрозой из-за того, что не удалась попытка

взять приступом вершину Сьерры де Кабальс».

В этом знаменитом прорыве франкисты за 13 дней наступления захватили лишь десяток квадратных километров, и это стоило им огромных потерь в технике. В ходе операций они вынуждены были несколько раз заменять свои сильно обескровленные дивизии.

Свидетельство генерала Валиньо: «Противник цепко держится на занятой территории, проявляя высокий боевой дух и намерение выстоять во что бы то ни стало…» Их противник еще раз разбил новый «гениальный» план каудильо. Но франкисты не испытывали недостатка ни в пушечном мясе, ни в обилии итало-германского вооружения. 18 сентября началось новое наступление в секторе с новыми силами, но Валиньо утверждает, что в первые дни октября «ввиду упорного сопротивления противника и глубины его оборонительных позиций командование армии окончательно решило перенести центр тяжести операции на правый фланг…».

Что касается этого месяца боев, то вот как об этом говорит генерал Валиньо: «Тридцать три дня мы атаковали и контратаковали, защищая свои фланги, днем и ночью отражая яростные атаки противника… Мы восполняли потери, не давая передышки противнику. Потери пополнялись из всех депо Севера и Центра Испании, и резервы бросались в бой сразу же по прибытии на фронт…»

Для пополнения своих частей, день ото дня истощаемых защитниками Республики, командование мятежников вынуждено было не только посылать на Эбро лучшие силы с других фронтов, но и набирать новобранцев, где только могло. Таковы были результаты попытки противника отбросить республиканские войска на левый берег Эбро. Эти усилия предпринимались им с 8 по 20 октября.

30 октября противник атакует Сьерру де Кабальс. Атаку осуществляет армейский корпус Маэстрасго, состоявший из четырех пехотных дивизий. Что касается поддержки других родов войск, то вот что об этом пишет генерал Гарсиа Валиньо: «30 октября, выбрав участок прорыва на северном склоне Сьерры де Кабальс, в течение трех часов мы сосредоточили на полутора километрах фронта наиболее мощную за весь период войны артиллерийскую группу, включая орудия калибром от 75 до 260 *мм* и, кроме того, большое количество артиллерии легионеров (Итальянского корпуса). Пехотное вооружение, накопленное на этом участке в колоссальном количестве, и активная поддержка авиации дополняли действия артиллерии».

С началом атаки корпуса Маэстрасго в действие вступили

Марокканский корпус, группа танков и итальянские «волонтеры».

Республиканское командование сочло, что настал момент считать операцию на Эбро законченной, и республиканские силы начали эластичную оборону с десятками контратак, длившихся 15 дней и нанесших противнику большой урон. Сохраняя полный порядок и организованность, войска со всем вооружением перешли на левый берег реки.

В своей книге «Предупреждение народам» генерал Рохо пишет: «По возвращении в Барселону я удостоверился, что отвод войск с Эбро и Сегре был совершен в полном порядке, как это было предусмотрено, без больших потерь в живой силе и технике. При этом ни одна из частей не была окружена и не оказалась в трудном положении. Информация противника как всегда была ложной. Отвод войск был предусмотрен, ожидался всеми и нисколько не отразился на состоянии боевого духа армии».

Приведенные ранее цитаты из франкистских источников, как мы думаем, вполне убедительно показывают, что основной мыслью Франко и его генералов было заставить республиканские войска отойти на левый берег Эбро. Это было ясно с первого до последнего дня сражения на Эбро. Что касается «гениального» плана Франко уничтожить республиканскую армию, то это была распространенная позднее выдумка франкистской пропаганды. В действительности же вся тактика Франко сводилась к разрушению республиканских укреплений путем интенсивного артиллерийского обстрела и бомбардировок с воздуха.

25 июля противник внезапно останавливает свое наступление в Леванте, и на Эбро появляются его лучшие части. С первых дней начинаются фронтальные атаки, но в них не чувствуется ни малейшего замысла маневра. На протяжении многих дней противник вел бой с целью захвата одной высоты, оставляя перед ней горы трупов. К этому и сводилась вся «гениальность» плана Франко на Эбро. Обычно атаки противника развивались следующим образом: в течение четырех-пяти часов его артиллерия и авиация бомбардировали первые линии наших укреплений, позиции нашей артиллерии и наблюдательные пункты. В то же время его истребители пулеметным огнем атаковали наши войска во второй линии и резервы. После этого переходила в атаку пехота, но, встречаясь с огнем нескольких наших пулеметов, откатывалась, и вновь начиналась артиллерийская подготовка и авиационная бомбежка. Когда противник пускал в ход мощные огневые средства, наши войска уходили в укрытия, а по окончании обстрела вновь занимали свои позиции. Иногда они появлялись в окопах одновременно с наступавшей пехотой противника, и тогда происходили жестокие

рукопашные схватки.

При подобной тактике фронтальных атак противнику потребовалось почти четыре месяца для отвоевывания того, что он потерял в один день. Франкисты понимали, что захват Сьерры де Пандольс даст им ключ ко всему горному массиву до Гарсии. Таким путем они получат наблюдательные пункты, позволяющие просматривать всю нашу систему обороны далеко за Эбро. Но это не окупало потерь — на протяжении недель противник бросал свои лучшие части на скалы Пандольса, многие из этих частей были полностью там уничтожены, как, например, знаменитая 4-я Наваррская дивизия, батальоны иностранного легиона и марокканские части. Захватить Пандольс противнику так и не удалось до 2 ноября, когда мы сами вынуждены были уйти оттуда, чтобы избежать окружения наших частей, защищавших Сьерру, поскольку враг, захватив высоты Кабальса, спускался к Пинелю.

Теперь перейдем к изучению других «фактов», на которые опираются франкисты, описывая историю сражения на Эбро: к вопросу о потерях. По их утверждениям, на Эбро были уничтожены лучшие силы республиканской армии и потери ее достигали 100 тысяч человек. При этом франкисты благоразумно умалчивали о своих потерях. В действительности же республиканские войска на Эбро потеряли 50 тысяч человек, из них 15 тысяч относятся к числу окончательных потерь, т. е. убитые, раненые, не возвратившиеся в строй, пленные и дезертиры.

Действительно, мы несли тяжелые потери. V корпус лишился многих прекрасных командиров и политработников. Потеря этих ветеранов, людей с большим опытом и авторитетом, несомненно, явилась тяжким ударом для корпуса и всей армии. Невозможно перечислить имена всех павших, рассказать об их героических подвигах. И все-таки я хочу назвать хоть некоторые имена, символизирующие огромный личный и коллективный героизм.

Домисиано Леаль — испытанный боец с довоенных времен. Несмотря на молодость (он был членом ХСУ), способный боевой командир, прошедший путь от рядового ополченца до командира 46-й дивизии. Пал в середине сражения на Эбро.

Анхел Барсиа — комиссар 11-й дивизии, мадридский рабочий, имевший немалый опыт классовой борьбы, участник штурма казармы Монтанья, затем политический уполномоченный одного из батальонов, сформированных на аэродроме в Хетафе; Барсиа участвовал в боях у Талаверы и в организации 1-й бригады. Потом все время сражался в рядах 11-й дивизии. Умный, храбрый, обходительный, человек исключительно твердого

характера. Барсиа искренне любили все, кто его знал.

Матиас Ягуэ — лесоруб, работал в горах недалеко от Мадрида. За революционную деятельность до войны подвергался репрессиям и был заключен в тюрьму. В первые дни мятежа сражался в Навасерраде, затем на всех фронтах в рядах 1-й бригады и 11-й дивизии. Командовал 9-й бригадой, пал в бою в Сьерре Пандольс.

Несколько позже был тяжело ранен комиссар той же бригады Андрес Куэвас; несмотря на свою молодость, он имел богатый опыт революционной борьбы.

Паулино Льоренто — комиссар батальона. Служил в 5-м полку со дня его основания. Воевал в Гвадарраме, под Талаверой, участвовал в обороне Мадрида и сражался на всех фронтах в рядах 11-й дивизии.

Мануэль Альварес (Манолин) — командир 42-й дивизии, астурийский рыбак. Человек большого мужества, огромной выдержки и скромности. Был убит в боях на Эбро.

Тибурцио Минайя — командир батальона, воевал с первых дней мятежа. Убит при штурме вражеских позиций.

Базилио Маньеро — учитель, с первого дня войны вступил в 5-й полк, затем в 1-ю бригаду и 11-ю дивизию, в рядах которой сражался до своей гибели, командуя батальоном на Эбро.

Брихидо Гарсиа — командир батальона; ему было 23 года, родился в Гаване. Погиб 25 июля в первые часы наступления, преследуя во главе своего батальона отступавшего противника.

Сотеро Фрехо — служил сержантом в старой армии. Храбрый, способный командир батальона. Убит в бою на Эбро.

Хоакин Морено — комиссар 2-й танковой бригады, убит в бою.

Сантьяго Агуадо — командир 100-й бригады 11-й дивизии; был тяжело ранен. Его выдающиеся военные способности сочетались с исключительным личным героизмом, он был представлен к награждению высшим военным орденом «Лауреада де Мадрид»; он умер, когда представление находилось на утверждении. Немного раньше его брат Рамиро лишился ноги в результате ранения, полученного в боях в Арагоне. Несмотря на это, он продолжал до конца войны участвовать в борьбе, преподавая в офицерской школе.

На Эбро был тяжело ранен капитан генерального штаба Хосе Монтеррубио; в 1942 году он погиб на советской земле, сражаясь против гитлеровцев. Ранены были: капитан Энкарнасион Эрнандес Луна, известная своей храбростью женщина — командир пулеметной роты, майор Рафаэль Соуса — командир 100-й бригады и Хосе Террон — комиссар этой бригады,

образцовый революционный борец. Не дождавшись выздоровления, он вернулся на фронт. Тяжело ранен был и Грегорио Рамирес, командир 9-й бригады — еще один ветеран из рядов ополченцев, ставший командиром бригады.

Каковы же были потери франкистов в сражении на Эбро? Нам неизвестно, чтобы франкисты, столь усердно занимаясь подсчетом, а вернее фальсификацией, наших потерь, когда-либо давали общие официальные данные о понесенном ими ущербе. Гитлеровский полковник Ксиландер оценивает людские потери франкистов в 100 тысяч человек, а один итальянский журналист, находившийся во время войны на стороне франкистов, приводит цифру 145 тысяч. Каковы же они были в действительности? За неимением общей цифры возьмем отдельные, опубликованные во франкистской печати, и сделаем некоторые подсчеты. Вероятно, эти цифры и не совсем точны, но они показывают, что итальянский журналист был не далек от истины.

В цитируемой книге генерала Гарсиа Валиньо говорится, что с 1 сентября армейский корпус Маэстрасго потерял 19 763 человека. Корпус обычно состоял из трех дивизий, но иногда ему придавали еще одну или две. Итак, мы можем считать, что в корпус в среднем входило четыре дивизии. В сражении на Эбро участвовало 13 франкистских дивизий. Каковы же были потери других девяти дивизий за тот же период, о котором рассказывает генерал Гарсиа Валиньо? Следует иметь в виду постоянные смены частей и то, что в боях участвовали все дивизии противника. Можно предположить, что потери этих дивизий наверняка были не ниже потерь в четырех дивизиях генерала Валиньо. Таким образом, мы получаем цифру, превышающую 64 тысячи человек. Но к данным генерала Валиньо необходимо относиться осторожно. Следует иметь в виду, что эти цифры относятся исключительно к убитым и раненым; генерал ни слова не говорит ни о количестве попавших в плен, ни о перебежчиках на сторону республиканцев. С другой стороны, генерал Валиньо говорит только о частях корпуса, непосредственно ему приданных, но не упоминает о потерях, понесенных частями поддержки — артиллерией, авиацией, танковыми частями и т. д.

Далее. Как уже говорилось, цифры, сообщенные нами, относятся к последним двум с половиной месяцам сражения, и, следовательно, к ним надо добавить потери, понесенные франкистскими дивизиями на протяжении первых пяти недель. В среднем они, несомненно, были не меньшими, чем в поздний период, так как август для франкистов был одним из наиболее тяжелых месяцев. В этот месяц тысячи франкистов нашли себе могилу на равнинах Гандесы, в окрестностях Корберы, в

Пандольсе. Кроме того, есть все основания предположить, что службы и роды войск, непосредственно Подчиненные армии, также понесли соответствующие потери, как и части Итальянского корпуса, принимавшие участие в сражении. А тысячи пленных, взятых республиканцами в первые дни наступления, франкистские историки, очевидно, не рассматривают как потери. Во время сражения они придерживались в значительной степени иного мнения о боеспособности Республиканской армии и понесенных ею потерях.

«Марокканские части с трудом продвигаются вперед, ручными гранатами очищая от противника каждые 10 метров окопов, откуда его не могли вытеснить ни повторные бомбардировки с воздуха, ни массированные артиллерийские обстрелы. Силы 13-й дивизии совершенно истощены, дивизию необходимо отвести с фронта, что делается начиная с 15 октября. В боях на Эбро 13-я дивизия потеряла 223 офицера (76 процентов) и 5649 солдат (60 процентов) и еще 700 человек в боях у Файона и Ампосты» («Журнал боевых действий 13-й франкистской дивизии»).

По сообщениям карлистов из терсио «Монтсерратской божьей матери», «в сражении на Эбро были убиты: один капитан, один лейтенант, пять унтер-офицеров, 12 сержантов и 147 солдат».

Поскольку это приблизительно соответствует численному составу пехотного батальона, а цифра 166 относится только к убитым, то, следовательно, эта часть была полностью уничтожена.

10 августа франкисты начали одну из своих атак на Пандольс. 12 августа Марокканский армейский корпус сообщал: «На сегодняшний день наши официальные потери составляют: 3 командира, 17 офицеров, 290 солдат, хотя, вероятно, они превышают цифру 500». Это были потери только одной 4-й Наваррской дивизии и менее чем за два дня боев.

Я потому так подробно остановился на вопросе о количестве потерь, что на основании этих цифр делалось и делается сейчас немало выводов как военного, так и политического характера, выводов, полностью искажающих действительную картину сражения на Эбро.

Рассмотрим еще один «опорный пункт» франкистской пропаганды и пропаганды капитулянтов и предателей, стремящихся принизить значение сражения на Эбро. Я имею в виду известные упреки в «бессмысленности» сопротивления.

Есть люди, обвиняющие Негрина и коммунистов в том, что операцией на Эбро мы стремились добиться политического

эффекта, а наше длительное сопротивление было ошибкой, так как мы потеряли силы, которые могли бы использовать для защиты Каталонии. Другие, наоборот, считают, что сопротивление на правом берегу должно было быть более долгим и упорным.

Наше наступление на Эбро явилось наиболее важной военной операцией Республики на всем протяжении войны. Форсирование Эбро началось в момент, когда сражение в Леванте достигло своего апогея. И главной целью операции «Эбро» было остановить наступление противника на Сагунто и Валенсию, привлечь его к Каталонскому участку и, таким образом, дать время республиканским силам в зоне Центр — Юг — а их там было вдвое больше, чем в Каталонии, — для перегруппировки и подготовки к переходу в наступление.

К сожалению, события в зоне Центр — Юг развивались не так, как предусматривалось планом высшего командования. Но это отнюдь не означает, что наступление на Эбро было излишним и несвоевременным. Благодаря этому наступлению в тот же день, 25 июля, противник вынужден был прекратить свои атаки в Леванте, а 29-го, т. е. четыре дня спустя, атаки, начатые в Эстремадуре франкистскими армиями под командованием генералов Саликета и Кейпо де Льяно.

Мы добились нашей главной цели — остановили наступление противника в Леванте, его лучшие силы, значительно превосходившие по численности республиканские, на протяжении почти четырех месяцев были прикованы к Эбро. Уже на третий день наступления нам стало ясно, что продвижение врага приостановлено и операция вступила в фазу сражения на изматывание противника. Мы вступили в эту борьбу потому, что она составляла часть наших планов, ибо речь шла, как я уже говорил, в первую очередь о том, чтобы остановить наступление франкистов в Леванте и дать время нашим войскам в зоне Центр — Юг для перегруппировки и последующего перехода к наступательным действиям. Следовательно, в военном отношении наше сопротивление на Эбро было правильным. Наступательная операция на Эбро и оборонительные бои на протяжении более трех с половиной месяцев на предмостном плацдарме позволили нам взять инициативу в свои руки и сохранять ее с момента начала операции до ее конца. Республиканское наступление на Эбро значительно улучшило политическое и военное положение Республики и могло бы явиться переломным, изменить ход войны в нашу пользу. И если этого не произошло, то не само сражение было тому причиной и не люди, которые в нем участвовали.

Франко и его «историки» намеренно искажают правду, утверждая, что исход сражения на Эбро повлиял на конечный итог войны, ускорил ее окончание. Незадолго до начала операции на Эбро Франко на одном из заседаний своего правительства объявил о скором окончании войны и изложил перед министрами ряд мер, которые намеревался осуществить после этого. Касаясь вынужденного приостановления операций в зоне Центр — Юг, с целью противостоять нашему наступлению на Эбро, генерал Бароссо заявил 23 июля 1957 года:

«…Мы собирались закончить войну согласно нашим планам». Иными словами, до республиканского наступления на Эбро правительство и фашистское командование надеялись быстро выиграть войну, но этот оптимизм в лагере франкистов значительно убавился в период сражения на Эбро.

2 октября 1938 года, в разгар сражения, германский посол при франкистском правительстве писал своему министру иностранных дел: «По мнению здешних германских и итальянских военных специалистов, Франко едва ли удастся выиграть войну в ближайшем будущем, если только Германия и Италия еще раз не пойдут на новые жертвы, чтобы помочь Франко живой силой и техникой» (документ 672 из серии секретных германских архивов о войне в Испании, опубликованных британским правительством).

По другим документам этой же публикации, Франко в тот период с большой тревогой обращался за помощью к Италии и Германии. Так, в октябре 1938 года, во время сражения на Эбро, он просил у Германии 50 тысяч винтовок, 1500 легких и 500 станковых пулеметов, артиллерию и авиацию. О помощи Франко говорится и в документе, датированном 22 октября, написанном заместителем министра иностранных дел Германии: «Хотим ли мы обеспечить полную победу Франко? Тогда необходима сильная военная помощь: безусловно, та, какую он у нас просит, будет недостаточна. Если же мы хотим только заставить Франко оказывать красным сопротивление, то и тогда наша поддержка будет для него необходима, но для этого хватит того вооружения, которое он у нас сейчас просит. Если же мы не предоставим Франко никакой другой помощи, кроме содержания в Испании легиона «Кондор», то это может повлечь за собой компромисс с красными».

Как можно видеть, положение в лагере франкистов во время сражения на Эбро значительно отличалось от того, каким его нам сегодня представляют «историки» франкистского режима.

Что касается ошибок с нашей стороны, то, по моему мнению, их было немало. Но основные те, которые повлекли за собой

отрицательные последствия, содержались в оперативном плане, в директивах и мерах по их выполнению.

Отрицательным последствием всего хода операции явилось то обстоятельство, что не была взята Гандеса, а она являлась наиболее важным узлом коммуникаций в секторе операций. Взять ее было поручено XV корпусу, близко подошедшему к ней в первый же день. Но ему так и не удалось овладеть Гандесой.

Достаточно посмотреть на карте сектор форсирования реки и объекты, указанные каждому корпусу, чтобы увидеть всю нелепость решения о том, что Гандесу должен брать XV корпус, а не V. Ход операции вскоре подтвердил несостоятельность этого плана; мы сделали ставку на Гандесу, но проиграли со всеми вытекающими отсюда последствиями для дальнейшего развертывания операции. И дело не только в том, что Гандеса не была взята XV корпусом, а в том, что как раз в секторе V корпуса (между Вента де Кампосинес — Сьеррой Кабальс — Сьеррой Пандольс и рекой Каналетас) и должно было в основном развиваться сражение на Эбро. В течение четырех месяцев боев через V корпус прошли не только 35-я и 42-я дивизии XV корпуса, но также дивизии Восточного фронта — 43-я и 27-я под командованием Усаторре и комиссара Ависа Кунди, 60-я под командованием Мануэля Ферранди и комиссара Франческо Скотти (итальянского товарища, храбро сражавшегося всю войну). Нелишне напомнить, что V корпус в первый же день взял все указанные ему в направлении главной атаки объекты. А когда XV корпус не выполнил своей задачи, т. е. не взял Гандесу, V корпус был вынужден использовать часть своих сил для защиты правого фланга от вражеских атак.

Кое-кто критикует 11-ю дивизию, наступавшую на нашем правом фланге, за то, что она не взяла Гандесу в первый день наступления. Те, кто это делает, не знают или забывают, что 25 октября XV корпус уже атаковал Гандесу, имея достаточно сил и средств для захвата, что его командир не просил — ни в один из моментов — помощи у V корпуса, а когда вечером 25-го помощь была предложена, отказался от нее, сказав, что в настоящее время у него достаточно войск и средств для сокрушения противника. И, наконец, командующий армией мог приказать V корпусу предпринять соответствующие действия в отношении Гандесы, но он этого не сделал.

Франкистские «историки», стремясь принизить роль в операции технической и военной подготовки и особенно любви к свободе и демократии бойцов Народной армии, выдвигают в качестве одного из аргументов, что форсирование реки оказалось возможным якобы благодаря наличию у республиканской армии

мощных современных средств — мостов, понтонов и т. п., полученных из-за границы. В действительности же (и это они хорошо знают) все эти средства были испанскими, их создали испанские рабочие, но, к несчастью, этих средств было слишком мало. Отсутствие мощных современных средств переправы — одна из трудностей, отчетливо проявившихся в этой операции. И поэтому большая часть танков, артиллерии, грузовиков с боеприпасами и санитарных автомобилей вынуждена была ожидать по три дня возможности переправиться через реку, в то время как пехота уже встретилась с организованным огнем противника и его резервами, переброшенными с других фронтов. Но верно и то, что, несмотря на реальные трудности, генштаб мог бы собрать значительно больше средств для форсирования реки, если бы он поставил перед собой эту задачу с той ответственностью, какой этого требовала операция.

Необходимо отметить огромные заслуги инженерных войск, которые под командованием майора Хосе Бобадильи и комиссара Андреса Перейры творили чудеса. То же можно сказать и о санитарной службе — ею руководили Вилья Ланда и комиссар Арсенио Валядорес (впоследствии он много лет находился в заточении во франкистской тюрьме), и об интендантской службе, руководимой майором Луисом Вильясанте и комиссаром Лукасом Нуньо (позже был убит франкистами).

Зона атаки была выбрана удачно. Она находилась относительно далеко от места, где действовали основные маневренные силы противника, и в то же время угрожала его главным коммуникациям. Выбор широкого фронта для форсирования реки тоже был правильным, так как это позволяло быстро и успешно маневрировать и замаскировать главное направление атаки.

Но количество людей и средств было недостаточно. Несмотря на ограниченность наших возможностей, мы все-таки могли собрать больше людей и техники. Имелась возможность укомплектовать части ветеранов и создать несколько новых частей. Вместо одной дивизии, взятой из Восточной армии, можно было бы взять три или четыре, как это пришлось сделать позже, тогда мы бы располагали резервами по меньшей мере в один армейский корпус, а не в одну дивизию.

Первые три дня мы действовали без поддержки авиации, в то время как самолеты противника день и ночь находились в воздухе, беспрерывно и безнаказанно бомбардируя наши войска и средства переправы. Генеральный штаб не хотел еще раз идти на риск, как это имело место в неудачной операции под Балагером — тогда он перебросил авиацию из Леванта, где противник

продвигался очень быстро, а наша пехота осталась без ее поддержки.

Дело в том, что те, кто готовил операцию на Эбро, не были уверены в ее успехе. Если франкистов наше наступление захватило врасплох, потому что они не знали о его подготовке, то и в нашем лагере имелось немало людей, которые были не менее удивлены успешным форсированием Эбро. Оно оказалось неожиданностью для многих военачальников, участвовавших в подготовке операции. Эти люди не доверяли бойцам, поскольку не имели постоянных, тесных контактов с ними, не могли видеть, как они растут от боя к бою, как ополченцы становятся настоящими солдатами, солдаты — опытными командирами.

На Эбро мы еще раз ощутили это недоверие, сводившее на нет всякое желание пойти на риск, пламенную жажду победить — эти вечные движущие силы войны. Еще одно хорошо спланированное и успешно начатое наступление, которое могло бы завершиться решающей победой, оказалось ограниченным по своим результатам. И все же, несмотря на слабости и ошибки, республиканское наступление на Эбро, без сомнения, явилось большой удачей и значительной военной и политической победой как в национальном, так и в международном плане. Это была победа, в которой так нуждалась Республика после того, как ее территория была разрезана надвое в силу сложившейся в Леванте обстановки.

Что касается целесообразности или нецелесообразности нашего длительного сопротивления, то мое мнение остается прежним: оно было целесообразно. Мы могли бы отвести войска на левый берег Эбро спустя полтора — два месяца после начала операции, когда уже становилось ясно, что высшее командование зоны Центр — Юг отказывалось сражаться и хотело нашего поражения, но наш уход с предмостного плацдарма на Эбро не Изменил бы существенно соотношения сил на Каталонском фронте. Противник перебросил на Каталонский участок фронта свои основные силы и вооружение, и если бы мы решили закончить сражение на Эбро раньше, он начал бы раньше Каталонскую операцию. Для нас сопротивление на Эбро было единственной возможностью защитить Каталонию и измотать врага. А тем временем Генеральный штаб, министр обороны и правительство сумели убедить или заставить командование зоны Центр — Юг действовать.

Мы сопротивлялись, пока имели перед противником преимущество в месте действия, вынуждая его каждую нашу потерю оплачивать несколькими своими. Когда же мы утратили эти доминирующие позиции, то с боем и в полном порядке

отвели войска, стараясь сохранить все — до последнего человека и до последнего патрона. Отойдя раньше, мы решительно ничего не выиграли бы, а продолжать сопротивление означало бы потерять остатки своих славных частей, проявлявших такой героизм на протяжении почти четырех месяцев беспрерывных боев.

На Эбро, а затем в Каталонии меньшая часть армии Республики почти беспрерывно, в течение шести с половиной месяцев, сражалась против основных сил франкистской армии, в то время как главные республиканские силы бездействовали в зоне Центр — Юг. Некоторые из их командиров не только отказывались выполнять важные оперативные планы Генерального штаба — попросту саботируя их, — но были не способны приковать резервы противника к фронтам Центр — Юга, что позволило франкистскому командованию продолжать борьбу на Эбро, последовательно сменяя свои части, а позже сосредоточить их для наступления на Каталонию.

Солдаты и почти весь командный состав частей республиканской зоны Центр — Юг, зная о подвигах своих братьев на Эбро и в Каталонии, были полны энтузиазма. Они просили отправить их туда, на помощь бойцам, сражающимся на берегах Эбро и в Каталонии, как того требовала обстановка. Но некоторые командиры, занимавшие высшие командные посты в той зоне, уже готовили измену, они были заинтересованы в разгроме республиканских войск в Каталонии.

Я хочу вернуться к одному из таких лжегероев, военная карьера которого закончилась на Эбро, хотя до сих пор еще не закончилась его карьера комедианта, до сих пор он шатается по свету, вызывая у людей смех своим паясничаньем и своими провокациями, играя на руку врагам испанской демократии. Я имею в виду «Кампесино». За три дня до начала операции «Кампесино» пожаловался мне на недомогание. Придя к нему, я застал его в постели. Однако у меня сложилось впечатление, что его болезнь — просто комедия. И тем не менее я предложил ему сдать дивизию другому командиру, а самому отправиться в тыл. Но «Кампесино» категорически возражал, заявив о своем намерении остаться на посту командира дивизии, даже если ему придется командовать, лежа на носилках. Я обещал прислать к нему врачей, отложив окончательное решение вопроса до их заключения. Комиссар дивизии Кампо подтвердил мои подозрения, сказав, что «Кампесино» просто боится форсирования Эбро и в то же время он не хочет передать командование другому, а постарается командовать операцией с левого берега. В тот же день я отправил к «Кампесино» врачей, сообщив им о своих

подозрениях. Мы договорились, что они — даже если это и явная симуляция — признают заболевание и рекомендуют «Кампесино» эвакуироваться в госпиталь под серьезное наблюдение врачей. Я не ошибся. Единственной болезнью, которой страдал «Кампесино», был страх: он согласился сдать дивизию, но на исследование в госпиталь корпуса не поехал. «Кампесино» отправился на виллу в Пинс дель Вальес, вблизи Барселоны. Его дивизию я передал Домисиано Леалю, члену ХСУ и Социалистической партии; он обладал великолепными качествами командира. Леаль участвовал в войне с самого ее начала, был ополченцем и благодаря своему мужеству и способностям стал командиром бригады. Под его командованием 46-я дивизия блестяще выполнила задачу, предназначенную ей в операции по форсированию реки, а затем и в ходе сражения. В сентябре Леаль погиб во время бомбежки от осколка бомбы, в момент, когда мы с ним проводили рекогносцировку местности.

На место Леаля я назначил другого командира, однако в тот же вечер на моем командном пункте появился «Кампесино». Я объявил ему, что его приход как нельзя вовремя, поскольку Леаль убит, а дивизия должна вечером вступить в бой, поэтому он должен немедленно принять командование. «Кампесино» ответил, что еще не выздоровел и пришел только навестить меня и что он даже не в полевой форме. Я приказал ему стать «смирно» и отдал приказ принять командование дивизией. Ночью дивизия «Кампесино» сменила 35-ю, которая уже более двух недель вела героические бои. На следующий день противник продолжал атаки, и 46-я дивизия за один день потеряла большую территорию, чем 35-я за две недели. Чтобы избежать катастрофы, мне пришлось Специальным батальоном закрыть брешь. А в это время «Кампесино» находился уже далеко от фронта. В ту же ночь я отстранил его от командования и направил в штаб армии с соответствующим донесением. На следующий день 46-я дивизия — с другим командиром во главе — снова сражалась с тем же мужеством, как и в предыдущие два месяца.

Спустя два дня меня вызвали в штаб армии. Там были товарищи Михе и Антон — члены Политбюро; они приехали выяснить, что произошло с «Кампесино». Мы собрались вчетвером — они двое, «Кампесино» и я. Каждый из нас высказал свою версию событий. Я считал неправильным разбирать дело в отсутствие Модесто, так как помимо того, что он был командующим армией, он, как и я, являлся членом Центрального Комитета партии. Я считал, что разбирательство в отсутствие Модесто может вызвать подозрения, будто я «свожу счеты» с «Кампесино». Поэтому я попросил передать рассмотрение этого

вопроса Политбюро. Стремясь обеспечить полную ясность и объективность, я предложил, чтобы кроме «Кампесино» и меня в разборе дела приняли участие Модесто и Делахе — комиссар армии, а также дель Кампо — комиссар 46-й дивизии и Сантьяго Альварес — комиссар V корпуса. Мое предложение было принято, и спустя два или три дня мы собрались с членами Политбюро в Ситхесе в доме Хосе Диаса. Председательствовал Хосе Диас. Там все и прояснилось. «Кампесино» заслуживал не только отстранения с поста командира дивизии, но даже более сурового наказания. Всем стало очевидно, что он не может командовать не только дивизией, но даже и ротой; с того момента «Кампесино» был полностью отстранен от командования.

Мне хочется рассказать о моих встречах с иностранными корреспондентами в Испании.

Я, как и многие, понимал, что среди них были люди двух категорий: те, кто честно выполнял свою миссию, объективно информируя народы о событиях в нашей стране, и те, кто, маскируясь и прикрываясь карточкой корреспондента, собирали информацию для своих государств и секретных служб, включая и разведку Франко. Отличить одних от других было нелегко. Поэтому проще было принять доступные нам меры предосторожности, как я и поступал, даже если это. портило мои отношения и со многими корреспондентами, и с высшими штабами, и с министрами, направлявшими ко мне репортеров.

Вскоре после начала сражения на Эбро на моем командном пункте появилось около шестидесяти корреспондентов, в большинстве иностранных. Они прибыли в сопровождении чиновника Министерства иностранных дел с разрешения самого министра и хотели увидеть фронт, наши позиции, войска — одним словом, всю нашу боевую диспозицию.

Я испытывал сильнейшее искушение посадить их в автобусы и отправить обратно в Барселону. Но не сделал этого, не желая подводить министра. Я просто решил ничего им не показывать и не пускать дальше моего командного пункта.

Было 11 часов утра, когда журналисты собрались под оливами вблизи командного пункта. Я рассказывал им об общем ходе операции, их угощали различными напитками, среди которых был и хорошо приготовленный коктейль… В ходе нашей беседы с достаточной четкостью определялись эти две категории корреспондентов. Те, кто хотел получить информацию только для своих газет, вели себя спокойно, задавая обычные для корреспондентов вопросы; те же, кто приехал за разведывательной информацией, обращались с вопросами, которые вряд ли могли интересовать читателей, но выдавали

специальный интерес к расположению наших войск на этом участке фронта, к перспективам, развитию плана операции и т. п.

Время шло, и те, кто охотился за чисто военными сведениями, стали проявлять все большее нетерпение. Их недовольство усилилось, когда сообщили, что подан обед. «Первым» это известие показалось приятным, а «вторые» стали напоминать, что министр обещал обеспечить им возможность осмотреть передовые позиции, войска и т. п. и что они здесь именно ради этого и находятся. Когда обед подходил к концу, я незаметно отдал приказ артиллерии на несколько минут открыть огонь по позициям противника. Часть орудий была расположена невдалеке от места, где мы обедали. Ответный огонь противника из пушек 88-миллиметрового калибра не заставил себя ждать, а именно этого я и добивался. Несколько снарядов упало вокруг нас. Корреспондентам я сказал, что противник нас обнаружил, и предложил перейти в укрытие. А когда обстрел прекратился, я дал понять, что им следует немедленно уехать. Корреспонденты, приехавшие за информацией для прессы, были рады этому, так как уже получили все сведения, интересные для читающей публики. Что же касается тех, кто преследовал иные цели, то они были просто взбешены, так как догадались, что я устроил комедию, помешавшую выполнению их «миссии».

Спустя три дня появился французский «журналист» с письмом от министра иностранных дел, в котором мне предлагалось показать гостю все, что он захотел бы увидеть. Это был молодой человек, превосходно говоривший по-испански. Его, четкие вопросы и выправка выдавали в нем военного. Он хотел осмотреть передовые позиции, расположение войск, систему обороны и т. п. Вблизи командного пункта в резерве находилась танковая рота, и я повел его туда. «Журналист» попросил у меня разрешения опробовать какой-нибудь танк. Сев в машину, он включил мотор и стал маневрировать. А когда «журналист» вышел из танка, я сказал, что считаю визит законченным и он может вернуться в Барселону. Ссылаясь на разрешение министра, «журналист» пытался протестовать, но все-таки убрался восвояси.

Когда война окончилась, французские власти предписали мне поселиться в городе Жьен (департамент Луаре). На следующий день после того, как я приехал туда с женой и дочерью, в мою комнату в отеле кто-то постучал. Открываю дверь — на пороге мой милейший «журналист» с Эбро, в форме капитана французской армии. Он официально предложил мне помощь. Я ответил, что нуждаюсь лишь в том, чтобы меня оставили в покое, и, не пригласив его войти, закрыл перед ним дверь.

Несколько слов я хочу сказать еще об одном иностранном

корреспонденте, позиция которого вызвала много споров. Я имею в виду Эрнеста Хемингуэя.

С Хемингуэем я познакомился в дни сражения под Гвадалахарой. Он тоже принадлежал к числу тех, кто хотел увидеть все своими глазами, а если ему этого не разрешали, сердился, как ребенок, у которого отняли игрушку. Несколько раз Хемингуэй обижался на меня за то, что я не позволял ему отправиться на передовые позиции. Но потом его обиды проходили.

Спустя много лет после нашей войны я прочел его книгу «По ком звонит колокол». Она возмутила меня, но не очень удивила. Я не сомневаюсь, что Хемингуэй всегда, до самой своей смерти, принадлежал нашему делу. Но как объяснить тот факт, что он написал книгу, являющуюся грубой карикатурой на нашу войну, на героическую борьбу испанского народа и волонтеров свободы?

Я думаю, написал он это потому, что в тот момент не был способен создать другое. Несмотря на свой талант, он не смог постичь всей глубины борьбы испанского народа. Хемингуэй, как и многие другие, часто давал себя увлечь внешней стороной событий, мелкими фактами, поверхностными сторонами борьбы и не мог по-настоящему глубоко проникнуть в ее сущность, не понимал прежде всего того серьезного влияния, которое призвана была оказать эта героическая страница нашей истории на все развитие демократии в Испании. Не понимал он и истинного значения и будущих последствий участия в испанской войне волонтеров свободы.

С другой стороны, эта книга достаточно убедительно отражает некоторые особенности образа мыслей Хемингуэя, его горячий и злопамятный характер. В беседах с ним я замечал эти стороны его натуры, как и то, что он был страшно щепетилен и резко реагировал на любую мелочь, которую считал для себя оскорбительной. Эти его черты проявились уже в первый день нашего знакомства. В разговоре со мной он сказал: «За границей говорят, что вы не испанец, но я вижу, что это неправда». «Но это так и есть, — ответил я. — Я действительно не испанец». Узнав интересную для газеты подробность, он удивленно спросил, какой же я национальности. «Галисиец»[47],— ответил я. Все рассмеялись, а он стал очень серьезен, явно задетый этой безобидной шуткой.

Я без удивления прочел те места в его книге, где говорится обо мне, — это был его маленький реванш за то, что я не показал ему всего, что он хотел увидеть. Я знал, что Хемингуэй не простит мне этого. Да он и сам не раз говорил об этом. Думаю, что отчасти особенности его характера, отчасти желание написать

доходный в коммерческом отношении роман и привели к созданию книги, которая идет вразрез с его деятельностью и активной помощью испанской демократии. Эта книга в целом является оскорблением борьбы испанского народа и тех, кто помогал нам с оружием в руках, и в то же время она является изменой тем убеждениям в отношении нашей борьбы, которых придерживался Хемингуэй и которые он выражал не только во время войны, но и после нее во многих своих работах и другими средствами, в частности в прекрасном фильме, сделанном им совместно с большим кинематографистом Йорисом Ивенсом в 1937 году. Поэтому, несмотря на его книгу, я всегда храню к Хемингуэю самые сердечные чувства, рожденные в огне испанской войны, и знаю, что он до самой своей смерти питал такие же чувства ко мне.

В 1946 году бойцы батальона имени Линкольна пригласили меня в Нью-Йорк. В связи с этим Хемингуэй писал с Кубы нашему общему другу Мильтону Больффу, командиру батальона Линкольна:

> «Дорогой Мильтон!
>
> …Когда я получил твою телеграмму, в которой ты сообщаешь мне об организации вечера в честь Листера, я подумал, что это будет интересная встреча. Я рад и горд, что имя Листера не забыто, так как оно является символом сопротивления Испании фашизму, и, кроме того, он мой старый друг.
>
> …Мне кажется, что получить для Листера визу невозможно. Если тебе не удалось получить ее для Тома Бинтрингея, то как ты ее получишь для Энрике? Когда ты сообщил мне, что он будет присутствовать на этом вечере, я подумал, что, возможно, он прибудет к вам иным путем…
>
> *Эрнест».*

В заключение этой главы, я думаю, будет очень хорошо привести письмо великого испанца, каким был дон Антонио Мачадо[48]. В отличие от интриганов и пораженцев, пребывавших в полном здравии в тылу и занимавшихся поисками наших недостатков, он, уже больной, написал письмо бойцам, сражавшимся на Эбро, вдохновляя их на борьбу.

> «Солдатам V армейского корпуса.
>
> Товарищи, с самым искренним волнением я шлю вам привет в окопы, вырытые в земле нашей родины, где

вы защищаете целостность нашей территории и право нашего народа располагать своим будущим.

Вы, вчерашние труженики города и деревни, посвятившие себя святому делу мира и культуры, сегодня, когда этот мир и эта культура находятся под угрозой, стали солдатами. Вы все стали под знамена свободы и социальной справедливости. Вы, труженики и воины, одновременно рабочие и солдаты, являетесь созидателями, строителями и опорой цивилизации и в то же время самоотверженными защитниками ее. Я говорю об истинных испанцах наших дней. Вы нечто большее. И простите меня, если я задену вашу скромность чрезмерной похвалой, — вы замечательное явление, потому что не только Испания, обязанная благодарить вас за ваши усилия, за продолжение своего существования в истории, но весь мир, смотрящий сегодня на вас, ожидает от вас победоносного, вдохновляющего опыта. Вы лучшая надежда рабочих всего мира и всех честных людей, населяющих нашу планету. Защищая Испанию, которую предали и продали, вы боретесь с фашизмом, с этой волной цинизма, грозящей затопить все, поставившей всю силу оружия на службу несправедливым привилегиям, накопленным на протяжении истории, чрезмерному богатству и праву на безделье. Для вас, дорогие друзья, сила оружия служит защите созидательного и плодотворного труда, служит защите права, установлению справедливости среди людей.

Привет, рабочие и солдаты, бойцы V корпуса нашей великой Армии Победы. Я надеюсь, что никто не сможет отнять у вас победу; уверен я, что никто не может лишить вас славы заслужить ее!

Антонио Мачадо».

Глава одиннадцатая
Сражение за Каталонию
(23 декабря 1938 года — 10 февраля 1939 года)

Республиканский план контрнаступления. — Итальянцы прорывают фронт. — Контратака V и XV корпусов. — От Кастельданса до реки Льобрегат. — Падение Барселоны. — Херона. — Переход границы. — Некоторые выводы. — Позиция каталонского народа.

С окончанием сражения на Эбро мы занялись реорганизацией наших частей, осуществить которую необходимо было в кратчайшие сроки. Армия Эбро пополнилась 15 тысячами новобранцев и людей, мобилизованных из различных тыловых служб. Мы получили 8000 винтовок и несколько сотен пулеметов. Восточной армии также дали 5000 человек и вооружение. Но всего этого было мало. 30 тысяч человек нам должны были прислать из Центральной зоны, но они так и не прибыли.

V корпусу передали половину людей и вооружения, полученного Армией Эбро. Как я уже говорил, на следующий же день после перехода Эбро, на этот раз в обратном направлении, мы стали усиленно готовиться к новым боям: обучали новобранцев, организовали ускоренные курсы для командного состава — нам пришлось выдвинуть много новых командиров на место тех, кто пал в боях на Эбро. Дни шли, разведка приносила нам сведения о движении противника и о его возможных намерениях. Было совершенно ясно: целью ближайшего наступления врага будет Каталония.

В начале декабря командиров корпусов проинформировали о возможном направлении главного удара противника и о плане Генерального штаба по отражению этого удара. Наше высшее командование правильно определило направление вражеского главного удара, Однако подготовленный им план контратаки оказался не таким уж удачным. По этому плану наши войска на всем протяжении фронта должны были оказывать сопротивление противнику, постепенно и очень медленно отступая, максимально изматывая его. Через десять — двенадцать дней, когда противник вклинится в наше расположение на 15–20 километров, V и XV корпуса должны атаковать его с флангов и затянуть «мешок». В соответствии с этим планом мы переместили части корпуса в район Монтбланч — Вимбоди — Сан Марти де Мальда.

23 декабря авиация противника провела ряд массированных

бомбардировок республиканских позиций в секторе Серос. Одновременно в течение трех часов 150 артиллерийских орудий били по тем же целям. В 12.20 итальянская дивизия «Литторио» при поддержке 40 танков перешла в атаку на предмостное укрепление Сероса. Бойцы 179-й бригады не выдержали атаки и начали отход к Майяльсу и Льярдекансу.

Командир XII корпуса, находившийся на своем командном пункте в Кастельдансе, в 30 километрах от сектора прорыва, получил первые сведения лишь через два часа после начала вражеской атаки, когда итальянцы уже шли к Сарроке и Майяльсу. К концу дня они продвинулись в глубину на 8 километров на фронте шириной 10 километров. 24 декабря итальянцы продолжали наступление и заняли Льярдеканс и Торребесес, перерезав танками дорогу на Граннаделью. Одновременно Наваррский корпус франкистов занял Альматрет и Майяльс.

Тогда генштаб Республики принял решение немедленно контратаковать итальянцев силами V и XV корпусов, чтобы отбросить их на другой берег реки Сегре. Командование Каталонской группировки получило приказ передать в распоряжение V и XV корпусов необходимые транспортные средства для переброски их частей в намеченный сектор действия.

После полудня 24 декабря командующий Армией Эбро передал этот устный приказ командирам V и XV корпусов: V корпусу, усиленному двумя бронетанковыми ротами, атаковать врага в направлении Борхас Бланкас — Соррока: XV корпусу, усиленному двумя бронетанковыми батальонами, атаковать через Граннаделью — Майольс. Командующий обещал дать транспорт для переброски войск.

Немедленно по получении приказа штаб V корпуса собрал все имевшиеся транспортные средства и начал перебрасывать 11-ю дивизию к месту развертывания атаки. Всю вторую половину дня и всю ночь 45-я и 46-я дивизии ожидали подхода грузовиков. Но лишь утром 25 декабря прибыло 120 машин, чего, конечно, было явно недостаточно.

25 декабря итальянские дивизии при поддержке танковых частей продолжали наступление. 9-я бригада 11-й дивизии, прибывшая на место первой и закончившая развертываться севернее Аспе и Алькано, переходит в атаку против левого фланга итальянцев, останавливает их, а затем заставляет отойти. В бой вступили еще две бригады дивизии. Противник в беспорядке отступил.

Очень важную роль в этом первом успехе сыграли

противотанковые батареи 9-й бригады. Бойцы, воодушевленные примером солдата Хулиана Ангиса Васкеса, который подорвал первый танк, попытавшийся прорвать наши линии, в несколько минут уничтожили 12 вражеских танков. В это время прибыла 1-я бригада и с хода пошла в атаку. Ею командовали два ветерана, очень опытные люди, — Хосе Монтальво и комиссар Фортунато Монсальве. Хосе Монтальво был известен как талантливый командир, отличавшийся храбростью и хладнокровием; комиссар Фортунато Монсальве, рабочий из Висо дель Маркес, в первые же дни франкистского мятежа вступил в народное ополчение, был испытанным бойцом 11-й дивизии, за боевые заслуги его выдвинули сначала на пост комиссара роты, позже — комиссара батальона, а затем — бригады. Фортунато Монсальве погиб в этом бою.

В подготовке и проведении этого боя важную роль сыграл новый начальник штаба 11-й дивизии Хесус Саис. Он пришел в дивизию незадолго до боя. К тому времени это был офицер с большим боевым опытом, известный своей смелостью. Деятельность Саиса в штабе дивизии в период боев в эти и все последующие дни утвердила и усилила его авторитет.

Из-за нехватки транспорта части 45-й и 46-й дивизий прибывали на фронт в течение всего дня 25 декабря, очень медленно, и тотчас же вступали в бой. С 25 по 30 декабря в районе Аспе — Алькано — Когуль шли тяжелые бои, но противника, рвавшегося к Кастельдансу, нам удалось задержать. В эти дни Генеральный штаб подготовил новые планы контрнаступления, но они так и остались на бумаге, поскольку не соответствовали ни обстановке, ни наличию сил.

Десять дней шли ожесточенные бои под Кастельдансом, где геройски сражалась 45-я дивизия, которой командовал Рамон Солива. На десятый день войска V корпуса вынуждены были отойти к Борхас Бланкас. В этот день противнику удалось дойти до командного пункта V корпуса, находившегося вблизи Кастельданса. Около четырех часов пополудни я увидел продвигающиеся вдоль нашего левого фланга в направлении командного пункта группы людей. Полагая, что это отходят наши подразделения, я послал одного из офицеров выяснить, кто это. Спустя несколько минут он вернулся и сообщил о приближении противника. До темноты оставалось два часа, а бой на передовой линии продолжался с прежней силой. Покинуть командный пункт и дать противнику возможность проникнуть в наш тыл — этого допустить было нельзя. Не оставалось ничего другого, как атаковать наступавшего на командный пункт врага и любой ценой задержать его до вечера. Так мы и сделали: с офицерами

штаба и связистами мы вышли навстречу противнику и задержали его до наступления ночи, когда я отдал приказ 45-й дивизии отойти к Борхас Бланкас. Туда же был перенесен и командный пункт V корпуса.

3 и 4 января продолжались ожесточенные бои на территории, расположенной между Кастельдансом и Борхас Бланкас. В ночь на 5-е Борхас Бланкас была захвачена противником. С этого момента всякая попытка укрепить линию фронта была бы бесполезной— у нас не хватило бы на это ни сил, ни средств. Противник имел огромное превосходство в людской силе и технике и во многих местах прорвал фланги. В районе Кастельданса бойцы V корпуса, ветераны Эбро и новобранцы сражались великолепно, проявляя небывалый героизм, но потери были очень велики.

После этих двух недель боев тактика, используемая V корпусом, заключалась в создании центров сопротивления, в нанесении противнику ударов молниеносными контратаками и в максимальном разрушении путей сообщения. Такую тактику мы применяли на направлении, обороняемом V корпусом: Борхас Бланкас — Санта Колома де Керальт — Марторель — Тарраса — Сабадель — Гранольерс — Санта Колома де Фарнес — Херона — Фигерас — Эсполья — французская граница.

10 января противник занял Монтбланч и одновременно XXIV корпус начал отход с нижней части Эбро, а 13 января мы встретились юго-восточнее Реуса. Все это время северный сектор до Пиренеев оставался пассивным. 15 января противник предпринял сильную атаку против Понса. Чуть не попав в окружение, республиканские силы оставили этот пункт в ночь с 15 на 16 января. В боях хорошо сражались 30-я и 31-я Дивизии.

За двадцать четыре дня боев потери республиканских сил убитыми, ранеными и пропавшими без вести превысили 70 тысяч человек. Потери в вооружении также были очень велики. За это время противник продвинулся почти на 100 километров на фронте шириной в 12 километров. Большая часть его потерь, 40 тысяч человек, относится к этому первому периоду каталонской операции.

В тяжелых боях с 25 декабря по 15 января V и XV корпуса потеряли значительную часть своего личного состава. Много опытных командиров и солдат, участвовавших в сражении на Эбро, пало в эти дни.

Никакой помощи из зоны Центр — Юг не было. Повторилось то же, что и во время сражения на Эбро. Республиканские войска предприняли безрезультатное наступление в Эстремадуре и перешли к обороне в тот момент, когда противник занял Таррагону (15 января). В этот же день он вышел на линию Понс —

Сервера — Таррагона. С 15 по 25 января V корпус сражался на фронте от Монтбланча до реки Льобрегат. Вблизи Санта Колома де Кераль итальянцы атаковали третий батальон 9-й бригады. Впереди шло 15 танков. И тут навстречу им из окопа с гранатами выскочил Селестино Гарсиа Морено, крестьянин из Мората де Тахунья, капрал специального взвода 9-й бригады 11-й дивизии. Он бросился на танки и подорвал три из них, заставив остальные двенадцать повернуть назад. Селестино вернулся в свои окопы с четырьмя пленными итальянцами: капитаном Освальдо Арпайя, лейтенантом Марио Риччи, сержантами Марино Роджиони и Нелло Манджиакапра из танковой группы, приданной дивизии «Литторио», действовавшей в этом секторе.

18 января другая итальянская танковая часть ворвалась в Санта Колома де Кераль, где размещался штаб V корпуса. Мы проложили себе дорогу ручными гранатами, уничтожив четыре вражеских танка. В этот день Хосе Мартинес, мой шофер со времен обороны Мадрида, вновь показал, на что он способен: он вел автомобиль среди танков и разрывов гранат с удивительным хладнокровием. Пепе, как ласково его называли все, не раз доказывал свое мастерство шофера и силу характера. Его спокойствие неоднократно выручало нас. Героически сражался в те дни и командир одной из наших бригад Бартоломе Гарихо.

25 января противник вышел на берег Льобрегат. Части армии Эбро, целый месяц подвергавшиеся атакам превосходящих сил противника, не смогли организовать серьезной обороны на реке. Прорвав ее линию, франкисты открыли себе дорогу на Барселону и 26 января заняли город. V корпус тогда сражался у Сабаделя. В тот день я был произведен в полковники. Еще через день полковника Хурадо назначили командующим Каталонской группировкой, а полковника Кордона — начальником его штаба.

Заняв Барселону, противник продолжал продвижение к границе, а мы оказывали ему сопротивление, насколько это позволяли наши измотанные силы. Мы контратаковали, разрушали коммуникации. Это было, пожалуй, все, что мы могли противопоставить противнику, имевшему подавляющее превосходство в живой силе и вооружении.

В ночь с 3 на 4 февраля 1939 года вблизи Хероны собралось Политбюро партии. На нем присутствовали некоторые командиры и комиссары, а также Пальмиро Тольятти — делегат Коминтерна. В повестке дня был только один пункт: мобилизация всех средств для организации последнего сопротивления врагу на каталонской земле. Первым объектом обороны была Херона. По решению Политбюро, оборону города должна взять на себя 11-я дивизия; уполномоченным ЦК в дивизию был назначен товарищ Сантьяго

Каррильо. Когда на рассвете мы вернулись с заседания на мой командный пункт в Хероне, противник уже начал наступление на город, обойдя с флангов нашу линию обороны, которая проходила по левому берегу реки Тер. В этот день он занял Херону.

5 февраля я получил приказ, гласивший, что раненые не могут быть эвакуированы, так как французское правительство не принимает их. Я немедленно отправился в штаб армии, расположенный в замке Пералада. Командующий армии разъяснил мне, что это приказ главного штаба группировки, и сказал, что тут находится Негрин — министр обороны, — к которому я могу обратиться. Я выразил Негрину свое несогласие с подобным приказом, добавив, что если раненые не смогут уйти, мы останемся с ними. Негрин ответил, что понимает мою озабоченность в отношении раненых, знает, какую ненависть питают франкисты к V корпусу, а поэтому не возражает против их эвакуации, если у меня имеется для этого возможность. Дело в том, что из 15 тысяч раненых, эвакуированных из барселонских госпиталей, французское правительство приняло только 3000.

V корпусу удалось эвакуировать не только всех своих раненых, но и многих раненых из других частей, в том числе 400 человек из Восточной Армии, находившихся в госпитале Баньоласа, подавляющее большинство их было из XVIII корпуса.

4, 5 и 6 февраля V корпус отразил все атаки противника на берегах Тера перед Хероной. Мы уступали врагу в численности, нам не хватало вооружения, люди страшно устали. И несмотря на это, бойцы V корпуса продолжали героически сражаться. Но конец сопротивлению приближался. Я хочу засвидетельствовать следующее: Х. Томас в своей книге о войне в Испании говорит, что в Хероне была расстреляна группа раненых, среди которых находился и епископ Теруэля. Я не знаю, где, кем расстреляны эти пленные, но смело могу утверждать, что ни в Хероне, ни в каком-либо другом месте, занятом частями, которыми я командовал, никто не был расстрелян. Это не входило ни в мои методы, ни в методы моих товарищей по оружию.

Противник глубоко, с флангов, обошел V корпус, который 7 февраля отступал к реке Флувиа. 6 февраля противник занял Риполь, 7-го — Олот, 8-го — Фигерас. 9-го после полудня французскую границу перешли командующий Армии Эбро и его штаб. В ночь с 9 на 10 февраля границу перешел я с последними частями V корпуса.

Войскам V корпуса надлежало прикрывать отход частей Армии Эбро и последними перейти границу, имея два пути для отступления: один по шоссе, ведущему из Фигераса в Портбу;

другой — через Сан Сильвестре, Сан Киркхе, Сан дель Тоурри. Первым путем к границе должны были двигаться две дивизии (11-я и 46-я). Я был с ними. На границе мы должны были встретиться с командующим армией и вместе перейти во Францию. Вторым путем уходила 45-я дивизия. Этот путь был более опасным потому, что мы не знали, каково положение на нашем левом фланге. И я решил уходить с 45-й дивизией, Специальным батальоном и штабом.

Когда все до последнего человека пересекли французскую границу, я возглавил колонну, и мы направились к французскому посту, находившемуся приблизительно в полутора километрах. Навстречу нам вышел офицер, и я сказал ему, что хочу видеть старшего по чину. Появился подполковник. Я объяснил, кто мы. Он ответил, что приветствует меня и моих бойцов, чей героизм хорошо известен. Но как солдат солдату он с сожалением передает имеющийся у него приказ разоружить все войска, переходящие границу, и отправить их в ближайший концентрационный лагерь в Аржелес.

Поблагодарив за приветствие, я выразил протест по поводу намерения разоружить нас и отправить в концлагерь. Затем вынул свой пистолет и бросил его на землю, отдав приказ всем последовать моему примеру. Люди проходили передо мной, и каждый, прежде чем бросить свое оружие, смотрел на меня, и в глазах солдат я видел боль и сомнение…

Это был самый горький момент в моей жизни! Как несправедливо и скорбно было то, что бойцы, закаленные тремя годами беспрерывных сражений, вынуждены сейчас бросать оружие и идти в концлагерь. И эту боль усиливало недостойное поведение некоторых французских офицеров — не дождавшись нашего ухода, они начали делить военную добычу: они буквально вырывали друг у друга брошенные нами пистолеты.

От границы нас препроводили в Баниульс, где меня и еще шесть командиров и комиссаров старших чинов отделили от остальных. Позже я узнал, что, в то время как с нами военные власти обращались корректно, а гражданские даже сердечно, в отношении всех остальных проявлялось всевозможное свинство.

Вот небольшой факт, который дает представление об отсутствии должного достоинства у многих французских офицеров, которым было поручено принимать нас. За несколько дней до начала Теруэльской операции мексиканский посол, полковник Техада, вручил мне великолепный призматический бинокль — подарок президента Мексики, генерала Ласаро Карденаса, с первых дней бывшего на стороне Испанской Республики. Бинокль был у меня до конца войны, до того как в

Баниульсе один французский офицер настоял на том, что призматические бинокли также относятся к вооружению. Возражения моего адъютанта, у которого в тот момент находился мой бинокль, не были приняты во внимание, хотя он указывал на серебряную пластинку с мексиканским гербом и дарственной надписью президента на футляре бинокля. Единственное, чего адъютант добился, — это возвращение ему футляра.

Совершенно по-другому отнеслись к испанским беженцам французский народ и прежде всего рабочие во главе с Коммунистической партией. Они проявляли настоящую сердечность и солидарность. Во Франции в то время обстановка была не легкой. Вскоре и французский народ стал жертвой капитулянтской политики своего правительства, способствовавшего поражению испанского народа.

Касаясь нашего перехода во Францию, франкисты много писали о «золоте Листера». А правда была такова: 10 февраля утром мы смогли выпить кофе во французском городишке Баниульсе только благодаря тому, что у одного из нас, у Севиля, кажется, если не изменяет мне память, нашлась монета в одно дуро. Эти пять песет и были всем капиталом, которым располагали шестеро командиров и комиссаров, оторванные от своих войск французскими властями и ожидавшие отправки в концлагерь. Но лагеря мы все-таки избежали: утром появились Модесто, Антон и другие товарищи с несколькими автомобилями. Воспользовавшись царившей неразберихой, мы сели в машины и отправились в испанское консульство в Перпиньян. Консульство было для нас одновременно и убежищем, и мышеловкой, так как полиция, хотя и не входила в здание, но установила наблюдение снаружи и задерживала всех выходящих.

Я оставался в консульстве до следующего дня. То, что происходило там, было возмутительно: консул оказался явным реакционером, он не пожелал даже встретиться с нами. А на улице нас подстерегала полиция.

11 февраля ночью повидаться с нами пришла Констанция де ла Мора, и я решил выйти с нею. Все сошло удачно, и меня спрятали у Марты Уисманс, бельгийской журналистки, — она была в Испании в качестве корреспондента. На следующий день я выехал в Тулузу, установил там контакт с товарищами и подготовил свой отъезд в зону Центр — Юг.

Сражение за Каталонию закончилось. Несколько позднее генерал Рохо писал: «Сражение за Каталонию мы начали проигрывать, когда приостановили операцию у Мотриля. А для расстройства планов противника было достаточно этой операции во взаимодействии с последующим маневром в Эстремадуре и

Мадриде. Если бы Франко снял войска с Каталонского фронта, мы выиграли бы немного больше времени, чем за период дождей, и, таким образом, добились бы, чтобы крайне необходимое вооружение прибыло вовремя и принесло пользу в Каталонии и в Центре».

В обстановке, в какой находилась Испания в конце 1938 года, только комбинированные действия армий Каталонии и зоны Центр — Юг могли изменить ход и развязку Каталонской операции. Ни Генеральный штаб, ни правительство не смогли добиться этого. Более двух третей вооруженных сил Республики (включая флот) находилось в зоне Центр — Юг в бездействии, тогда как войска в Каталонии обескровливались в неравном сражении. В то время как небольшая часть нашей армии сражалась против основных сил противника, главная часть Народной армии соблюдала непростительный нейтралитет.

После того как в апреле 1938 года республиканская территория была разрезана на две части, число войск Республики в Каталонской зоне не превышало 250 тысяч человек. Эта цифра относится к началу операции на Эбро. Когда противник 23 декабря начал наступление на Каталонию, республиканские силы здесь составляли 220 тысяч человек. Причем не все эти люди состояли в боевых частях. Армия Эбро насчитывала около 80 тысяч человек, распределенных следующим образом:

V армейский корпус 22 000 человек
XII 24 000»
XV 21 000»
XXIV 12 000»

Восточная Армия: около 90 000
X армейский корпус 31 000
XI 29 000»
XVIII 26 000»

Таким образом, в сражении за Каталонию в рядах Республиканской армии участвовало менее 200 тысяч человек. Мы располагали 250 артиллерийскими орудиями, 100 танками и бронеавтомобилями и приблизительно 100 самолетами. В составе франкистской армии было 400 тысяч человек, более 1000 артиллерийских орудий, 600 самолетов и около 300 танков и бронеавтомобилей, — эти цифры приводят сами франкисты. Со стороны неприятеля в сражении участвовало 30 дивизий, то есть половина всех дивизий армии Франко.

Несмотря на значительное численное превосходство в живой силе и технике, противник продвигался медленно и в ходе

сражения ни разу не добился разгрома республиканских войск. Огромное перенапряжение сил за период двухнедельных боев, усталость и большие потери, недостаток вооружения и явная пассивность зоны Центр — Юг отрицательно сказывались на состоянии боевого духа бойцов Каталонского фронта. Но не было случая, чтобы они поддались общей панике и покидали фронт целыми частями; наоборот, до последнего дня они отчаянно сопротивлялись натиску противника и контратаковали его, что принуждало франкистов продвигаться с большой осторожностью.

В течение всего Каталонского сражения не было ни одного случая, чтобы противник предпринял маневр и попытался окружить больше одного батальона, за исключением Кастельданса. На всем протяжении пройденных им 400 километров противник был весьма осторожен, атаковал с фронта, напирал на нас, угрожая с флангов, вынуждал нас отходить, но окружить большую группу войск не пытался. Наученный нашими контратаками и стойким сопротивлением, противник опасался наших ответных действий в случае окружения, а поэтому предпочитал оттеснять нас к границе.

Испано-французскую границу перешли 18 тысяч человек из Армии Эбро и 45 тысяч из Восточной Армии. У этого количества войск имелось около 30 тысяч винтовок и приблизительно 1000 пулеметов. Авиация насчитывала 80 самолетов (около 50 истребителей, остальные— различного типа). Самолеты перелетели во Францию 5 февраля и сосредоточились на аэродроме в Тулузе.

V армейский корпус, вступивший в сражение на Эбро в составе 35 тысяч человек, к началу сражения за Каталонию насчитывал 22 тысячи, а пересек границу, когда его состав не превышал 8000 человек в строю и около 3000 раненых, эвакуированных в предыдущие дни, причем большую часть их на руках перенесли через горы. Более 10 тысяч бойцов потерял полк в течение 50 дней непрерывных боев. Значительная часть из них была убита в первые две недели, остальные пали на протяжении той трагической голгофы, какую представлял для наших войск 400-километровый переход в беспрерывных боях от Сероса до французской границы. Среди убитых в последних боях были Хосе Каррерас и Франсиско Варела. Брат Франсиско, сержант, геройски погиб еще под Гвадалахарой. Вместе с Франсиско мы сражались с первых дней войны и прошли путь от ополченцев до командиров бригад.

Теперь, когда известны события во Франции в период «странной войны» и борьба в других странах перед лицом наступавшего фашизма, еще ярче заслуги бойцов испанской

Народной армии, которые 50 дней непрестанно сражались с численно превосходящим и лучше вооруженным противником. Армия обеспечила эвакуацию во Францию всех гражданских лиц, пожелавших покинуть Испанию, и всего военного материала. И когда все дороги были запружены сотнями тысяч беженцев, уходивших во Францию, армия сохраняла спокойствие и дисциплину.

Части, перешедшие во Францию, были остатками войск, геройски сражавшихся на главных фронтах войны. Поэтому огромное большинство бойцов этих частей вступило во Францию с одной мыслью: переправиться в зону Центр — Юг и продолжать борьбу. За те три дня, что я был в Перпиньяне и Тулузе перед отъездом в зону Центр — Юг, мне пришлось встретиться со многими офицерами и солдатами, бежавшими из концлагерей, они просили помочь им пробраться в зону Центр — Юг. Таково было настроение большей части наших командиров и солдат. И они вскоре снова проявили себя, когда опять включились в активную борьбу — одни открыто, с оружием в руках, другие — иными средствами.

Во время второй мировой войны более 30 тысяч испанских антифашистов пали, сражаясь на стороне антигитлеровской коалиции: в рядах маки во Франции и в рядах советских партизан; в отрядах североамериканских коммандос, в английской, французской и Советской армиях. В Африке, Европе и Азии те, кто сражался против франкистов, вновь взяли оружие, чтобы участвовать в борьбе против врага человечества — фашизма.

Кроме 30 тысяч испанцев, павших на фронтах мировой войны, 10 тысяч погибли в нацистских концлагерях. А в самой Испании тысячи продолжали бороться против франкистского режима в партизанских отрядах или другими методами, сделав невозможным открытое вступление Испании в войну на стороне гитлеровской Германии.

Несколько слов о позиции каталонского народа

После окончания войны на одном из собраний, проведенном в эмиграции, Хосе дель Баррио не нашел лучшего объяснения нашего поражения в Каталонии и для оправдания своего не раз повторявшегося бегства от врага, как обвинение каталонского народа в недостатке энтузиазма и в нежелании оказать необходимую помощь нашей армии. Он заявил, что это явилось причиной, по которой Барселона не стала вторым Мадридом.

Возмущенный, я выступил против подобных обвинений. И сейчас я повторю то, что сказал тогда и что соответствует моим самым глубоким убеждениям.

Каталонский народ был не только одним из тех, кто с большой решимостью выступил против мятежа в июле 1936 года, но он принадлежал также к числу тех, кто много сделал для нашей войны, с большим энтузиазмом работал, чтобы выиграть ее. И все это в условиях далеко не легких, а порой в обстановке неблагоприятной, страдая, с одной стороны, от бесчинств, грабежей и злоупотреблений всякого рода анархистов, поумистов[49] и других авантюристов, а с другой, — от несправедливостей и злоупотреблений чиновников, включая министров центрального правительства.

Я сам был свидетелем многих злоупотреблений и выступал против них всякий раз, когда мне представлялся случай. Впервые я столкнулся с подобными делами на каталонской земле в Тортосе. Там в ряде домов, реквизированных СНТ, мои солдаты обнаружили в подвалах, комнатах и в замурованных гаражах десятки тонн промышленных товаров — текстиль (шерсть и всевозможная одежда), парфюмерию. Мы нашли даже два автомобиля, различное оружие и… пушку калибра 15,5 *мм* со снарядами!

Сектор V корпуса проходил по левому берегу реки Эбро до Таррагоны, следовательно, внутри сектора оказывалось все побережье от устья Эбро до Таррагоны. На этом отрезке берега находились несколько рыбачьих деревень, и весь их улов доставлялся в рестораны Барселоны и кооперативные магазины, «контролируемые» анархистами.

Но хуже всего анархисты поступали с крестьянами. Пока мы подготавливали операцию на Эбро, наш штаб располагался в нескольких домишках на берегу моря между Оспиталетом и Камбрильсом. Один из этих домиков принадлежал крестьянину из деревни Эль-Касалот. Однажды крестьянин пришел обработать землю вокруг домика. Я разговорился с ним; мы сидели под деревом. Бутылка хорошего вина, сигареты и моя осведомленность в деревенских делах, а также репутация, которой мы пользовались как защитники крестьян, расположили ко мне этого человека, и он стал откровенно отвечать на вопросы, рассказывая о делах в деревне: о проблемах и трудностях. Он рассказал, что время от времени в деревне появляются какие-то типы из Барселоны, вооруженные и с мандатами от комитета анархистов. Поддерживаемые анархистскими элементами деревни, они заставляют крестьян продавать им продукты: яйца, кур, свиней и т. д., платя за все деньгами. «Если бы, по крайней

мере, хоть часть продаваемого оплачивалась нам городскими продуктами — например, табаком, солью, сахаром, кофе, тогда другое дело, а то за деньги мы не можем ничего этого купить…» — сказал крестьянин.

Я объяснил ему, что анархисты поступают незаконно, и попросил, в случае их нового появления в деревне, сообщить нам, — мы покончим с этим грабежом.

Спустя три или четыре дня мы узнали, что в деревне появились «покупатели». Я направил нескольких солдат, и пришельцев задержали. Их было трое, хорошо вооруженных «наранхеросами»[50], пистолетами и ручными гранатами. В грузовике лежало немало продуктов, «купленных» в других деревнях. Всех троих мы передали в трибунал корпуса и их за вооруженный грабеж во фронтовой полосе приговорили к смертной казни. Этот случай мы сделали достоянием общественности, чтобы в дальнейшем крестьяне не давали себя обкрадывать ни под видом реквизиции, ни под видом «закупок».

Через несколько дней Рохо переслал мне предписание Негрина — расследовать причины исчезновения трех человек в секторе расположения моих частей (об исчезновении этих типов Негрину сообщили анархисты). Я ограничился отправкой копии приговора и добавил, что речь идет не о каком-то таинственном исчезновении, а о всем известном деле.

Тивенис — деревня вблизи Эбро. Там несколько дней размещался мой штаб. Как обычно, прежде всего мы установили контакты с местными гражданскими властями, партийными руководителями и организациями. Мы узнали, среди прочего, что в деревне проживают несколько проституток, привезенных анархистами из Хихона после потери Севера. В такой деревушке, как Тивенис, их присутствие вызывало бесконечные неприятности и скандалы, так как они не хотели работать и вели веселую жизнь. Я приказал привести их в штаб, а в последующие дни они уже стирали солдатам белье по десять часов в день. Что касается покровителей этих «дам», то их отправили на передовую линию в окопы. Крестьяне еще раз получили возможность сравнить две политики и две линии поведения.

После форсирования Эбро одной из первых мы освободили деревню Бенисанет. Губернатор Таррагоны направил туда своих представителей — в их числе двух полицейских. Эти полицейские совершили немало преступлений. В частности, они арестовали женщину как «фашистку» только за то, что нашли у нее в доме изображение Христа и портрет дочери в платье для первого причастия. Они разбили изображение Христа и порвали портрет дочери. Узнав об этом, я приказал арестовать полицейских и

отдать под трибунал, который приговорил их к смертной казни. Эта история стала известна губернатору. Вначале он рассердился и прислал еще двух полицейских разузнать, в чем дело. Когда же они сообщили ему обо всем, губернатор согласился с принятыми мерами.

Негрину нравилось посещать фронт; как он сам говорил, «было необходимо иногда убегать от низменных дел власти». После прорыва фашистов к морю он несколько раз был в нашем секторе. Во время этих визитов мы обсуждали различные проблемы, но в ту пору он больше всего говорил о взаимоотношениях с каталонцами. Однажды, касаясь действий враждебных элементов, плетущих сети заговора в стремлении достичь при поддержке французов сепаратного мира с Франко, он сказал, что готов нагрузить бомбами все самолеты, включая и истребители, и уничтожить Барселону. В этих беседах я высказывал ему свое одобрение в том, с чем соглашался, и оспаривал то, с чем не был согласен. Например, я говорил ему, что было бы неправильно ставить на одну доску группу заговорщиков-авантюристов и каталонский народ с его правительством. Мне пришлось сказать Негрину, что ни для кого не являются секретом постоянные злоупотребления высокопоставленных чиновников из министерств его правительства, включая и самих министров; многие из этих высших чиновников, как широко известно, привезли с собой помимо семей своих любовниц и реквизировали для них великолепные дома, причем такие реквизиции осуществляют органы его правительства, которые совершенно не считаются с правительством Каталонии. Естественно, все это не может не вызывать недовольства каталонцев.

Спустя несколько дней после одного из визитов Негрина нас посетил Луис Кампанис[51]. Мы приняли его со всеми почестями, соответствовавшими его посту президента Каталонии. Мы все ему показали и даже организовали учение с участием двух бригад. Затем он проинспектировал все части, находившиеся в резерве, говорил с солдатами и раздарил им на память все. что имел при себе: бумажник, авторучку, часы, песеты… Кампанис провел с нами день, и я все время наблюдал за ним, как он себя держит и о чем говорит. После обеда мы остались одни. Кампанис рассказал мне о трудностях, испытываемых каталонцами во взаимоотношениях с центральным правительством. На мой вопрос, почему он не обсудит все это с Негрином, он ответил, что пытался несколько раз, но Негрин на это не пошел. Из своих наблюдений и бесед с Кампанисом я вынес впечатление, что он был человеком исключительно искренним, честным, очень

смелым, большим патриотом, любящим Каталонию и Испанию, как самый настоящий кастилец. У меня сложилось совершенно твердое убеждение, что если и имелись трудности в отношениях между двумя правительствами, не Кампанис был виновен в них.

Спустя некоторое время я вновь увидел Негрина и рассказал ему о приезде Кампаниса, о своих выводах. Негрин согласился с тем, что Кампанис — человек, с которым можно договориться, но в окружении и центрального и каталонского правительств действует достаточно людей, стремящихся помешать налаживанию хороших взаимоотношений между ними.

Несмотря на многочисленные злоупотребления, поведение каталонского народа было безупречным в течение всей войны. Я хочу привести еще два примера, которые отлично характеризуют состояние духа и позицию каталонцев.

По призыву, проведенному после прорыва франкистов к морю и после окончания сражения на Эбро, наши части пополнились некоторым количеством священников и семинаристов. С ними проводилась обычная политическая работа. Их использовали на санитарной службе и в канцеляриях, а на передовую отправляли лишь тех, кто сам просил об этом. В разговорах, беседах и войсковых газетах новобранцы-священники и семинаристы открыто выражали свою позицию. Так, молодой священник А. Вилана в газете 11-й дивизии писал: «Движение застало меня в Виче, где находился мой церковный приход. Вначале я скрывался, пытаясь избежать волны неистовства… Я боялся революции, а не республики. Теперь же я вполне удовлетворен и благодарен за проявленное ко мне отношение. Мои религиозные убеждения, не скрываемые мною, полностью уважаются. Меня используют на работе в канцелярии, и мне кажется, что я заслужил уважение начальников и товарищей».

Габриэль Виньямата писал в той же газете: «Я из Роки (Гранольерс), мои родители имели там пекарню. Девять лет я учился в епархиальной школе в Барселоне и три года в миссионерской семинарии в Бургосе. Увидев, что декреты Негрина не угрожают моей жизни и религиозным убеждениям, я пошел защищать родину. Я не политик, но я испанец и искренне удовлетворен направлением нашей политики и готов служить народу в меру своих скромных сил. Я временно исполняю обязанности капрала, делаю это с большой охотой и пользуюсь уважением товарищей, моя работа ценится всеми. Чего же еще можно желать?» А священник А. Вильяльта из санитарной службы 11-й дивизии так рассказывает в газете о своем обращении к солдатам противника: «На вершине склона за небольшой насыпью укрыт громкоговоритель. В перерывах между музыкальными

передачами из него раздается ясный и громкий голос правды. Пришла и моя очередь сказать слово правды. Испанские солдаты, слушающие меня на другой стороне реки, начал я, к вам обращается каталонский священник; не пугайтесь, я не призрак, а человек из плоти и крови. Вам говорят, что красные убили всех священников и монахов. Это неправда, и сегодня я могу засвидетельствовать это. После того как улеглись волнения первых дней революции, стали очевидными направление политики и стремления правительства Республики, которые были выражены в «Тринадцати пунктах целей войны».

В пункте шестом, непосредственно касающемся меня, говорится: «Испанское государство полностью гарантирует права гражданина в гражданской и социальной жизни, свободу совести и свободу вероисповеданий». В другом декрете министерство национальной обороны предоставляет священникам право посещать больных и раненых для отправления религиозных треб. С этой гарантией, сознавая свой долг испанца, я вступил в Народную армию, где был достойно и с уважением принят в своем сане как офицерами, так и солдатами. В настоящее время я назначен в санитарную службу корпуса — это еще одно доказательство доброй воли правительства, дающего нам право не запачкать руки священников в крови наших братьев. Такова правда, и я говорю ее вам со всей искренностью своего сердца!»

Уважение к убеждениям и верованиям каждого неукоснительно проводилось в жизнь в частях, которыми я командовал. В этой связи я хочу вспомнить такой эпизод. Как я уже говорил, незадолго до наступления противника на Каталонию я со своими войсками переместился в район Монтбланч — Вимбоди — Сан Марти де ла Мальда, расквартировав части в разных населенных пунктах этой зоны. За неделю у нас установились самые сердечные взаимоотношения с местным населением. 24 декабря командир одной из дивизий сообщил мне, что делегация жителей деревни, где находилась одна из его бригад, выразила желание посетить меня, с целью попросить разрешения отслужить в полночь рождественскую мессу. Вскоре ко мне явились трое мужчин и две женщины. Смущенные, они колебались, не зная, с чего начать разговор. Тогда я взял инициативу на себя, объявив, что не возражаю против рождественской мессы, но слышал, что у них нет священника, что он исчез из деревни в первые дни войны. Крестьяне ответили, что так оно и есть, но в санитарной части бригады, расположенной в деревне, имеются два священника… Я сказал, что не имею ничего против, если один или оба они отслужат мессу, но, очевидно, для этого им не хватит некоторых

вещей? Члены делегации переглянулись… «Мы сумели припрятать все необходимое, оставленное прежним священником…» «В таком случае, — заключил я, — мне остается только отдать им приказ отслужить мессу, а всем желающим солдатам присутствовать на ней».

Когда пятнадцать — двадцать дней спустя наши солдаты вынуждены были с боями отступать через эти деревни, жители сочувственно отнеслись к ним, по-братски оказывая помощь в борьбе за общее дело. На протяжении двух печальных месяцев отступления наших войск по Каталонии мы постоянно ощущали проявление братских чувств каталонского народа. Ни одного акта враждебности, ни одного выстрела в спину. Мы все время сталкивались с подтверждением того, как в условиях поражения, катастрофы народ продолжал сохранять любовь к Народной армии. Люди плакали, провожая наших отступавших солдат.

Глава двенадцатая
Возвращение в зону Центр — Юг (14 февраля 1939 года)

Разговор с Негрином в Мадриде. — Посещение военных начальников. — Посещение Миахи и командования фронтом Леванта. — Эльда. — Назначения и повышения. — Фашистское восстание в Картахене. — Измена Касадо, анархистов и других капитулянтов. — Отъезд правительства во Францию. Аэродром в Моноваре. — Отъезд из Испании. — Продолжение войны было возможным.

Поздно ночью 14 февраля мы вылетели из Тулузы и на рассвете приземлились вблизи Альбасете. Самолет был наполовину пуст: места, предназначенные для анархистов и представителей других организаций, оказались свободными. Подумать только, ведь тысячи людей искали способа переправиться в Центральную зону! Начальник аэродрома предоставил мне автомобиль, и я уехал в Мадрид. Мы остановились в здании старой комендатуры на улице Листа, 23. На следующий день я посетил главу правительства и министра обороны — следовательно, моего прямого начальника. Негрин принял меня в ванной (он брился), подал мне руку и спросил, глядя мне прямо в глаза:

— Почему вы приехали? Я ответил:

— По той же причине, что и вы: до конца выполнить свой долг.

На это он заметил, что его приезд был обязателен, а мой нет, но он рад тому, что я здесь, хотя, по всей вероятности, никто из нас живым из Испании не уйдет, скорее всего нас расстреляют. Но прежде чем нас расстреляют, вставил я, мы еще сумеем причинить франкистам много неприятностей. Негрин попросил меня подождать, пока он кончит бриться, обещая ознакомить с. положением дел и со своими планами. За завтраком Негрин нарисовал мне картину политической и военной обстановки в зоне Центр — Юг. Трудно представить себе что-нибудь более мрачное. Он рассказал, что целый ряд высших командиров, политических и профсоюзных руководителей — анархистов, социалистов и республиканцев— готовы капитулировать перед противником; они явно преувеличивают трудности; вместо того, чтобы взяться за укрепление дисциплины, боевого духа войск и

гражданского населения, занимаются распространением пораженческих настроений и заговорами. Он также рассказал, что Рохо прислал ему письмо, прося об отставке, и угрожал сделать публичное заявление, если Негрин не положит конец войне и не даст денег для оказания помощи войскам, перешедшим во Францию; и, наконец, что Рохо отправил копию этого письма генералу Матальяне через одного капитана, летевшего вместе со мной. Но этот капитан был задержан при выходе из самолета.

Спустя двадцать пять лет, в 1964 году, я встретился с этим капитаном в Алжире, где он служил в представительстве ООН, и узнал от него продолжение этой истории. Капитан рассказал, что после вступления франкистов в Мадрид он еще какое-то время сидел в тюрьме и ему пришлось пережить много тяжелого, пока наконец удалось уехать за границу.

Негрин объяснил мне и положение внутри правительства; он ругал некоторых своих министров, называя их трусами, обвинял в том, что они занимаются между собой склоками по мелким вопросам. И добавил, что достойно ведут себя лишь Урибе, Моиш и Вайо[52]. Мы заговорили о военной обстановке. Я изложил свое мнение о необходимости принять некоторые организационные меры, и у меня осталось впечатление, что он был согласен со мной. При расставании Негрин сказал, что я остаюсь в его непосредственном подчинении, поручил мне посетить военачальников, которых мне удастся повидать, и просил держать его в известности о моих передвижениях, дабы он в любой момент знал, где меня найти.

Мой окончательный вывод после этой встречи был таким: несмотря на горечь и пессимизм в настроении, Негрин по-прежнему ориентировался на продолжение борьбы, как того и требовала обстановка.

В последующие дни я посетил кое-кого из главных военачальников Мадридского фронта: Берсело, командовавшего I армейским корпусом, Буэно — командира II корпуса и Ортегу — командира III корпуса. Все трое встретили меня с той сердечностью, которая установилась между нами еще два года назад на этом фронте. Я заехал и к Касадо, он принял меня очень любезно, но я-то хорошо знал, как искусен он в лицемерии и обмане. Он пожаловался на нездоровье, говорил о боевом духе войск, утверждая, что он уже не тот, каким был некоторое время назад; что военный комендант Мадрида, генерал Мартинес Кабрера, обижен тем, что я не побывал у него. Я ответил, что поскольку нахожусь в непосредственном подчинении у министра и не имею определенного местопребывания, то по положению не обязан никому представляться, а мои посещения военачальников

носят неофициальный, дружеский характер.

Но от Касадо я все же направился к военному коменданту. Он начал с упреков, но я оборвал его и, повторив то, что сказал Касадо, шагнул к двери, намереваясь уйти. Тогда Кабрера изменил тон. Мы проговорили полчаса, и я ушел, убежденный в том, что деморализация среди военачальников была более глубокой, чем это могло показаться на первый взгляд. Совершенно ясно было одно: если народ и верные нашему делу командиры и солдаты приветствовали наше возвращение в Центральную зону, то военачальники — сторонники капитуляции с трудом скрывали раздражение, вызванное нашим присутствием. Господам Касадо и Кабрера, как и некоторым другим, наш приезд в зону Центр — Юг пришелся не по вкусу. Эти трусы и капитулянты никак не могли постичь, как это, попав во Францию, мы вдруг смогли вернуться, чтобы сражаться вновь. Их сильно беспокоило, что мы могли создать серьезные препятствия их планам капитуляции.

Я год не был в Мадриде, и новая встреча с этим городом глубоко меня взволновала — я вновь ходил по местам прежних боев, встречал старых товарищей по борьбе. С горечью и гневом смотрел я на «благородных сеньорито», как и до войны фланирующих по улицам. Кое-кто из министров жил в отеле «Палас», и я отправился туда. Бар отеля был полон этих юношей и девушек «из приличных семей» и блестящих офицеров. Я не выдержал, повернулся и ушел, боль и отвращение переполняли меня.

Спустя неделю после моего приезда, 20 февраля, я вновь посетил Негрина и информировал его о своих встречах с разными лицами и о впечатлениях от этих встреч. Я рассказал ему о некоторых предпринятых мною мерах по объединению офицеров, из числа выздоравливающих и ожидающих назначений, — с ними я прежде вместе воевал. И, наконец, я сказал ему, что, видимо, наступило уже время передать мне командование одним из войсковых соединений. В ответ Негрин сообщил о подготавливаемом им плане реорганизации существующих вооруженных сил, с некоторым изменением в командном составе, и создания ряда новых маневренных частей. При осуществлении этой реорганизации он думает поручить мне командование Эстремадурской армией, поскольку ее теперешний командующий не внушает ему доверия. А пока он считает полезной мою поездку в Левант с целью посещения командования этого фронта. Я согласился и на следующий день выехал в Валенсию.

Первый визит я нанес Миахе. Увидев меня, он удивленно спросил: «Почему ты приехал из Франции?» Я начал объяснять

ему почему и для чего, а он все смотрел на меня с большим недоумением. Встреча получилась тягостной. Я говорил с человеком, который был не в состоянии меня понять, он произносил какие-то нелепые, бессвязные слова, был похож на душевнобольного.

От Миахи я отправился к Матальяне. Он встретил меня радушно. Из разговора с ним я понял, что он знает о письме Рохо Негрину. Несомненно, он получил копию этого письма какими-то своими путями. Из всех командиров, с какими мне пришлось говорить за это время, Матальяне произвел на меня впечатление человека, разбирающегося в военной обстановке, понимающего возможности и трудности. Это был человек, умеющий взвешивать факты, корректный и с ясными мыслями. На следующий день я направился к Менендесу, командующему армией Леванта. Там я встретил старых друзей и среди них — начальника оперативного отдела Франсиско Сиутата и комиссара Франсиско Ортегу. Я остался пообедать с генералом и его штабом. Атмосфера была сердечной, хотя заметно проявились капитулянтские настроения одной части офицеров, но им явно противостояли настроения другой части.

После этих встреч я присутствовал на заседании военно-политической комиссии партии с участием некоторых членов Политбюро и военных. После обсуждения обстановки и некоторых выводов было принято решение о необходимости моего возвращения в Мадрид, куда я и отправился на следующий день, 28 февраля.

Проезжая через Утиель, я задержался пообедать на командном пункте Ибарролы. Был там и Кристобал Эррандонеа. Встреча, как всегда, была исключительно сердечной, Ибаррола, по обыкновению, был настроен оптимистически.

2 марта я получил указание Педро Чеки поехать в Эльду, провинция Аликанте, и немедленно выехал туда. Там на месте Чека и объяснил мне обстановку. Я узнал, что правительство обосновалось неподалеку отсюда. Политбюро партии решило собрать в Эльде своих членов, военных командиров и комиссаров, прибывших из Франции и ожидавших назначения. Он посоветовал мне посетить Негрина и переговорить с ним о назначениях на обещанные должности. Негрин принял меня с тем же радушием, что и всегда. Я рассказал ему о своей поездке по Леванту и поставил перед ним вопрос о назначениях. Он ответил, что назначения готовы, но он еще хочет обдумать некоторые детали. Негрин пригласил меня отобедать с ним, а после обеда отвел в сторону и рассказал о своей встрече с высшими военачальниками этой зоны. По его словам, все они деморализованы и, очевидно,

продолжают готовить заговор. Тем необходимее наше назначение на командные должности, заметил я. Негрин ответил, что сделает это в ближайшее время. Мы расстались. От этой встречи — в отличие от предыдущих — у меня остались совсем другие впечатления. Я ушел, убежденный, что Негрин не произведет никаких основательных изменений в командовании вооруженными силами Республики. Очевидно, он хотел только выиграть время и посмотреть, как будут развиваться события. Этим своим впечатлением я немедленно поделился с товарищами из Политбюро партии. Они согласились со мной. Особенно подозрительным показалось мне поведение Негрина, когда он созвал на совещание только тех командиров, чьи капитулянтские настроения были ему хорошо известны. На этом совещании присутствовали: генералы Миаха, Менендес и Эскобар, соответственно командовавшие группой армий Центра и армиями Леванта и Эстремадуры; полковники Касадо и Морионес, командовавшие армиями Центра и Андалузии; генералы Матальяна и Бернал, начальники штабов группы армий Центра и морской базы в Картахене; адмирал Буиса — командующий эскадрой и полковник Камачо — командующий авиацией зоны. Все они были замешаны в капитулянтском заговоре. И Негрин это знал. Поэтому, если он хотел предотвратить переворот, возглавляемый Касадо, было бы логичным пригласить на это собрание и других командиров и комиссаров, разделявших ответственность с командованием, то есть тех, кто мог бы помочь ему бороться с капитулянтами и при случае обеспечил бы принятие надлежащих мер в отношении заговорщиков, готовых совершить предательство в обмен на признание своих чинов и другие личные привилегии.

Нет. Поведение Негрина в эти дни было не таким, как на протяжении войны, когда он снискал любовь и уважение бойцов и миллионов испанцев. По-видимому, заговоры, предательство, дезертирство, беспомощность и всевозможные трудности в конце концов сломили его боевой дух. Устав сопротивляться, не веря ни во что, Негрин не смог выступить против заговора Касадо и компании, он искал лишь повод оставить поле боя с достоинством человека, ставшего жертвой измены.

Позже я много думал о событиях того времени, о тех фактах, которым тогда не придавал должного значения. Например, факт выбора резиденции правительства вдали от крупных городов, от мест дислокации войск, путей сообщения. Это был один из лучших способов оставить свободными руки заговорщиков и добровольно отделить себя от народа и вооруженных сил Республики.

На следующий день после моей последней встречи с Негрином (или спустя два дня, не помню точно даты) «Диарио офисиаль» опубликовала сообщения о присвоении новых чинов и новых назначениях, но ни одно из них не было назначением в действующую армию. Чины генералов присваивались Кордону, Модесто и Касадо. В списках получивших повышение числился и я, но в действительности это повышение я получил еще в Каталонии. Прочтя «Диарио офисиаль», я не мог скрыть своего возмущения: ведь это был укол бандерильи заговорщикам, оружие, которое вкладывалось в их руки. И оно было немедленно использовано Касадо и компанией, которые доказывали, что коммунисты прибыли из Франции с целью захватить в свои руки командование армией и использовать войну в своих целях. Ускользнули ли от Негрина именно эти последствия его декрета? Думаю, нет.

Этельвино Вега был назначен военным комендантом Аликанте вместо Бурильо, а Франсиско Галан — начальником морской базы в Картахене. Там же, в Эльде, я говорил с Вегой и сказал ему, что при создавшейся ситуации я бы на его месте по прибытии в Аликанте прежде всего отправился в провинциальный комитет партии разузнать у товарищей, какими силами они располагают; на этой основе следовало бы разработать совместный план захвата комендатуры и подготовить его осуществление. Только после этого я появился бы в комендатуре с приказом Негрина. Если бы мое появление не вызвало сопротивления, план захвата можно было бы не приводить в исполнение, но если бы меня захотели арестовать, что в тех условиях вполне можно было ожидать, я сказал бы: «Сеньоры, если в течение десяти минут не сдадите комендатуру, мои люди войдут сюда с боем!»

На это Вега ответил, что он не хочет доводить дело до таких крайностей. Он отправился в Аликанте, явился в комендатуру, был там немедленно арестован, а позже расстрелян.

Нечто похожее произошло у меня и с Франсиско Галаном. Приехав в Мурсию из Картахены, я застал его в здании провинциального комитета партии. Он разговаривал по телефону с Бруно Алонсо, комиссаром флота. Я услышал конец их разговора. Галан сказал Алонсо: «Сейчас же выезжаю туда». Я объяснил Галану положение в Картахене и сказал, что если бы мне дали такое трудное задание, я подождал бы прибытия бригады, которая уже находится в пути, и подходившего к Картахене танкового батальона. С этими силами я вошел бы в город и взял базу под свой контроль. Но, по мнению Галана, это означало бы объявление нами войны частям гарнизона,

находившегося на базе, а кроме того, якобы продемонстрировало бы нашу неуверенность.

Галан отправился в Картахену и спустя немного времени ушел с эскадрой в Африку. Эта акция военного флота завершила целый период саботажа и предательств, совершенных многими высшими морскими военачальниками. Благодаря героизму матросов и части командиров, особенно младших, эскадра оставалась верной Республике, но она почти бездействовала на протяжении трех лет войны и в конце концов, почти ничего не потеряв из состава своих боевых кораблей, попала в руки Франко.

Факты отдельного героизма не могут скрыть того, что действия эскадры в целом являются нашим позором в войне. В момент дезертирства в Африку эскадра насчитывала 3 крейсера, 13 эсминцев, 5 торпедных катеров, 2 канонерки, 7 подводных лодок. По своему количеству она представляла значительную силу. Капитулянтские действия эскадры способствовали восстанию фашистских элементов в Картахене. С криком «Да здравствует Франко!» Артуро Эспа Руис, командир полка № 3 береговой артиллерии, поднял на восстание фашистов своего полка, к которому присоединились фашисты, прятавшиеся в городе. В этот момент командиром сектора Картахены назначают Хоакина Родригеса. С подошедшей бригадой, танками, лояльно настроенными военными, коммунистами Картахены и другими патриотами он подавил фашистское восстание. Артиллерийские береговые батареи вновь оказались в наших руках. Они потопили транспорт «Кастильо де Олите», пытавшийся высадить на берег 3500 солдат, присланных Франко для подкрепления восставшим фашистам. Ночью 5 марта, когда я находился на командном пункте Родригеса вблизи Картахены, раздался телефонный звонок. Я взял трубку. Звонил Касадо из Мадрида. Его интересовало положение в Картахене. Я сообщил ему о подавлении восстания и о том, что теперь мы занимаемся расследованием этого предательства. Касадо ответил, что мое сообщение радует его и он просит передать его поздравления войскам. В этот момент я еще не знал, что Касадо только что поднял восстание.

Мне хочется еще особо подчеркнуть ту важную роль, какую сыграл при событиях в Картахене Бибиано Ф. Оссорио Тафаль. Еще на Эбро и в Каталонии я имел возможность оценить его отчаянную храбрость и политическую смелость, которые особенно ярко проявились в последние дни войны.

К 8 часам утра 6 марта я вернулся в Эльду и немедленно проинформировал членов Политбюро партии о положении в Картахене и о принятых мерах. Тут я и узнал о восстании,

поднятом Касадо. Двумя часами позже в доме, где мы находились, появились Негрин и Альварес дель Вайо. Они сообщили о решении правительства уехать во Францию и предложили и нам сделать это. Члены Политбюро ответили им, что коммунисты уедут только тогда, когда будет принято соответствующее решение, а его пока нет. После ухода Негрина и Вайо состоялось совещание членов Политбюро, на нем присутствовал и Тольятти. К полудню Чека сообщил о принятом решении: мне поручалось обеспечить отправку всех с аэродрома Моновар, где было три самолета— два «Дугласа» ЛАПЕ[53] и один «Драгон». Два других «Драгона», один с Долорес Ибаррури, Монсоном, Морено — представителем Коминтерна — и Кателасом, а другой с Нуньесом Масасом, Альберти и Марией Тересой Леон, уже вылетели с этого аэродрома в Африку.

Я посадил восемь партизан из тех, что там были, в два автомобиля и с ними явился на аэродром. Начальник аэродрома оказался сержантом авиации. Я спросил его, знает ли он меня. Он ответил, что знает. Тогда это упрощает дело, сказал я ему, с этого момента начальником аэродрома буду я. Он согласился, однако у меня сложилось впечатление, что не очень охотно. Летчики сидели под деревьями, и я отправился переговорить с ними. В этот момент подъехал мотоциклист с пакетом для сержанта. Я подбежал и вырвал пакет у него из рук, приказав партизанам задержать сержанта и мотоциклиста. В пакете был приказ Бурильо, в котором тот передавал распоряжение Касадо — дать сведения о количестве самолетов, находящихся на аэродроме, и запретить их вылет без его разрешения. Кое-кто из летчиков нервничал: их тревога увеличилась, когда с ближайшего аэродрома в половине третьего утра вылетел один из самолетов, находящихся в распоряжении правительства, а спустя полчаса улетел и второй. Летчикам было известно, для чего предназначались эти самолеты, следовательно, они узнали об отъезде правительства. Больше всего они боялись того, что Касадо может направить на их аэродром несколько бомбардировщиков и их самолеты будут уничтожены.

Начиная с полудня на аэродром стали прибывать наши товарищи. Первым приехал Идальго де Сиснерос, за ним Модесто, Деликадо, Урибе, Тольятти, Чека, Солива, Марин, Ирена Фалькон, Лопес Иглесиас, Гуйон и Делахе.

К 11 часам ночи наши посты наблюдения сообщили, что воинская часть в составе около батальона прибыла на грузовиках к выезду из Моновара и направляется к аэродрому. В моем распоряжении было примерно 80 партизан. С этими силами я и устроил засаду против отряда. Когда не оставалось уже никакого

сомнения в их намерениях, так как командовавший отрядом отвергал всякое соглашение, мы открыли огонь, обратив их в беспорядочное бегство.

После этой стычки я вернулся на аэродром. Члены Политбюро и Тольятти только что закончили совещание и объявили нам, что, обсудив сложившуюся обстановку, они пришли к таким выводам: мятеж Касадо и компании, отъезд правительства и уход эскадры исключают всякую возможность реального сопротивления противнику. При таких обстоятельствах партия должна выиграть время, создать условия для подпольной работы и обеспечить выезд из страны товарищей, жизни которых угрожает наибольшая опасность. Но для окончательного решения нужно знать мнение членов Центрального Комитета, находящихся здесь. Один за другим мы высказали свое мнение, целиком совпавшее с решением Политбюро. После этого товарищи вновь удалились и спустя несколько минут сообщили нам свое окончательное решение: все присутствовавшие должны покинуть Испанию, за исключением Чеки и Тольятти, которые уедут позже, проследив за выполнением принятого здесь решения.

В 3 часа утра 7 марта первый самолет вылетел в Тулузу, а спустя полчаса улетел второй, в нем находился и я. Третий же самолет, который не мог покрыть без посадки расстояния до Тулузы, утром перелетел в Африку. Перед посадкой в самолеты товарищ Деликадо выдал каждому из нас по одному фунту стерлингов. И это были единственные деньги, с которыми я вторично уезжал из Испании; правда, их было больше, чем в первый раз, тогда в кармане у меня не было ни сентимо.

В Тулузе нас ожидал товарищ Нието, член Центрального Комитета партии; он сказал мне, что остающиеся во Франции члены Политбюро находятся в Париже. Там же находится и моя жена с четырехмесячной дочерью, вызволенные французскими товарищами из концлагеря. В тот же день я отправился в Париж.

Еще до прибытия поезда в Париж в вагоне появились журналисты, представители разных газет; они просили меня сделать заявление. Но я отказался. Не стал я делать никаких заявлений и многочисленным журналистам, ожидавшим меня в Париже. Но кроме журналистов в Париже меня встречала и полиция. Полицейские сопровождали меня до дома одного французского товарища, у которого жила моя жена. Затем они сообщили, что меня хочет видеть их начальник. Я отправился с ними. Начальник полиции принял меня очень вежливо. Он объяснил, что его правительство крайне озабочено обеспечением моей безопасности во Франции, а потому он просит меня самого выбрать для проживания любое место, примерно в 50 километрах

от Парижа, где полиция будет иметь больше возможностей «предотвратить покушение» на меня. Начальник полиции добавил, что я могу приезжать в Париж, когда пожелаю, заранее предупредив их, чтобы они имели возможность предоставить мне «эскорт». Такая «забота» обо мне сомнений не вызывала: меня помещали под домашний арест вдали от Парижа, вконец затрудняя все мои передвижения и мою деятельность, чтобы иметь возможность лучше следить за мной.

Я выбрал городок Жьен и попросил разрешения задержаться в Париже еще на два дня. В тот же день мне удалось уйти от наблюдения полиции и повидаться с товарищем Михе. Потом я не раз бывал в Париже, не испрашивая никакого разрешения, а последний раз остался там на ночь, встретившись с группой офицеров моего штаба, бежавших из концентрационных лагерей.

Когда утром следующего дня я собирался отправиться на новое место жительства — Шатильон-сюр-Луар, появился товарищ Делахе с ворохом газет. В них сообщалось об аресте франкистскими властями в Аликанте французского депутата Тийона, которого предполагается обменять на меня. Руководство партии приняло соответствующие меры, и когда полиция явилась туда, где я прежде жил, она уже не нашла там ни меня, ни моей жены с дочерью.

Но об этом еще не время говорить. Вернемся к вопросам войны.

Было ли возможно после потери Каталонии продолжать военные действия в зоне Центр — Юг? Без сомнения, да. В зону Центр — Юг входило более десяти провинций, большей частью полностью, но некоторые были разделены линией фронта. Общая площадь зоны—120 тысяч квадратных километров, население — 9 миллионов человек. В зону входило и 700 километров морского побережья, на котором было расположено достаточное количество портов; среди них важнейшими были Валенсия, Аликанте, Альмерия и Картахена с военно-морской базой.

Сухопутная армия зоны Центр — Юг насчитывала 500 тысяч вооруженных бойцов, составлявших четыре армии: армии Центра, Эстремадуры, Андалузии и Леванта; это 16 армейских корпусов; 52 дивизии (141 бригада); две кавалерийские бригады; 27 саперных батальонов; около 280 танков и бронеавтомобилей; 400 артиллерийских орудий. Кроме того, имелся 21 отряд охраны порядка. Авиация насчитывала 100 самолетов разных типов. Эскадра была немного многочисленнее, чем у противника, и состояла из 3 крейсеров, 13 эсминцев, 5 миноносцев, 7 подводных лодок, 2 канонерок и целого ряда вспомогательных судов.

Кроме того, не следует забывать еще о 200–300 тысячах

человек, часть которых находилась в учебных лагерях, и, наконец, я думаю, не будет слишком смелым преувеличением предположить, что многие из бойцов, перешедших во Францию, вернулись бы в зону Центр — Юг.

Несколько слов об организации снабжения. Кроме продовольствия, которое шло морем, в наших руках находились одни из самых богатых сельскохозяйственных провинций страны. Итак, были территория и средства для продолжения войны в худшем случае в течение еще шести — восьми месяцев. Вторая мировая война началась спустя пять месяцев после окончания войны в Испании. И есть все основания предполагать, что, если бы война в Испании не окончилась, Гитлер повременил бы с началом второй мировой войны.

Но возьмем наихудший для нас вариант: война закончилась нашим полным поражением на шесть — восемь месяцев позже. Однако если бы при этом республиканские силы были сплочены, как в Каталонии, это оказало бы влияние на ход всей нашей последующей борьбы, ибо последствия раскола Народного фронта были серьезны и единство не восстановлено по сей день.

Главным аргументом восставших касадистов, анархистов и «компании» было якобы стремление добиться почетного мира и избежать напрасных жертв для республиканских сил. Результаты известны всему миру: сотни тысяч расстрелянных. И нет сомнения в том, что, если бы наша борьба продолжалась, потери республиканцев в открытом бою были бы значительно меньше. Да и противник закончил бы войну более ослабленным. Только стойкостью и готовностью продолжать борьбу ' можно было бы достигнуть соглашения о мире с франкистами. Если бы они увидели нашу готовность повторить Каталонию — сражаться до последней пяди земли, — они были бы сговорчивее.

Времена героизма прошли, и наступило время трусов, авантюристов и предателей, никогда не веривших в народ, не веривших в победу Республики. Наступило время тех, кто не только ничего не сделал для этой победы, но, наоборот, с первого дня войны готовил предательство, сговор с противником, готовился выдать ему людей, находившихся под их командованием. «Или все мы спасемся, или все погибнем», — кричали Касадо, Мера и компания, а между тем сотни тысяч бойцов были отправлены в концентрационные лагеря, десятки тысяч расстреляны сразу или после мучений в тюрьмах. Миллионы испанцев остались беззащитными во власти фашистских палачей. Предателям же удалось бежать на судах своих иностранных хозяев или другими путями, не встретив препятствий со стороны франкистов. А тем, кто не успел выехать

за границу, франкисты в награду за их предательство подарили жизнь. В их числе были Мера и ему подобные.

Мне не раз задавали вопрос: почему коммунисты не подавили мятеж Касадо и не взяли власть в свои руки? Действительно, коммунисты пользовались в зоне Центр — Юг авторитетом, влиянием и располагали немалыми силами. Но когда президент Республики и кортесы дезертировали и возглавляемое социалистом правительство, в котором были представлены все партии и организации Народного фронта, решило оставить поле боя заговорщикам, когда Народный фронт был расколот предательством касадистов, бестейровцев, анархистов, должна ли была Коммунистическая партия развертывать борьбу за захват власти? Нет. Она не должна была это делать и не сделала. До переворота касадистов борьба еще была возможной, а позднее — нет. Партия не могла начинать новую кровавую гражданскую войну — на этот раз между республиканскими силами, — которая ускорила бы поражение Республики. Почему же тогда коммунисты и воинские части под командованием коммунистов выступили в Мадриде против раскольников Народного фронта? Они сделали это в целях защиты коммунистов и других патриотов от репрессий, начатых предателями. В планы заговорщиков входил арест возможно большего числа руководителей, командиров-коммунистов, которых эти предатели собирались выдать фашистам, когда те вступят в Мадрид.

Касадисты, анархисты и компания пытались захватить возможно большее число сторонников Республики и противников капитуляции.

Поэтому коммунисты Мадрида и другие антифашисты взяли в руки оружие. И если они не смогли спасти от гибели десятки прекрасных товарищей, — одни из которых были убиты, а другие брошены в тюрьмы и затем выданы Франко, немедленно расстрелявшему их, — своей героической борьбой они все же добились того, что эти репрессии не приняли размаха, намеченного капитулянтами.

Имена наших товарищей — Хосе Касорлы, Доминго Хирона, Даниеля Ортеги, Еухенио Месона, Мануэля Рекатеро, Матильды Ланды, Гильермо Асканио, Барсело, Конесы и тысяч других замечательных патриотов, убитых касадистами или выданных ими на расправу Франко, — всегда будут обвинять предателей.

Глава тринадцатая
Волонтеры свободы и иностранные войска в испанской войне

На стороне республиканской Испании. — На стороне Франко.

Думаю, что не преувеличу, если скажу, что я был одним из испанских командиров, поддерживавших самые тесные взаимоотношения с бойцами интернациональных бригад. Почти не было операций, где бы мы не сражались вместе, и не раз мне приходилось командовать интернациональными бригадами. Со многими интернационалистами меня связывала крепкая личная дружба, со многими из тех, кто остался жив, она продолжается и по сей день. Хотя я уже касался этой темы, считаю все же нужным более подробно остановиться на вопросе о том, какую же роль играли в испанской войне волонтеры свободы.

Франкистская пропаганда утверждала, что война продолжалась почти три года только благодаря участию в ней интернациональных бригад; при этом грубо фальсифицировались цифры — преувеличивались и число бригад, и количество бойцов в них. В печати и в устных выступлениях франкисты неоднократно приводили и приводят сейчас цифру от 100 тысяч до 150 тысяч интернационалистов, якобы воевавших в составе бригад и дивизий республиканской армии. Они утверждают, что эти формирования участвовали в нашей войне с первых ее дней и сыграли решающую роль во всех серьезных сражениях. Но подобные утверждения построены на лжи. Стоит какому-либо франкистскому писаке начать фабриковать очередную фальшивку, как он тут же попадает в западню. Ведь нелегкое дело — сочетать точные цифры, даты, фактические данные с ложью. Ложь бросается в глаза, а истина, как бы ее ни искажали и ни прятали, восторжествует.

Республиканские войска

Я хочу привести данные относительно численности, состава, организации и времени выступления семи интернациональных бригад. Пусть франкистские «историки» попробуют опровергнуть эти фактические данные.

11-я бригада состояла из батальонов «Эдгар Андрэ»,

«Парижская коммуна» и «Домбровский». Она была создана в последних числах октября 1936 года и впервые вступила в бой 8 ноября того же года.

12-я бригада включала батальоны «Гарибальди», франко-бельгийский и «Тельман», а также одну батарею 77-миллиметровых пушек. Сформированная в начале ноября 1936 года, она 13 ноября вступила в бой.

В 13-ю бригаду входили батальоны «Чапаев», «Мицкевич» и «Анри Жельемин». Была сформирована в течение декабря 1936 — января 1937 года. Вступила в бой в феврале.

14-я бригада состояла из батальонов «Анри Барбюс», франко-английского, «Доминго Жерминаль» и № 9 (последний состоял из испанцев). Сформирована в тот же период, что и 13-я бригада.

15-я бригада состояла из батальонов «Линкольн», второго франко-бельгийского, английского и одного испанского. Сформирована также в течение декабря 1936 —января 1937 года.

129-я бригада насчитывала три батальона— «Димитров», «Масарик» и «Джаковик». Сформирована в конце 1937 года.

150-я бригада также состояла из трех батальонов. Сформирована в июне — июле 1937 года.

Кроме того, один интернациональный батальон был придан 86-й испанской бригаде.

Таким образом, в Испании действовали семь интернациональных бригад, насчитывавших 23 батальона и одну батарею, еще один батальон входил в состав 86-й испанской бригады. Из этого числа следует исключить испанские батальоны, входившие в интернациональные бригады (девятый — в 14-ю и второй — в 15-ю).

Итак, общее число батальонов интернациональной пехоты в Республиканской армии не превышало 23.

Интернациональные батальоны насчитывали самое большее по 600 бойцов, а число бойцов в бригаде никогда не превышало 3000.

Даже если бы все батальоны и бригады были укомплектованы полностью, общее количество бойцов-интернационалистов не превысило бы 21 600 человек. Но этого ни разу не было за всю войну, как не было и ни одной боевой операции или сражения, в которых одновременно участвовали бы все семь интернациональных бригад. Первые интернационалисты вступили в бой 8 ноября 1936 года, а в октябре 1938 года все они были отозваны с фронтов и начали возвращаться к себе на родину или в те страны, откуда прибыли в Испанию) В течение тех 23 месяцев, когда части волонтеров свободы сражались в рядах Народной армии, через них в общем прошло 35 тысяч человек, из

которых около 5000 пали со славой на земле Испании.

Несколько сотен интернационалистов находилось в других родах войск: в авиации, артиллерии, кавалерии, инженерных войсках, санитарных частях… Среди них были советские летчики и танкисты. Советские летчики-добровольцы впервые вступили в бой 5 ноября 1936 года, защищая население Мадрида от зверских бомбардировок итало-германской авиации, а танкисты — 29 октября того же года в секторе Сесенья — Вальдеморо. Кроме того, в республиканской зоне находилась группа советских военных советников — отличные командиры, они оказали нам большую помощь в организации армии и ее боевой подготовке. Они держались очень тактично: не навязывали нам своих концепций и не ставили никаких условий. Число советских добровольцев — советников, летчиков, танкистов и инструкторов за все время войны достигало приблизительно 2500 человек.

Войска франкистов

На стороне франкистов сражалось более 300 тысяч иностранцев. Среди них регулярные части итальянской армии, насчитывавшие 150 тысяч человек (из них постоянно участвовало в боях 50 тысяч); 50 тысяч немецких солдат и офицеров (постоянно в боях участвовало от 15 до 20 тысяч); 20 тысяч португальских, а также 90 тысяч марокканских наемников и несколько тысяч наемников иностранного легиона.

Вот, например, каков состав «национальной» армии, атаковавшей Мадрид 7 ноября 1936 года:

Колонна № 1: 1-й и 2-й Тетуанские таборы, 6-я бандера Иностранного легиона.

Колонна № 2: 1-й и 3-й Мелильские таборы, 1-я бандера Иностранного легиона.

Колонна № 3: 1-й и 3-й Альусемасские таборы, 4-я бандера Иностранного легиона.

Колонна № 4: 2-й Сеутский табор, 3-й Тетуанский табор, 5-я бандера Иностранного легиона.

Колонна № 5: 8-я бандера Иностранного легиона, 1-й Алжирский батальон, Меальский табор.

Колонна № 6: Меальский табор, батальон Севильских волонтеров, батальон Канарских волонтеров.

Колонна № 7: Толедский батальон, 5-й Сан-Кинтинский батальон, Меальский табор.

Колонна № 8: 7-я бандера Иностранного легиона, бандера марокканской фаланги, бандера Касаресской фаланги, морская

рота, стрелки Ифни и Меаснии.

Кавалерия: семь сабельных эскадронов и два эскадрона автоматического оружия, сформированные из марокканцев.

Совершенно очевидно, что все «национальные» пехотные и кавалерийские части, атаковавшие Мадрид, состояли из наемников — солдат Иностранного легиона и марокканских частей. Что касается танков и авиации, то в основном они были итальянскими и немецкими. Основной причиной разгрома этой «национальной» армии франкисты считали участие в обороне города интернациональных бригад. Но, как я уже говорил, первая Интернациональная бригада вступила в бой 8 ноября, когда франкисты уже терпели поражение под Мадридом. Невозможно поверить, что одна бригада в 2000 человек могла разбить на подступах к Мадриду девять колонн Франко.

Иностранные войска и оружие прибыли на помощь франкистам уже в первую неделю войны. Численность этих войск постоянно увеличивалась, они принимали весьма заметное, а в ряде случаев и решающее участие во всех операциях. Например, в бою у Малаги, занятой мятежниками 8 февраля 1937 года, участвовало 20 тысяч итальянцев, части марокканцев и Иностранного легиона. Спустя месяц в сражении под Гвадалахарой 25 тысяч бойцов Республиканской армии, среди которых было две интернациональные бригады общим числом около 4000 бойцов, выступили против пятидесятитысячной итальянской армии. Через несколько месяцев итальянцы захватили Сантандер. А еще позже регулярные итальянские части осуществили последнюю военную операцию в этой войне: оккупацию Аликанте.

Намеренно преувеличивая военное значение интернациональных бригад, франкисты, с одной стороны, пытаются умалить роль Германии, Италии и Португалии в этой войне, а с другой — замолчать величайшее политическое и гуманистическое значение борьбы тысяч отважных защитников свободы и демократии из всех уголков земли на стороне испанского народа. Воспоминание об интернациональных бригадах и сегодня продолжает оставаться для народов всего мира живым и убедительным примером борьбы за правое дело.

Волонтеры свободы были немногочисленны — всего 35 тысяч человек. Цифра небольшая, особенно если учесть, что вся армия республиканцев насчитывала около 1 миллиона 200 тысяч бойцов, а на стороне франкистов сражалось 300 тысяч иностранных солдат. Волонтеры оказали борющейся Испании не столько действенную военную, сколько моральную поддержку — интернационалисты, прибывшие почти из шестидесяти стран,

продемонстрировали солидарность миллионов людей всего мира, искренне сочувствовавших борьбе испанского народа и понимавших ее интернациональное значение.

В интернациональных бригадах, несмотря на политические, идеологические и социальные различия, сражались плечом к плечу, объединенные общими антифашистскими убеждениями, католики, протестанты, евреи, атеисты, коммунисты, социалисты, представители буржуазных и прогрессивных партий, а также люди, не принадлежавшие ни к каким партиям… В бригадах были представлены все страны Европы, большие и малые государства Латинской и Северной Америки, Австралии, многие страны Азии и Африки. Таким образом, интернациональные бригады явились живым и действенным выражением солидарности антифашистов всего мира. Они словно воплотили в себе Антифашистский интернациональный фронт — союз наиболее активных и сознательных сил рабочего и демократического движения мира. Это были посланцы народов мира, 35 тысяч героических представителей рабочего класса, крестьянства и интеллигенции. Эти люди, приехавшие в Испанию, чтобы бороться вместе с ее народом за Республику, понимали, что, как писал И. В. Сталин, освобождение Испании от гнета фашистских реакционеров не является делом только испанцев, но общим делом всего передового и прогрессивного человечества. Большая часть этих людей не раз рисковала свободой и жизнью уже на пути в Испанию, охваченную войной. Триста тысяч «волонтеров», прибывших из разных стран во франкистскую зону, напротив, представляли лишь реакционное фашистское меньшинство. Некоторые из них оказались в Испании в результате военной мобилизации, как, например, пятидесятитысячный немецкий «Легион Кондор», 150 тысяч солдат итальянских дивизий или 20 тысяч солдат из «Португальского легиона». Другие были наемниками, как 90 тысяч марокканцев, вступившими в иностранный легион ради денег.

Бойцы интернациональных бригад пользовались заслуженным уважением у себя на родине. А среди испанского народа память о них живет по сей день. Эта память не подвластна времени.

Война в Испании была великолепной боевой школой для волонтеров свободы. Тысячи их вновь покрыли себя боевой славой на полях сражений против фашизма в годы второй мировой войны. В этой войне не существовало ни одного фронта, где не воевали бы интернационалисты Испании. Многие из советских добровольцев, прибывших в Испанию в 1936–1939 годах на помощь испанскому народу, впоследствии занимали

высокие командные посты в армии своей страны.

В организации и руководстве борьбой на всех ее этапах, в создании армий нового типа, появившихся после поражения гитлеровской Германии в странах, вступивших на путь социализма, бывшие волонтеры свободы также играли заметную роль. Каждый на своем посту — ответственном или скромном — они принимали и принимают активное участие в строительстве новой жизни у себя на родине.

Правда, не у всех судьба была легкой. Некоторые подверглись преследованиям и безвременно погибли. К несчастью, реабилитация для многих пришла слишком поздно.

Бойцы Республики — испанцы и интербригадовцы — были примером героизма в американских частях «коммандос» на Тихом океане, в армиях, сражавшихся в Африке и участвовавших в различных десантных операциях в Европе.

Бывшие бойцы Испании — испанцы и добровольцы из других стран — сражались в рядах французского Сопротивления во время оккупации Франции гитлеровцами. Первый нацистский офицер, убитый во Франции, пал от руки испанского волонтера — полковника Фабиана. А итальянские «гарибальдийцы», так великолепно сражавшиеся в Испании, стали в Италии организаторами партизанского движения, которое помогло покончить с фашистским режимом Муссолини.

Во всех странах Европы, оккупированных нацистами, испанские волонтеры находились в первых рядах борцов против фашизма. Многие из них погибли в этой битве. Они возглавили борьбу за свободу, мир и демократию в Северной и Латинской Америке, в Африке, в Азии. Для большинства из них жизнь продолжает оставаться полной опасностей и трудностей, но их преданность делу, которое они защищали 30 лет назад с оружием в руках, непоколебима. Каждая встреча с интербригадовцами вызывает у меня особое волнение, ибо я всякий раз убеждаюсь, что эти люди хранят Испанию в своих сердцах.

Всем павшим и живым, кого я знал по совместной борьбе, я выражаю здесь самую глубокую признательность. Невозможно назвать всех, кому я хотел бы воздать должное и за самоотверженный труд, связанный с огромным риском, по отправке волонтеров в Испанию. Я приношу свою благодарность всем, кто готовил документы, кто организовывал нелегальные переходы границы, кто по сентимо собирал деньги на эти поездки, кто устраивал демонстрации солидарности с борющейся Испанией.

В своих долгих скитаниях по свету я встречался со многими из этих людей, никогда не бывавших в Испании, но остающихся

настоящими борцами за наше дело. Мы благодарны им так же, как и тем, кто сражался рядом с нами.

Глава четырнадцатая
Заключительное слово

Ответственными за войну являются фашисты. — Борьба народа была справедливой. — Необходимость регулярной армии. — Борьба за создание регулярной армии. — Профессиональные военные, ставшие на сторону Республики. — Кадры, вышедшие из ополчения (милисиас). — Уроки испанской войны.

В заключение я хочу вернуться к некоторым моментам, уже затронутым в этой работе, но на которых, как мне кажется, следует еще раз остановить внимание.

Иногда приходится слышать разговоры об ужасах войны 1936–1939 годов. При этом не делают различий между сторонами. Действительно, это была страшная война, но в ней участвовало два лагеря, защищавшие совершенно разные идеи. Те, кто выступал на стороне Республики, если и испытывают чувства раскаяния и вины, то только за то, что не сумели ее защитить. Мы должны признать, что оказались недостаточно сильны и потому не смогли одержать победу. Испанские патриоты взялись за оружие не только ради защиты Республики, которую народ завоевал в борьбе, но и в порядке самообороны, ибо речь шла о жизни лучших сынов испанского народа.

Находятся люди, которые утверждают, что если бы мы, сторонники Республики, не подняли оружия в защиту интересов народа, то не было бы этого страшного кровопролития. Я хочу сказать этим людям: а знаете ли вы, что произошло в тех районах Испании, где фашистам удалось захватить власть без сопротивления? Политические руководители, гражданские губернаторы и даже те, кто выступили против народного сопротивления или пассивно приняли его, поскольку им не оставалось ничего другого, стали жертвами зверской расправы фашистов. Безусловно, народное сопротивление платило палачам той же монетой. Я абсолютно убежден, что отсутствие сопротивления не уменьшило бы количества жертв; разница заключалась бы только в одном: все эти жертвы были бы из числа сторонников Республики.

Нельзя забывать — в планы фашистов входила ликвидация нескольких сотен тысяч испанцев, о чем говорилось совершенно открыто. В оккупированной зоне франкисты с первых дней принялись зверски уничтожать всех, кто был заподозрен в левых

или либеральных взглядах. После окончания войны истребление людей началось и в республиканской зоне. Все это было лишь проведением в жизнь давно продуманного плана. Но фашисты не могли предвидеть ни народного сопротивления, ни трех лет упорной борьбы. Полмиллиона испанцев предполагалось уничтожить в результате «простой полицейской операции», использовав бригады палачей из фаланги и жандармерии, которые были приданы соединениям марокканцев и легионеров, привезенным из Африки.

Официальной является цифра в один миллион убитых в течение всей войны. Многие думают, что речь идет о погибших на фронте. Но это совершенно неверно. Количество убитых на полях сражений немногим больше половины этого числа. И не миллион, а гораздо больше людей казнили франкисты в тылу.

Война республиканцев была справедливой, национально-революционной войной. И эта освободительная война, несмотря на поражение, осталась славной страницей в героической истории испанского народа.

Вступление в войну на стороне франкистов вооруженных сил Гитлера и Муссолини, а также регулярных португальских частей и использование марокканцев и Иностранного легиона придали борьбе испанского народа национально-освободительный характер, это была война за независимость, против вооруженной иностранной интервенции. Народ понимал, что, борясь против наступления фашизма и реакции, он подрывает базу фашизма в Испании, а отстаивая свободу — защищает достижения революции. Вот почему республиканцы сражались с огромным энтузиазмом.

Самой неотложной задачей, вставшей перед испанским народом, было создание армии и организация военного дела, необходимых для разгрома врага. Выполнить эту нелегкую и почетную задачу выпало на долю жителей Мадрида. В первых же сражениях у стен Мадрида родилась новая испанская регулярная армия — оплот Республики и народа. Ее история тесно связана с обороной Мадрида, с поражениями, нанесенными противнику в ноябре 1936 года, когда героическая оборона города, названного поэтом «столицей славы», достигла своей кульминации. Далее следовали сражения, приведшие к провалу атаки на Лас Росас против нашего правого фланга в январе 1937 года, и на Хараме в следующем месяце, срыву большого вражеского наступления в марте, когда итальянские дивизии намеревались овладеть Мадридом с тыла, наступления, окончившегося их кровавым разгромом под Гвадалахарой.

С организации 5-го полка, осуществленной

Коммунистической партией Испании, началась история новой Народной армии, создававшейся в грохоте боев, все более кровавых и ожесточенных. Создание подлинно народной регулярной армии, полностью отвечавшей нуждам и целям войны, было нелегкой задачей. Тем более, что ее решение наталкивалось на явное сопротивление со стороны руководителей вооруженных сил, часто менявшихся в начале войны. Одни из них действовали неосознанно, они просто не способны были понять характер нашей борьбы, другие же являлись убежденными противниками создания Народной армии. Коммунистическая партия вела непримиримую борьбу с такими тенденциями. Одновременно партия продолжала укреплять и расширять Народный фронт, что было жизненной необходимостью.

Коммунисты четко представляли себе, что непонимание важности создания регулярной Народной армии было распространено в стране весьма широко. В Испании, где влияние анархистов было очень заметно, где революционное и демократическое движение было традиционно «антимилитаристским», идея создания регулярной армии, необходимости единого командования и железной дисциплины оказалась на первых порах непопулярной.

Когда же под давлением прогрессивных сил Ларго Кабальеро наконец издал декрет о создании регулярной армии, он проводился в жизнь настолько вяло и с такими трудностями, что на многих фронтах даже год спустя еще не было регулярных частей. На северном фронте, где война длилась немногим более пятнадцати месяцев, военные действия закончились прежде, чем были созданы регулярные войска под единым командованием. Правда, нужно признать, что на Севере ответственность за это несли скорее всякого рода «маленькие правительства» и «суверенные комитеты», чем центральное правительство. Военные руководители, такие, как генерал Льяно де ла Энкомьеда, Франсиско Сиутат, Хуан Ибаррола, Кристобал Эррандонеа, Селестино Уриарте, Домиан Фернандес, Мануэль Альварес, Хавьера Линарес, Гарсиа Вайас, Модесто Арамбарри, Альфредо Саманьего, Нино Нанетти, впоследствии погибший, и многие другие, понимали необходимость создания на Севере боеспособной армии с единым командованием, стойко боролись за нее, но их усилия разбивались о сопротивление местных властей.

Если в конце концов и удалось положить начало созданию регулярной армии, то придать ей подлинно народный характер было трудно. Приэто, будучи министром обороны, приложил максимум усилий, стремясь лишить армию ее народного

характера, и большая часть командования действовала заодно с министром-социалистом.

Основные командные посты в армии и в генеральном штабе заняли профессиональные военные, выходцы из старой армии. Среди них были люди способные и лояльные по отношению к Республике, но были и лица со слабой профессиональной подготовкой и даже политические противники нашего дела. Республиканские и социалистические правители предпочитали иметь дело с профессиональными военными, пусть даже получившими дипломы военных академий 30–40 лет назад, и не желали видеть того, что среди рабочих, крестьян, интеллигентов, сражавшихся за Республику, выросло немало талантливых полководцев. Из 17 тысяч офицеров испанской армии значительная часть после начала мятежа оказалась в республиканской зоне. Из них в Народную армию вступило около 2000 человек. Основное ядро офицеров старой армии, присоединившихся к народной борьбе, — честные люди, доказавшие на протяжении всей войны свое искреннее сочувствие делу Республики. Но были и другие — те, что пошли с народом из-за верности данному слову, из патриотических побуждений или просто потому, что были возмущены вторжением в Испанию иностранных войск, — эти люди не понимали национально-революционного характера наглей войны и еще меньше сознавали необходимость народной армии. А между тем они занимали высокие командные посты в армии. Им недоставало веры в победу, и потому они не были способны делать правильные выводы из наших частичных боевых успехов. Эти профессионалы военного дела до конца войны продолжали смотреть на бойцов и командиров из народа как на новичков-ополченцев, которым не под силу победить тех, кем командовали их бывшие товарищи. Такие командиры не понимали, что армия, которую им доверил народ, сильна энтузиазмом и самоотверженностью своих бойцов, что такая армия способна добиться победы.

Некоторые из этих командиров неплохо проявили себя в начале войны, командуя отдельными разрозненными частями; но как только война стала принимать более организованные формы, когда началось создание Народной армии, они постарались занять посты в тылу, желая оказаться как можно дальше от выстрелов и уйти от ответственности за исход боев.

Я ничего не могу возразить против таких «отступлений». Многие из тех, кто работал в тылу, честно выполняли свой долг — на призывных пунктах, в учебных лагерях, в военных комендатурах и т. д. Но были и другие, которые предпочли

изображать «великих стратегов» за столиками кафе и баров. Обсуждая и критикуя все на свете, они нередко выбалтывали секретные данные, которые вражеские шпионы (а в них не было недостатка на этих сборищах) немедленно передавали своим.

Мне вспоминаются два эпизода, связанные со сборищами «великих стратегов»: в одном я случайно оказался участником, в другом — свидетелем. Как-то приехав в Валенсию, я встретился в генштабе с полковником Мена. Он пригласил меня в кафе «Идеал», где встречалась группа офицеров, ожидавших назначения. Меня приняли радушно. Многие из собравшихся были моими старыми знакомыми, остальных мне представили. Среди них была жена одного генерала. Я тут же вспомнил, что этот генерал как-то уже знакомил меня со своей женой, а поскольку у меня плохая зрительная память, я решил, что уже был представлен этой даме, и напомнил ей о нашем знакомстве. Ну и попал же я в историю! Громовым голосом дама заявила, что та, с которой меня прежде знакомил ее муж, была его любовницей, а законная жена — она. Я стал извиняться, но она еще более громогласно ответила, что мне не за что извиняться, так как это муж, а не я наставил ей рога. Присутствовавшие, очевидно привыкшие к подобным «сценам», разразились хохотом, ну а во мне все это вызвало отвращение, и я поспешил откланяться.

В другой раз, приехав в Валенсию, я решил встретиться с художником-галисийцем Кастелао и еще несколькими земляками в кафе «Де ла Пас». Вскоре после моего прихода в кафе вошел майор. Ему навстречу из-за столиков поднялись офицеры, сидевшие в обществе дам, приглашая майора присоединиться к их компании. Я спросил, кто этот офицер, друзья ответили, что это майор Хесус Перес Салас. Подобные сцены не были редкостью. Некоторые начальники посылали в кафе двух-трех офицеров, которые должны были «завербовать» нескольких «красоток» и ждать своего «шефа», чтобы принять его «со всеми почестями» и предоставить ему возможность выбрать даму. После войны этот Перес Салас обосновался в Мехико-сити; он был уже полковником, очевидно «заработав» это звание в «сражениях» подобного рода. Такие «полководцы» были способны решать за столиками кафе самые сложные военные задачи и с непревзойденным мастерством, сидя в ресторанах, приводили в движение войска и боевые средства; однако на поле боя эти критиканы не способны были командовать даже ротой. Было бы намного лучше, если бы такие командиры остались во вражеской армии, хотя наверняка к ним там отнеслись бы менее снисходительно, чем у нас.

И, наконец, еще одна категория военных. Это были «географически лояльные». Идеологически более близкие к фашистским мятежникам, чем к республиканцам, они оказались в наших рядах лишь потому, что мятеж застал их в республиканской зоне и они не успели уехать. Многие из них занимали высокие военные должности. Они отлично осознали характер войны, развязанной фашизмом против испанской демократии, понимали, какая армия нужна народу, чтобы победить в этой битве. И вполне сознательно вначале тормозили создание регулярной армии, а затем, когда она все-таки была создана, — всячески мешали ее действиям. Некоторые из них, окопавшись в штабах, саботировали военные операции или проваливали их, препятствовали созданию необходимых резервов или неправильно их использовали; стремясь помешать координации действий фронтов и армейских групп, выступали против эффективного единого командования, желая превратить свои секторы в независимые единицы. К этой группе офицеров принадлежали и те, кто в марте 1939 года подняли вооруженное восстание против законного правительства Народного фронта. Вступив в тайный сговор с иностранными державами, они предательски сдали Франко армию более чем в полмиллиона бойцов и территорию, превышающую 120 тысяч квадратных километров, с населением около девяти миллионов человек, хотя, несмотря на потерю Каталонии, была возможность продолжать борьбу. Но они действовали не только в армии.

В ходе войны создались условия для организации во франкистском тылу мощного партизанского движения. В оккупированной мятежниками зоне возникла база для создания партизанских отрядов — тысячи патриотов ушли в горы. Но все это не было использовано республиканскими правительствами и их министрами обороны. Ларго Кабальеро, Приэто и другие представители высшего командования не только ничего не сделали для организации партизанской войны в тылу противника, но систематически отказывали стихийно возникавшим отрядам в помощи кадрами, вооружением и деньгами. Десятки делегатов из партизанских отрядов Андалузии, Эстремадуры, Галисии, Леона прибывали в республиканскую зону за оружием, указаниями и т. п. И вот тут-то чинились всяческие препятствия. Это был настоящий саботаж партизанской войны.

Коммунистическая партия требовала обратить особое внимание на эту форму борьбы. Вначале с помощью 5-го полка, а затем и ряда других воинских частей партия принимала меры по организации партизанского движения. Партия организовала в республиканской зоне несколько партизанских школ. Очень

сжатый курс, рассчитанный на срок от шести до восьми недель, включал изучение тактики партизанской войны, некоторые элементы тактики пехоты, взрывного дела, топографии, стрелкового дела и политическую подготовку. Заняв пост министра обороны, доктор Негрин поддержал меры по организации партизанских отрядов. Был создан XIV Партизанский корпус, состоявший из четырех дивизий. Это был шаг вперед, хотя еще и не очень значительный. Силы XIV корпуса действовали в тылу врага вблизи фронтов и сражались героически; но одного корпуса было явно недостаточно. Следовало в этом отношении пойти дальше. В Леоне, Галисии, Саморе, Андалузии, Эстремадуре и других районах, оккупированных фашистами, действовали возникшие стихийно партизанские отряды, они просили помощи оружием и кадрами. И хотя правительство Республики имело возможность оказать им такую помощь, оно не сделало этого.

Сколько напрасно растраченного героизма! Какие огромные силы остались неиспользованными! А ведь мощное партизанское движение в тылу у франкистов могло оказать серьезную помощь Республиканской армии. Другой вопрос. Приэто и кое-кто еще обвиняют Коммунистическую партию в том, что в армии было слишком много коммунистов — командиров и комиссаров. Верно. Нас было много. Например, в частях, бывших под моим командованием, почти сто процентов командиров и комиссаров были коммунистами или членами ХСУ. И не случайно говоря о погибших, я имею в виду главным образом коммунистов. Почему же об этом молчат наши «критики»? Они, отсиживаясь в тылу, почему-то не критиковали коммунистов, когда те рисковали жизнью на фронте. Путь на фронт был открыт для всех и каждый имел возможность доказать, на что он способен, заслужить чины и командные должности, как это делали мы, коммунисты.

Во время войны и после нее нашлись люди, которые обвиняли Рохо в симпатиях к командирам из числа милисианос, в том, что он предпочел их кадровым офицерам. А я помню, как Рохо не один раз пытался назначить на командные посты в действующие части профессиональных военных, но они категорически отказывались, предпочитая оставаться в тылу, подолгу ждать новых назначений и заниматься «стратегией» на сборищах в кафе. Число уклонявшихся от фронта стало настолько велико, что во второй половине 1937 года министр обороны отдал распоряжение отправить на фронт, в действующие части, офицеров, не участвовавших в боях в течение трех месяцев.

Задолго до этого приказа 5-й полк и части, вышедшие из него, подали пример борьбы с уклоняющимися от отправки на

фронт. Я хочу привести несколько наших приказов.

«Приказ по 1-й бригаде от 15 декабря 1936 года.

В соответствии с решением совещания, состоявшегося сегодня в 15 часов, батальонам бригады надлежит ликвидировать имеющиеся у них в разных частях Мадрида комендатуры и ключи от них вручить командиру полка».

«Инструкция для руководства:

1. Весь личный состав и вооружение, имеющееся в распоряжении названных комендатур и пригодное для использования, должны быть отправлены на фронт, занятый частями бригады, где из личного состава создаются полевые канцелярии батальонов под руководством соответствующих комендантов.

2. Вооруженному персоналу, находящемуся в Мадриде, приказываю присоединиться к своим батальонам на фронте. Не имеющим оружия надлежит отправиться в казарму Орталеса; туда же необходимо отправить излишки оружия и снаряжения.

Энтревиас, 15 декабря 1936 года.

Командир — майор Военный комиссар Листер Пуэнте».

«Приказ комендатуре 5-го полка.

1. Комендатура 5-го полка продолжает действовать, выполняя функции консультативного характера до тех пор, пока из ее последних ополченцев не будут сформированы бригады и части новой армии.

2. Все ополченческие батальоны непосредственно подчиняются ополченческой комендатуре.

3. Все батальоны, включенные в бригады, должны покинуть прежние казармы и занять казарму своей бригады, находясь в ее непосредственном подчинении.

4. Упраздняются все призывные пункты 5-го полка в Мадриде. Центральной администрации предлагается передать картотеки личного состава батальонов соответствующим бригадам. Освободив свои казармы, батальоны должны сдать их штабу.

Центральная комендатура 5-го полка.

Командир — майор Политический комиссар — Листер Карлос Контрерас,

21 декабря 1936 года»

Газета «Политика», орган партии левых республиканцев, в интервью, опубликованном 23 декабря 1936 года, писала:

«…Листер говорил нам о новой Республиканской армии, в которую только что влился 5-й полк:

«Этим будут достигнуты большие результаты, чем при существующей в настоящее время милицейской системе. В 5-м полку мы уже начали чистку, которую необходимо провести всюду. Например, каждый батальон имеет в Мадриде комендатуру, где развелись сотни бюрократов. Много галунов, много звезд, в большинстве своем никогда не видевших ни фронта, ни казармы вообще. Все это теперь упразднено. Двух или трех человек с избытком хватит для выполнения канцелярской работы в любой комендатуре. Достаточно сказать, что в Мадриде распределялось 60 тысяч продовольственных пайков между людьми, не сделавшими ни одного выстрела».

Другое, часто встречающееся среди франкистов, да и не только среди них, мнение, что одной из основных причин наступательной слабости наших войск была недостаточная подготовка младших и средних командных кадров, не умевших маневрировать на поле боя. Песня эта не нова. Еще в период войны мы неоднократно слышали ее, и потому я снова возвращаюсь к этому вопросу. В период наших неудач и отступлений кадровые офицеры и часть командиров из числа ополченцев объясняли все нагни поражения тем, что противник силен, а боевые качества солдат и младших командиров республиканской армии недостаточно высоки.

И в частных беседах и в публичных выступлениях я всегда отвергал подобную точку зрения. Я и сейчас продолжаю придерживаться того мнения, что причина, в силу которой одни части сражались хуже других, заключается в качествах не солдат и младших командиров, а старших командных кадров. Дело было в уровне военной и политической подготовки, которую обеспечивали командиры вверенным им частям, в отношении к своим солдатам, в том, какой пример они показывали подчиненным. Там, где были настоящие командиры Народной армии, смелые и скромные, исполненные высокого боевого духа, беспощадные к слабостям и вместе с тем человечные — взводы, роты, батальоны, бригады и дивизии сражались хорошо. Там же,

где таких командиров не было, бойцы воевали плохо.

В частях, где не забывали, что наша армия принципиально отличается от старой, а ее солдаты — не автоматы, слепо повинующиеся приказам, — дела шли хорошо. Наша армия состояла из рабочих, крестьян, служащих, студентов, взявшихся за оружие, чтобы защитить свободу и независимость Родины от интервентов и наемников, и главная сила этой новой армии заключалась в ее народном характере, в тех идеях, которые вдохновляли бойцов.

Известно, если солдат не питает доверия к своему командиру, каким бы хорошим этот солдат ни был, он сражается плохо — ему не хватает страсти, того, что заставляет человека идти на самопожертвование.

Человеческий материал, который оказался в руках командиров, был целиком из одного источника — чудесного источника, называемого испанским народом. И если бойцы сражались плохо, то виной тому были не сами солдаты и не младшие командиры, а высшее командование. Если командиры подменяли сознательную дисциплину принудительной, недопустимой в Народной армии, бойцы теряли боеспособность и интерес к защищаемому ими делу.

Командир должен заботиться о том, чтобы бойцы стали патриотами своей части, чтобы они гордились ею, своим командиром, интендантской службой, поварами, парикмахерами, врачами, санитарами. А все эти люди должны действовать так, чтобы в свою очередь заслужить доверие и любовь бойцов.

Горячий кофе и глоток коньяка для солдат, стоящих по колено в ледяной воде перед атакой на Трихуэке; доставка холодной воды в ад под Брунете или во время изнурительного перехода в Арагоне; коньяк ночью и дважды в день горячая пища при температуре 20 градусов ниже нуля под Теруэлем; подвоз продуктов и свежей воды бойцам на Сьерру Пандольс, быстрая эвакуация раненых с поля боя — все это, безусловно, имело огромное значение для бойцов и воодушевляло их больше, чем десять военных приказов и двадцать речей. Чтобы хорошо понять состояние солдат на фронте, надо поставить себя на их место. Люди сражались среди голых скал Пандольса, под адским артиллерийским огнем, имея на флангах противника, глубоко вклинившегося в расположение наших частей; позади — многоводная Эбро. И вот в разгар боя в окопах появляются повара с горячей пищей. Это не только помогает бойцам восстановить силы, а создает убежденность, что они не изолированы от мира; такое проявление заботы командиров о своих бойцах укрепляет их взаимное доверие, поднимает боевой дух.

Огромное значение имела также забота о раненых. Не случайно «пятая колонна» старалась проникнуть в части медицинской службы. Впоследствии раскрылось немало преступлений: неоправданная ампутация конечностей, стремление усугубить страдания раненых и т. д. Первый начальник санитарной службы 1-й бригады был человеком, совершенно непригодным для этой роли и к тому же трусом. Мне пришлось его сместить и назначить Вилья Ланда, который во время боев сам отправлялся на передовые позиции помогать раненым. А начальник административного отдела санитарной службы оказался негодяем — он воровал кофе, сахар, сгущенное молоко и другие продукты, предназначенные для раненых. И раздаривал все это своим любовницам и друзьям-фашистам, скрывавшимся в Мадриде. Я приказал расстрелять его перед строем.

Хочу рассказать еще об одном случае. На Эбро был тяжело ранен майор Сантьяго Агуадо — осколок раздробил кость ноги. Около месяца он лечился в госпитале V корпуса, затем его решили эвакуировать в тыловой госпиталь, находившийся в Фигерасе, где, как говорили, работал крупный специалист соответствующего профиля. Там установили, что необходима ампутация ноги. Когда мне сообщили об этом, я собрал врачей корпуса и спросил их мнение. Они не считали ампутацию необходимой. Я немедленно выслал в Фигерас санитарную машину и людей из специального батальона; они привезли Агуадо в госпиталь корпуса. Начальник госпиталя в Фигерасе прислал мне письменный протест. А майора Агуадо вылечили, обошлось без операции. После окончания войны в Испании он учился в Военной академии имени М. В. Фрунзе в Москве, был подполковником Советской Армии, а после второй мировой войны служил инструктором в югославской армии.

Конечно, в основном медицинский персонал работал честно, хотя и располагал очень скудными средствами. Это был героический труд в тылу и на фронте. Он тем более ценен, что многие из этих людей придерживались консервативных или даже правых взглядов. Я знал таких врачей в частях, которыми командовал. Мне было известно об их убеждениях, но я уважал их взгляды и требовал только честного выполнения своего долга. Хорошая работа санитарной службы является залогом высокого, боевого духа бойцов.

Самые безупречные, великолепно разработанные военные операции могут провалиться, если не будет должного материального обеспечения. Импровизировать в этих делах нельзя. Командиры должны постоянно заботиться об организации

служб, их отличная работа нужна не только в период проведения боевой операции, но также на отдыхе и в тылу.

Я научился ценить значение боепитания, санитарной, интендантской, транспортной и других служб, в первые месяцы войны мы очень страдали из-за их отсутствия или плохо налаженной работы. Существовала практика: использовать в службах обеспечения людей, считавшихся непригодными для передовой. Я же всегда направлял на эти участки тех, кто лучше других проявил себя в бою, и ставил наиболее отличившихся во главе этих служб.

Много писалось о «свирепых методах Листера», о моем скверном обращении с бойцами и гражданским населением. В этой книге я привожу свидетельства различных лиц, организаций, учреждений и коллективов о поведении людей, находившихся под моим командованием, и о моем собственном. Что касается мнения бойцов о моих методах руководства, то никто лучше их не мог бы об этом сказать. Я хочу лишь отметить, что тысячи моих бойцов, когда они выходили из госпиталей после ранений, возвращались к нам, даже если получали назначение в другую часть. При этом некоторые покидали госпитали, еще не выздоровев окончательно.

Для наших частей характерна была не только железная дисциплина, но и глубокое взаимное уважение; всем — от простого солдата до высшего командира — был присущ дух товарищества, братской дружбы, готовность отдать жизнь за другого. И такие взаимоотношения проявлялись не только в бою, они распространялись на все сферы жизни. Здесь я хотел бы рассказать об одном случае. Только что закончилось Брунетское сражение. Один сержант рассказал мне, что его жена связалась с секретарем муниципалитета, и попросил у меня разрешения отлучиться на день, чтобы поехать в деревню — он был из провинции Хаен — и свести счеты с обоими. После долгой беседы мы пришли к компромиссному решению; он заберет у жены сына и передаст его на воспитание своим родителям. Таким образом жена будет в достаточной мере наказана. А после войны он окончательно урегулирует свои семейные дела. Что касается секретаря муниципалитета, то это мы взяли на себя. Интендантской службе я приказал приготовить пакет с продуктами, казначею — выплатить сержанту жалованье за шесть месяцев вперед, чтобы он мог помочь родителям, а также распорядился дать ему автомашину. Сержант отправился в свою деревню, осуществил наш план и через пять дней вернулся в часть. Я знаю, что он окончил войну в чине капитана и переправился во Францию; о его дальнейшей судьбе мне ничего

не известно. К секретарю муниципалитета, ему тогда было 28 лет, я послал двух бойцов из Специального батальона, и они навсегда отбили у него охоту заводить шашни с женами тех, кто сражался на фронте.

Знаю, что некоторые считают подобные методы неуместными в военное время, но я с этим никогда не соглашусь. На фоне огромных потрясений, вызванных войной, такой эпизод мог показаться незначительным, но для сержанта это была трагедия. Поэтому никогда в подобных случаях я не оставался безучастным к судьбе моих бойцов. Это помогало создавать дух товарищества и дружбы, который сохранялся долгие годы и перешагнул границы континентов.

Куда бы я ни ездил — а мне довелось очень много путешествовать, — везде я встречал бойцов, сражавшихся под моим командованием. И все они по праву гордились тем, что были в рядах 5-го полка, 1-й бригады, 11-й дивизии, V корпуса.

Однажды в январе 1965 года, когда я был в Аккре, ко мне явились два испанца. Оба были из Мадрида — семнадцати лет они вступили в 1-ю бригаду, оборонявшую город. Трудно выразить волнение всех нас, встретившихся далеко от родины! Мы вспоминали борьбу и боевых товарищей.

Война в Испании была отличной школой тактики, стратегии, организации для тех, кто хотел учиться. Встречались, конечно, командиры, которым недоставало настоящих командирских качеств и которые пытались завоевать дешевый авторитет у бойцов. Но если солдаты не терпят в командире высокомерия, то несерьезных командиров они просто не признают.

Верно, что наши старшие, средние и младшие командные кадры порой возмещали нехватку военных знаний «импровизацией» в решении тактических задач. Но характерными для большинства из них были смелость, быстрое усвоение военных знаний, способность управлять людьми на поле боя.

Были и такие, кто не успевал за темпом роста армии и не умел руководить своими людьми в сражениях, но они встречались, главным образом, среди командиров бригад и выше. Приобретя в первые дни войны некоторый авторитет (скорее ложный, чем заслуженный), они жили и дальше за счет этого багажа, пользуясь покровительством политических партий и профсоюзных организаций, в которых состояли.

Для подготовки младших командиров в армии организовали школы, и первые — в 5-м полку. Согласно приказу правительства от 25 ноября 1936 года были созданы пехотные, кавалерийские, артиллерийские, танковые, транспортные, саперные, санитарные школы и школы связи. Несколько позже они получили название

Народных военных школ. Окончившим присваивалось звание «полевых лейтенантов»[54]. В другом приказе, от 16 декабря, было объявлено об организации Народной школы Генерального штаба. Кроме того, существовали еще школы в армиях, корпусах, а иногда и в дивизиях. В них училась большая часть наших младших командиров.

Фашисты постоянно твердили о слабостях нашего командного состава, стремясь доказать, что рабочие, крестьяне, студенты и служащие не могут стать хорошими командирами, а следовательно, Народную армию создать невозможно. И у нас были люди, которые разделяли это мнение. Они занимали высокие посты в Народной армии, однако настроены были не менее реакционно, чем франкисты. К тому же они старались свалить вину и ответственность за свои ошибки на подчиненных, на «недостаток подготовки» и т. п.

Командиры частей, находившиеся под моим командованием, почти все были выходцами из ополченцев — это бывшие рабочие, крестьяне, студенты, служащие. Из той же среды вышли комиссары. Вот, например, личный состав штаба V корпуса в период сражения на Эбро: майор Хосе Триго — севильский рабочий; Мартин Иглесиас — рабочий из Коруньи; Мануэль Эстурадо — галисийский студент; Гурреа — студент из Валенсии. Рабочими и служащими были капитаны Маган, Агуадо (Рамиро), Галера-и-Эладио Родригес, который по окончании войны вернулся в Испанию на подпольную работу; впоследствии он был арестован и расстрелян. Невозможно назвать здесь имена всех работников нашего штаба, но почти все они вышли из той же социальной среды.

То же можно сказать и о начальниках различных служб: майор Анхел Санчес, начальник службы связи, к началу мятежа служил в армии в чине сержанта, а его комиссар, Альканьис, был рабочим; сержантом старой армии к началу мятежа был и майор Санчес Томас— командир артиллерии V корпуса, его комиссар, Хуан Мартинес — в прошлом рабочий. Начальник инженерной службы, майор Хосе Бабадилья, до войны был топографом, а комиссар, Андрес Перейра — рабочим; начальник интендантской службы, Лукас Вильясанте, был мадридским рабочим, рабочими были и комиссар Лукас Нуньо, майор Анхел Серрано — командир транспортных частей и комиссар Гарсон. Начальником санитарной службы был Вилья Ланда — мадридский врач, а его комиссаром, Арсенио Вальядарес, — рабочий. Начальник офицерской школы V корпуса, Луис Балагер, был служащим. Крестьянином был комиссар V корпуса Сантьяго Альварес, а я, командир корпуса, — рабочим. И вот корпус, которым

командовали люди из народа, форсировал Эбро и разгромил армию противника, во главе которой стояли профессионалы — генералы и офицеры, получившие специальное военное образование.

Народная армия сильна своим духом, ибо она служит интересам народа и защищает их. К сожалению, понимали это не все командиры, что и было основной слабостью нашего руководства, слабостью, которую многие отказывались признавать.

Я старался, чтобы у моих бойцов была тесная и постоянная связь с рабочими тыла. Помощь крестьянам также стала нашим правилом. Я стремился наладить дружбу между бойцами двух фронтов: фронта вооруженной борьбы и производственного фронта, который обеспечивал всем необходимым нашу армию.

В Мадриде над 11-й дивизией и ее бригадами шефствовали более 20 фабрик и заводов: «Кирос», «Стандарт», «Ла Комерсиаль де Иерро», «Торрас», «Эриксон», «Хареньо», «Хатчинсон», «Ла Папелера Эспаньола», «Эль Агила» и т. д.

Когда мы отправились на Арагонский фронт, туда прибыла делегация мадридских рабочих, чтобы сообщить нам о своей работе и ознакомиться с ходом боев. И там над нами шефствовали валенсийские заводы и фабрики и среди них «Индустрия де герра № 1». После прорыва фашистов к морю более 15 барселонских промышленных предприятий оказывали помощь частям V армейского корпуса: «Фабрика Вулкан», «Орфео Синкронник», «Саф 9, Испано-Сюиса», «Фабра и Коатс» и др.

Это единство фронта и тыла имело большое политическое значение. Обмен мнениями, опытом, общие заботы укрепляли веру людей в дело, которое они защищали, повышали боеспособность нашей армии. Прочная связь с пролетариатом, к которому многие из нас принадлежали, служила источником нашей силы.

Профессиональные военные, анархисты и социалисты также обвиняли Негрина и Рохо и в благосклонности к частям, которыми командовали коммунисты. Действительно, Рохо был вынужден в трудные и ответственные моменты опираться на командиров-коммунистов, и, к несчастью, почти всегда на одних и тех же. Но виной этому был не Рохо, а практика кантонализма, поддерживаемая некоторыми руководителями-социалистами и анархистами. Эта практика приводила к тому, что любая переброска войск встречала невероятные трудности и препятствия. Рохо приходилось идти на компромиссы и маневрировать, что очень осложняло обстановку.

Я упоминал уже, что когда было решено перебросить в

Теруэль 46-ю дивизию, генерал Миаха выдвинул свои условия — он потребовал взамен направить к нему в Мадрид 11-ю дивизию. В последние месяцы 1938 года стало ясно, что противник намерен атаковать Каталонию. Рохо в связи с этим отдал приказ Миахе передислоцировать в эту зону войска, но нам прислали несколько сотен новобранцев, необученных и плохо вооруженных.

Одной из самых серьезных ошибок было то, что в окопах Центрального фронта на протяжении всей войны держали великолепные части. А после сражения под Гвадалахарой, в марте 1937 года, стало ясно, что противник переносит свои атаки на другие фронты. Но несмотря на это, части Центрального фронта продолжали оставаться в окопах на Сьерре, Хараме, в Гвадалахаре, Мадриде, и многие из них находились там до конца войны, когда Касадо и Миаха выдали их Франко.

В первые месяцы войны Миаха сыграл положительную роль. Генерал, сражающийся на стороне Республики, производил впечатление на многих людей, хотя его полная неспособность командовать войсками была широко известна. Миаха ничего не понимал в характере нашей войны, как и в характере армии, которая нам требовалась. Мы старались поддержать его авторитет, правда не заслуженный, — это было тогда на пользу нашему делу, и мы считали это своим долгом. Но воспользовавшись авторитетом, созданным ему героизмом бойцов и народа, Миаха пошел на прямое предательство, организовал заговор против правительства и народа и нанес нам удар в спину. Этого можно было избежать, если бы правительство выполняло свои обязанности.

Говорили, что коммунисты поддерживали Миаху потому, что он стал членом Коммунистической партии. Но это совершенно не соответствует истине — идеологически Миаха был ближе к франкистам, чем к республиканцам, что и подтвердилось в конце войны: он легко нашел общий язык с теми, кто организовал заговор, сумел договориться с Франко и положить конец республиканскому режиму. Об интригах Миахи было известно уже в первые месяцы обороны Мадрида, но особенно он проявил себя в ходе сражения на Эбро. Тогда уже не вызывало сомнения, что командиры зоны Центр — Юг не желают оказывать помощь войскам, сражающимся на Эбро. И душой этого сговора являлся Миаха — командующий вооруженными силами зоны Центр — Юг. Для меня это было настолько очевидно, что в первые дни сентября я поставил перед военно-политической комиссией ЦК партии вопрос о том, чтобы мне разрешили ходатайствовать перед Рохо о переводе в зону Центр — Юг и о передаче зоны под мое командование. Но эта просьба была отклонена. И позднее

всякий раз, когда я настаивал на этом, то получал отказ.

Нельзя было оставлять Миаху на высшем командном посту в зоне Центр — Юг, нельзя было сохранять в его руках непосредственное командование войсками. Следовало поручить ему такой пост, на котором он не мог бы вредить нашей войне против фашизма. Правительство в данном случае не использовало всей полноты своей власти, и в этом заключалась одна из его грубейших ошибок. Многие военачальники и политики, действовавшие в зоне Центр — Юг, стали вести себя совершенно независимо, а центральное правительство и генеральный штаб не отстаивали свои права и не сумели заставить уважать и выполнять решения центральных органов.

О маневрах капитулянтов было хорошо известно, и следовало вовремя принять меры, чтобы положить им конец.

Например, было известно, что анархистские вожаки уже в начале войны дали своим командирам указание беречь вверенные им воинские части и оружие, чтобы после победы над Франко дать бой коммунистам, другим демократическим силам и совершить свою «революцию». Если в этом отношении что-то и беспокоило нас, коммунистов, то только низкая боеспособность на фронте частей, в которых анархистские руководители имели влияние. Эти войска не могли представлять для нас опасность после окончания войны. Ибо мы прекрасно знали, что части, не проявившие боевой инициативы, не раз бежавшие от противника, не могли стать силой, способной противостоять нашим войскам, прошедшим настоящую школу войны.

Как показали последующие события, опасность заключалась не в планах анархистов на будущее, а в ударе в спину, который был нанесен значительно раньше. И «путч» в Барселоне в мае 1937 года, в котором были использованы войска с Арагонского фронта, достаточно ясно показал, на что способны анархистские лидеры.

Я не хочу смешивать всех руководителей и военных командиров — анархистов в одну кучу. Я встречал в их среде искренних революционеров, знал немало рядовых анархистов, которые храбро сражались в наших частях. Но капитулянтам в конце концов удалось распространить свое влияние и вступить в предательский сговор с фашистами.

5 марта 1939 года анархист Сиприано Мера снял свои части с Гвадалахарского фронта и направил их в Мадрид, где с тыла атаковал войска, защищавшие столицу, — такова была инструкция анархистского руководства. Это было черное предательство и открытая помощь диктатуре Франко. И надо сказать, что фашистский диктатор оценил заслуги анархистов: в

то время как сотни тысяч рядовых бойцов были уничтожены, Мера, Мельчор Родригес, Лоренсо Иньиго, Эдуардо Гусман, Оробон Фернандес, Энрико Маркос, Сиприано Дамиано и другие известные анархисты остались невредимы и теперь с пятном предателей на совести оказывают все новые услуги режиму Франко.

Итак, Народная армия создавалась на протяжении всей войны в постоянной борьбе между теми, кто выступал за подлинно народную армию, с присущими ей организационными принципами, методом командования и духом — и теми, кто хотел, чтобы армия лишь носила название народной. Шла повседневная тяжелая борьба между теми, кто считал, что командиры должны вырастать из героев, проявивших себя в огне сражений, на поле боя, и теми, кто стремился основные командные посты отдать кадровым военным по решениям секретариатов и комитетов партий и организаций.

И среди командного состава старой армии в числе командиров, вышедших из ополчения, имелись приверженцы как той, так и другой точки зрения. Те, кто умел воевать и воевал, придерживались первой концепции. Те же, кто воевать не умел, кто хотел нажиться на войне, были сторонниками второй. Среди кадровых военных имелись такие, кто понимал народный характер нашей войны и необходимость соответствующей армии, и они отдали все свои способности делу ее создания. В свою очередь и среди командиров, вышедших из ополченцев, встречались люди, зазубрившие старые уставы, стремившиеся бессмысленно и механически применять их в наших условиях, в то время как война диктовала иные уставы и складывалась новая военная школа. При этом не учитывалось и то, что наша армия была армией добровольцев. Из народа вышли ее бойцы, из народа выросло и подавляющее число командиров. Эта армия была любима народом и окружена его заботами, ибо выражала его идеи, защищала его интересы, свободу и жизнь.

История должна оценить усилия и способности народа, который, несмотря на политику «невмешательства», проводимую реакционными кругами Запада, несмотря на то, что ему противостояла огромная регулярная армия, поддержанная Гитлером, итальянскими и португальскими фашистами, несмотря на организационные трудности, недостатки, ошибки, предательство, сумел создать армию исключительной моральной стойкости, армию, которая выдержала почти три года тяжелейших сражений и одержала не одну победу над сильным противником.

Народ, подавивший мятеж в большей части страны, был

поставлен перед проблемой создания и вооружения армии численностью более чем в один миллион человек: надо было организовать военное производство в стране, где техника находилась на довольно низком уровне, надо было вооружить армию в условиях морской блокады, осуществляемой надводными и подводными судами военных флотов Германии и Италии.

Военные специалисты считали такую задачу фантастической и неосуществимой. Но испанский народ, боровшийся за правое дело, совершил немало «чудес». За короткое время в Мадриде были созданы мастерские, изготовлявшие боеприпасы, бомбы, запасные части для боевой техники. В январе 1937 года Мадрид ежедневно отправлял армии сотни тысяч патронов. Тысячи рабочих и особенно женщин-работниц стали мастерами своего дела.

Этот массовый героизм в годы войны в Испании имел экономические, исторические и политические корни. Основными политическими факторами в войне были патриотизм и героизм испанцев. Патриотизм вдохновлял и испанский промышленный пролетариат. Именно он сыграл важнейшую роль в деле организации армии, принес в армию присущую ему инициативу и сознательную дисциплину, а также революционный дух.

Героизм масс явился результатом новых условий, возникших после мятежа. Самоотверженность и боевой дух нашей армии, как и героизм испанского народа, создавшего ее, являлись идеологическим отражением новых условий, новых экономических и социальных отношений, родившихся после разгрома фашистской реакции в республиканской зоне. Они были выражением тесной и нерушимой связи армии и народа. Люди сражались и работали с подлинно революционным энтузиазмом, так как знали, что борются за правое дело, за свободу и независимость родины, против внутренней и международной реакции, которая стремилась не только покончить с демократическими завоеваниями испанского народа, но и преградить путь к демократии и прогрессу народам других стран.

К сожалению, революционный энтузиазм масс разбивался о косность высших командиров, скованных профессиональными предрассудками, далеких от интересов народа.

Их стратегия была в основном оборонительной и отражала полное неверие в творческие силы народа. А характер нашей войны требовал стратегии смелой, наступательной, основанной на неограниченной вере в народ. На протяжении всей войны существовала глубокая пропасть между идеями, воодушевлявшими народ, и той позицией, которую заняли

руководители армии и страны. И по мере того как развивались события, эти последние брали верх.

Рост материальных трудностей, вызванных войной, а порой саботажем и предательствами, эти люди использовали для деморализации масс и распространения капитулянтских настроений.

Поражение демократической Испанской республики отнюдь не уменьшает исторического значения нашего опыта, ибо сам факт существования Республики служит доказательством того, что народный режим, поддержанный трудящимися массами, жизнеспособен и в состоянии осуществить прогрессивные экономические преобразования. Даже в самых трудных условиях такой режим вселил в народ безграничное боевое упорство и несокрушимый коллективный героизм как на фронте, так и в тылу.

Народный героизм не возникает на пустом месте. Он рождается как результат определенных идей, убежденности масс в справедливости дела, которое они защищают.

Истёкшие со времени войны в Испании тридцать лет наполнены событиями, оказавшими решающее влияние на судьбы человечества. Но, несмотря на это, народы не забыли уроков национально-революционной войны в Испании. Ее опыт не утратил своей ценности и актуальности по сей день.

Война испанского народа доказала, и это важно для борющихся ныне народов, что для завоевания и защиты независимости и свободы необходимо единство действий рабочего класса со всеми прогрессивными и патриотическими силами в каждой стране, что дело защиты мира и исторического прогресса от сил империалистов и колониалистов требует солидарности трудящихся всего мира. Война в Испании показала значение и силу пролетарского интернационализма.

1 апреля 1939 года война в Испании официально закончилась, и так называемые «западные демократии» могли спокойно вздохнуть. Но для испанского народа она продолжалась, только в других формах.

Начиная с 1939 года (особенно в 1939–1940 годах) более 200 тысяч человек стали жертвами фашистского террора. И народ ответил на террор подъемом партизанского движения. Да и для «западных демократий» спокойствие длилось недолго: пять месяцев спустя после окончания боев в Испании началась новая фаза второй мировой войны (первой — я считаю войну в Испании). И первыми жертвами в этой войне стали народы тех самых «западных демократий», чьи правители цинично предали испанскую демократию.

Пусть не забудут народы этого урока!

notes

1

Продавец продуктового магазина (куб.).

2

Сельских кулаков (исп.).

3

Кузнеца (галис. нар.)

4

Я умираю (галис. нар.)

5

О, мои сыновья! (галис. нар.)

6

Каталонец (исп.).

7

Имеется в виду героическое восстание рабочих Астурии в октябре 1934 года. *Ред.*

8

Портела Вальядарес возглавлял т. н. «центристское» правительство Республики с декабря 1935 по февраль 1936 года. *Ред.*

Политический руководитель монархистов. *Ред.*

10

Бандерилья — короткая пика, втыкаемая в загривок быку, чтобы сильнее возбудить его. *Ред.*

11

Лидер мелкобуржуазной партии левых республиканцев. В мае 1936 года был избран президентом республики и занимал этот пост до февраля 1939 года. До этого трижды возглавлял правительства республики: в октябре — декабре 1931 года, с декабря 1931 по декабрь 1933 года, с февраля по май 1936 года. *Ред.*

12

Лидер буржуазной партии Республиканский союз. ***Ред.***

13

Лидер левореспубликанской партии. *Ред.*

14

Тореадор, участвующий в новильяде — бое молодых быков. *Ред.*

15

Бандера — подразделение специальных войск испанского иностранного легиона (соответствует батальону). *Прим. перев.*

16

Табор — воинская часть, сформированная из марокканцев и состоящая из трех рот (соответствует батальону). *Прим. перев.*

17

Лидер испанской социалистической партии. *Ред.*

18

Один из лидеров испанской социалистической партии. Ред.

19

Замок в Толедо. Ред.

20

Национальная конфедерация трудящихся. Находилась под влиянием анархистов. *Ред.*

21

Черно-красные платки носили анархисты.

22

Один из фашистских командиров. *Ред.*

23

Ополченцы культуры.

Всеобщая организация труда. *Ред.*

«Курносые» и «Мушки» (исп.).

26

Франкисты нагло именовали себя «националистами», а свою армию, основу которой составляли немцы, итальянцы, португальцы, марокканцы и Иностранный легион, — «национальной армией». *Ред.*

27

П. И. Батов. *Прим. перев.*

Федерация анархистов Иберии. *Ред.*

29

Павлов Д.Г.

Ф. И. Кравченко. *Прим. перев.*

31

Генерал Вальтер — полковник Советской Армии Кароль Сверчевский. В период Второй Мировой войны — генерал-полковник, командующий 2-й армией Войска Польского. *Прим. перев.*

32

«Laureada» — высшая военная награда в испанской армии.

33

Венгерский писатель Матэ Залка.

К. А. Мерецков.

35

Один из лидеров испанских анархистов, в феврале 1939 года примкнул к предателю полковнику Касадо.

Генерал-полковник А. И. Родимцев. *Ред.*

37

Итальянские генералы.

Один из видных деятелей социалистической партии. *Ред.*

39

Имеется в виду анархистский путч в Барселоне.

40

Попытка восстания в Валенсии.

41

Борьба против создания регулярной армии.

Так, в сводке за 6 июля умалчивалось об 11-й дивизии, что можно было объяснить не столько сохранением военной тайны, сколько фальсификацией фактов. Например: «Хорошо согласованные действия авиации, а также артиллерии, сыгравшей важную роль, позволили нашим войскам продвинуться вперед и занять деревню Брунете». Это было явной ложью, так как Брунете была взята без какого-либо участия авиации и артиллерии. *Авт.*

43

Один из популярных руководителей партизанского движения мексиканских крестьян начала XX века. *Ред.*

44

Воинское приветствие в испанской Республиканской армии.

Сенетисты — члены СНТ. *Ред.*

«Испанская освободительная война (1938–1939)».

Галисия — область на северо-западе Испании. *Ред.*

48

Выдающийся испанский поэт-антифашист, умер в концлагере во Франции в 1939 году. *Ред.*

49

ПОУМ — партия испанских троцкистов, называвшая себя рабочей марксистской партией *(Прим. перев.)*.

50

Наранхеро — охотничье ружье крупного калибра. *Ред.*

51

Луис Кампанис был выдан Франко правительством маршала Петэна и расстрелян. *Ред.*

52

Альварес дель Вайо — министр иностранных дел в правительстве Негрина. *Ред.*

53

ЛАПЕ (LAPE) — существовавшая в то время государственная компания испанской гражданской авиации. *Прим. перев.*

54

Полевой лейтенант — специальное воинское звание в испанской республиканской армии для окончивших ускоренные офицерские школы. *Прим. перев.*